
O 54/279
Бассевич.

ЗАПИСКИ О РОССІИ

ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ БУМАГЪ

ГРАФА БАССЕВИЧА,

который жилъ въ Россіи, состоя при особѣ Голштинскаго герцога Карла Фридриха, женившагося на дочери Петра Великаго Аннѣ Петровнѣ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

И. Ѳ. АММОНА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.
1866.



ЗАПИСКИ ГРАФА БАССЕВИЧА

СЛУЖАЩІЯ КЪ ПОЯСНЕНІЮ НѢКОТОРЫХЪ СОБЫТІЙ ИЗЪ ВРЕМЕНИ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1713—1725).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Предисловіе къ Русскому переводу.

Любопытныя записки эти напечатаны въ IX томѣ извѣстнаго Магазина новой исторіи и географіи, собраннаго пасторомъ Бюшингомъ (стр. 283—380). Въ подлинникѣ они озаглавлены „Eclaircissemens sur plusieurs faits relatifs au regne de Pierre le Grand, extraits en l'an 1761, à la requisition d'un savant, des papiers du feu comte Henningue Frédéric de Bassewitz, conseiller privé de L. M. Impériales Romaine et Russienne, chevalier de S-t André“, т. е. „Поясненія многихъ событій, относящихся къ царствованію Петра Великаго, извлеченныя въ 1761 г., по желанію одного ученаго, изъ бумагъ покойнаго графа Геннинга Фридерика Бассевича, тайнаго совѣтника ихъ императорскихъ величествъ Римскаго и Россійскаго, Андреевскаго кавалера.“

Издавая эти записки въ свѣтъ въ 1775 году, Бюшингъ предпослалъ имъ слѣдующую замѣтку: „Большое вліяніе, которое въ продолженіи цѣлаго ряда годовъ имѣлъ графъ Геннингъ-Фридрихъ фонъ-Бассевичъ (род. 1680, ум. 1749) на политическія дѣла Сѣвера, давало ему возможность изобразить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ и сообщить ключъ къ объясненію придворныхъ тайнъ. Въ особенности онъ въ свое время былъ очень свѣдущъ во всемъ что̀ касалось Русскаго двора и государственныхъ дѣлъ Россіи; у него, слѣдовательно, можно надѣяться найдти весьма много анекдотовъ. Ихъ и найдетъ читатель въ напечатанномъ здѣсь французскомъ извлеченіи изъ оставшихся послѣ него бумагъ, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Оно дѣлаетъ много чести рукѣ, составлявшей его, хотя нѣкоторыя выраженія и могли бы быть болѣе французскими. Его необходимо сличить съ напечатанною in 4° въ 1774 году, въ Гамбургѣ (на заглавномъ листѣ выставлено: Франкфуртъ и Лейпцигъ) Geschichte des herzoglich-schleswig-holstein-gottorfischen Hofes, und dessen vornehmsten Staatsbedienten, unter Regierung Herzog Friderichs IV und dessen Sohnes Herzog Carl Friderichs, etc., потому что во многомъ его можно разсматривать какъ отвѣтъ на эту книгу, хотя оно и написано за много лѣтъ до ея появленія. Я знаю, кто авторъ этой исторіи, но по нѣкоторымъ причинамъ не могу назвать его, хотя и прошло уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ умеръ. Множество его анекдотовъ, для признанія за ними достовѣрности, должно еще быть подвергнуто тщательной критикѣ, и этому можетъ содѣйствовать извлеченіе изъ бумагъ графа Бассевича. Я напечаталъ это извлеченіе въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ его, измѣнивъ въ немъ толь-

ко одно выраженіе. Я, конечно, могъ бы по поводу его сдѣлать нѣсколько замѣчаній, но ограничусь двумя. На стр. 318 говорится, что царевичъ Алексѣй, сынъ Петра I отъ первой супруги его, Евдокіи, умеръ въ конвульсіяхъ отъ страха послѣ произнесенія надъ нимъ смертнаго приговора. Не сомнѣваюсь, что графъ Бассевичъ зналъ какъ умеръ царевичъ, и извиняю, что въ этомъ сочиненіи умолчано объ истинѣ; но я уже въ третьей части моего „Магазина", стр. 224, объявилъ, что царевичъ навѣрное былъ обезглавленъ, и теперь прибавлю еще, что родившійся въ Москвѣ и въ 1721 году умершій генералъ Адамъ Адамовичъ Вейде отрубилъ принцу голову топоромъ по повелѣнію его отца. На стрр. 371 и 372 умалчивается объ истинной причинѣ, по которой Петръ I велѣлъ отрубить голову первому каммергеру супруги своей Екатерины, Монсу или Моонсу, а причина эта слѣдующая. Монсъ былъ сынъ одного московскаго золотыхъ дѣлъ мастера и братъ дѣвицы Монсъ, которую царь Петръ I не могъ склонить сдѣлаться его наложницею, потому что она питала къ нему непреоборимое отвращеніе. Впослѣдствіи она вышла замужъ за генерала Балка и послѣ его смерти заняла мѣсто первой статсъ-дамы императрицы Екатерины, у которой стала довѣреннымъ лицомъ. Тогда короткія отношенія между ея братомъ, камергеромъ Монсомъ, и императрицею могли тѣмъ легче установиться. Однакожь императору было донесено объ этомъ въ 1724 году, слѣдовательно незадолго до его смерти, но уже послѣ коронованія его супруги, и онъ подвергъ описаннымъ у Бассевича наказаніямъ какъ брата, такъ и сестру, обвиненныхъ, впрочемъ, для виду въ другихъ преступленіяхъ. Когда знаешь это, тогда становится понятнымъ: во-первыхъ, почему императоръ велѣлъ такъ жестоко наказать сестру камергера Монса, и во-вторыхъ, зачѣмъ онъ на другой день послѣ казни каммергера проѣхалъ съ своею супругою въ открытомъ фаэтонѣ мимо эшафота, гдѣ голова казненнаго была выставлена вздѣтая на шестѣ, и тѣмъ какъ бы заставилъ ее смотрѣть на нее.—Впрочемъ, я увѣренъ, что извлеченіе изъ бумагъ графа Бассевича очень заинтересуетъ и займетъ читателя."

—

Записки Бассевича вводятъ насъ въ самую середину сѣверной войны, когда Карлъ XII бездѣйствовалъ въ Бендерахъ, а полководцы его терпѣли пораженія отъ Русскихъ. Перевѣсъ Россіи былъ уже явный, но вмѣсто рѣшительныхъ событій наступила неопредѣленная пора дипломатическихъ сближеній, обыкновенно столь благопріятствующая людямъ въ родѣ Герца, умѣющимъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Записки Бассевича именно тѣмъ преимущественно и важны, что излагаютъ передъ нами эту хитрую сѣть договоровъ и сдѣлокъ, которая разостлана была для уловленія Петра Великаго, въ сѣверной Германіи, трепетавшей его могущества. Какъ левъ встряхивалъ онъ головою и разрывалъ эти путы; тѣмъ не менѣе послѣдствія были чрезвычайно важныя и надолго опредѣлили ходъ Русской исторіи... И такъ да не посѣтуютъ читатели на то, что печатаемыя записки въ началѣ не представляютъ особеннаго интереса: мы не сочли себя вправѣ въ историческомъ документѣ такой важности исключать подробности, имѣющія къ Россіи лишь косвенное отношеніе. Приводимыя Бюшингомъ въ предисловіи извѣстія о кончинѣ царевича Алексѣя и объ отношеніяхъ Петра къ Монсамъ, по свидѣтельству нынѣ изданныхъ источниковъ, оказываются невѣрными. Болѣе точныя свѣдѣнія читатели могутъ найти въ превосходномъ трудѣ Устрялова. Что касается до самаго Бассевича, то изъ Цедлерова Универсальнаго лексикона узнаёмъ (1733 г., ч. III, стр. 631—632), что онъ происходилъ изъ старинныхъ и чиновныхъ дворянъ Нижней Саксоніи и родился въ 1680 г., 17 ноября, въ 1703 году женился на Аннѣ Клаузенгеймъ, отъ коей имѣлъ 6 дочерей и 5 сыновей, и въ 1726 г. возведенъ въ графское достоинство. Въ новѣйшихъ біографіяхъ годъ смерти егоозначаютъ 1749. П. Б.

Записки графа Бассевича.

I.

Знаменитый Стенбокъ (1), преслѣдуемый Датчанами и великимъ царемъ, не зналъ гдѣ укрыться съ своею обезсиленною арміею.... Христіанъ-Августъ, епископъ любскій, регентъ герцогствъ шлезвигскаго и голштинскаго въ малолѣтство герцога Карла Фридриха (котораго онъ былъ дядей съ отцовской стороны) отворилъ несчастному полководцу ворота крѣпости Тённингена (2). Царь принялъ такой поступокъ за нарушеніе нейтралитета, дарованнаго владѣніямъ дома голштинскаго послѣ сраженія при Клиссовѣ, въ которомъ храбрый герцогъ Фридрихъ (3) былъ убитъ. Увѣренный, что опекунъ предполагаемаго наслѣдника Карла XII (4) не можетъ не быть преданнымъ Швеціи, царь, немедленно по вступленіи въ Голштинію, свидѣлся съ генераломъ Шольтеномъ и совѣтовалъ ему пуще всего остерегаться происковъ барона Герца, перваго министра и любимца епископа-регента, который до того находился подъ вліяніемъ этого человѣка, что и видѣлъ, и дѣйствовалъ только съ его помощью. Шольтенъ говорилъ, что его дворъ увѣренъ въ преданности Герца, царь — что искусный министръ скрываетъ въ груди шведское сердце. Убѣжище, данное Стенбоку, казалось, оправдывало мнѣніе монарха; но обѣ стороны ошибались. Герцъ искалъ только счастья и съ нимъ постоянно мѣнялъ партіи. Скучая въ тѣсной сферѣ, въ которую былъ поставленъ положеніемъ своего государя, и желая, во что бы то ни стало, играть важную роль въ дѣлахъ Европы, онъ безпрерывно переходилъ отъ одного двора къ другому, отъ одной арміи къ другой и старался вмѣшиваться во всѣ негоціаціи. Очень часто ему удавалось это; но онъ никогда не могъ создать ничего прочнаго. Его утонченной политикѣ хотѣлось имѣть успѣхъ вездѣ, между тѣмъ какъ его обширные планы, всегда имѣвшіе въ виду нѣсколько цѣлей, обыкновенно не достигали ни одной. Здѣсь будетъ нелишнимъ раскрыть тѣ побудительныя причины, которыя заставляли Герца дѣйствовать въ тённингенскомъ дѣлѣ.

Когда, въ 1709 году, онъ придворными интригами добился арестованія Веддеркоппа (президента тайнаго совѣта епископа-регента) нѣкоторые дворы начали съ жаромъ ходатайствовать объ освобожденіи этого министра, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ за свою честность (5). Копенгагенскій даже вступился за

---

(1) Графъ Магнусъ Стенбокъ (род. 1664, ум. 1717 г.), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ генераловъ Карла XII.—Послѣ сдачи Тённингена его увезли въ Копенгагенъ, гдѣ содержали въ тѣсномъ заключеніи до самой его смерти. Украдкой и на клочкахъ бумаги составилъ онъ записку о своемъ жестокомъ заключеніи, которая случайно была найдена послѣ его кончины и напечатана уже въ 1773 году.

(2) Въ сѣверо западномъ углу Голштиніи

(3) Герцогъ Фридрихъ Голштинскій, отецъ Карла Фридриха (что впослѣдствіи женился на нашей царевнѣ Аннѣ Петровнѣ)былъ женатъ на старшей сестрѣ Карла XII, Гедвигѣ-Софіи, и убитъ 19 іюля 1702 года въ извѣстномъ сраженіи при Клиссовѣ, близь Кракова, гдѣ Шведы разбили на голову соединеныя Саксонско-польскія войска.

(4) Карлъ XII не былъ женатъ и не имѣлъ братьевъ; по-этому ближайшимъ наслѣдникомъ его престола считали племянника его, малолѣтняго голштинскаго герцога. Такимъ образомъ слабая и вдобавокъ ежеминутно угрожаемая Датчанами Голштинія получала въ будущемъ важное значеніе, и это обстоятельство открывало обширное поле для всякаго рода дипломатическихъ каверзъ. П. Б.

(5) Магнусъ фонъ Веддеркопъ, род. 1638, ум. 1721 былъ сверхъ того извѣстнымъ въ то время ученымъ юристомъ, профессоромъ и кураторомъ Кильскаго университета. Жизнеописаніе его помѣщено въ Цедлеровомъ универсальномъ

него какъ за своего вассала, котораго считалъ обязанностію защитить отъ притѣсненій готторпскаго министерства. Тогда Герцъ почувствовалъ необходимость привлечь на свою сторону этотъ разгнѣванный дворъ. Онъ склонилъ епископа въ концѣ 1710 года подписать конвенцію съ королемъ датскимъ, въ силу которой послѣднему уступались многія права, пріобрѣтенныя травендальскимъ трактатомъ (6). Но этого мало. Голштинское дворянство не могло быть подвергнуто никакому чрезвычайному налогу со стороны Датчанъ безъ содѣйствія герцогскаго регентства: Герцъ допустилъ тѣ чрезмѣрныя контрибуціи, которыя раззорили столько богатыхъ фамилій, и кромѣ того устроилъ такъ, что королю была отдана большая часть суммы, приходившейся на долю Готторпа. Эти деньги поставили Данію въ возможность продолжать военныя дѣйствія противъ Швеціи по силѣ договора, заключеннаго ею съ царемъ. За столько оказанныхъ услугъ несчастный Веддеркоппъ былъ забытъ. Онъ остался по прежнему въ темницахъ тённингенскихъ, а Герцъ во главѣ голштинскаго Совѣта. Когда король (7) выступилъ противъ Стенбока, епископъ, въ сопровожденіи Герца, посѣтилъ датскій лагерь, и никогда еще оба двора, казалось, не были въ бо̀льшей дружбѣ

Но побѣда, одержанная Шведами при

лексиконѣ, 1747 г., ч. 53, стр. 1783 — 1786. Въ 1709 г., 31 дек., его заключили въ упомянутую выше голштинскую крѣпость Тённингенъ, и только по сдачѣ ея Датчанамъ въ 1714 г. онъ былъ освобожденъ. Многія послѣдующія интриги Герца объясняются опасеніемъ, чтобы не выпустили изъ заточенія Веддеркопа, который могъ отмстить ему, освободившись. П. Б.

(6) По травендальскому трактату, заключенному между Швеціею и Даніею 8 августа 1700 года, герцогу Голштинскому возвращены были его владѣнія, захваченныя Даніею при началѣ войны ея съ Швеціею.

(7) Датскій.

Гадебушѣ (8), внезапно перемѣнила картину. Торжествующій Стенбокъ сталъ угрожать Ютландіи и двинулся по дорогѣ въ Голштинію. Герцъ поспѣшно отправилъ статскаго совѣтника Каллизена свидѣтельствовать у ногъ побѣдителя о приверженности готторпскаго двора къ Швеціи. Генералъ отвѣчалъ ему съ презрѣніемъ; однакожь подъ конецъ склонился на убѣжденія тайнаго совѣтника Банніера (или по крайней мѣрѣ показалъ видъ, что склоняется), чтобъ получить ту помощь, который надѣялся добиться отъ Герца. Необходимость заставила его требовать, на всякій случай, свободнаго отступленія къ Тённингену, и 21 января 1713 года, въ Гузумѣ, между нимъ и Герцомъ было заключено объ этомъ условіе, съ уговоромъ, что почтенный старикъ Веддеркоппъ (хотя въ пользу его ходатайствовалъ шведскій Сенатъ и самъ Карлъ XII удостоилъ написать письмо изъ Бендеръ), не будетъ освобожденъ. За недѣлю до этого условія, которое должно было оставаться тайною для сѣверныхъ союзниковъ, Герцъ послалъ въ Копенгагенъ графа Дерната съ увѣреніями, что дворъ готторпскій сохранитъ строгій нейтралитетъ и не впуститъ Шведовъ въ крѣпость. Можетъ быть, храбрость Стенбока и избавила бы ихъ отъ необходимости искать въ ней убѣжища, еслибъ не мудрыя распоряженія царя. Государь этотъ такъ искусно отрѣзалъ имъ всякій путь къ спасенію, что наконецъ надобно было прибѣгнуть къ послѣднему средству, предвидѣнному заранѣе, и броситься въ Тённингенъ. Коммендантъ Вольфъ не хотѣлъ впускать туда иностранныхъ войскъ, не смотря на приказаніе епископа-регента, и уступилъ только тогда, когда ему представили при-

(8) 12 декабря 1712 года. Гадебушъ—небольшой городокъ въ Мекленбургіи, въ 4 миляхъ отъ Висмара.

казъ молодаго герцога (Карла-Фридриха) отъ іюля мѣсяца предшествовавшаго года. Баронъ Банніеръ и графъ Ревентлау составили этотъ подложный документъ, а кабинетъ-секретарь Штамке поддѣлалъ въ немъ подпись. Этотъ фактъ такъ достовѣренъ, что даже послѣ, когда Ревентлау женился на графинѣ Альтанъ и перешелъ въ службу императора (Австрійскаго), министръ герцога Карла-Фридриха, Бассевичъ, не побоялся въ Вѣнѣ открыто упрекнуть его въ томъ, и тотъ не осмѣлился оправдываться.

Предвидя грозу, готовую разразиться надъ владѣніями голштинскими, Гёрцъ хотѣлъ спасти отъ нея по крайней мѣрѣ себя самого и епископа-регента. Такъ какъ условіе его съ Стенбокомъ было заключено подъ покровомъ тайны, то онъ, черезъ посредство своего задушевнаго друга, графа Флемминга ([9]), выхлопоталъ у короля датскаго формальное обѣщаніе сохранить за епископомъ право опеки, не смотря на ненависть къ нему Швеціи, и всѣми силами защищать его, барона Гёрца, отъ преслѣдованій этой державы. Въ замѣнъ того, онъ съ своей стороны обѣщалъ обратить въ пользу его величества то, что называлъ ошибкою гг. Баннiера и Вольфа, сдѣланною безъ его участія, и склонить графа Стенбока сдаться военноплѣннымъ со всею его арміею. Предложеніе это было принято, и Флеммингъ, хоть и состоялъ въ службѣ короля Августа ([10]), получилъ отъ Фридриха IV ([11]) полномочіе постановить съ Гёрцомъ нужныя условія.

Главнокомандующіе союзниковъ собрались въ Гузумѣ ([12]) для переговоровъ съ начальствующимъ надъ шведскими войсками, который требовалъ свободнаго пропуска въ Померанію или Швецію. Гёрцъ, въ качествѣ посредника, безпрестанно сновалъ между Гузумомъ и Тённингеномъ. Датскому Совѣту онъ говорилъ, что Стенбокъ дѣйствительно дѣлаетъ нѣкоторыя затрудненія относительно сдачи, но что это только для формы, а князю Меншикову, что шведскіе генералы единодушно протестуютъ противъ обезоруженія ихъ войска, и что Стенбокъ, получивъ недавно весьма благопріятныя извѣстія съ востока, никогда не согласится на предлагаемыя ему условія. Князь передалъ это королю, король своимъ министрамъ, а министры, обрадовавшись возможности вести переговоры безъ содѣйствія голштинцевъ, придали такой мрачный колоритъ разногласнымъ представленіямъ Гёрца, что, не смотря на клятвенныя увѣренія послѣдняго, будто русскій князь не такъ понялъ дѣло, князь этотъ, снесясь съ королемъ, устранилъ его отъ конференцій и прислалъ ему паспортъ на выѣздъ въ Гамбургъ. Такимъ образомъ посредничество готторпскаго двора было отвергнуто, и его интересы, лишившись всякой подпоры, остались въ полной зависимости отъ Даніи, которая, съ согласія союзниковъ, наложила секвестръ на оба герцогства.

Царь не сталъ ждать окончанія блокады Тённингена, и возвратился въ свои владѣнія, чтобы приступить къ походу въ Финляндію. Онъ проѣхалъ черезъ Ганноверъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Гёрцъ, явившійся также туда, не могъ добиться у него публичной аудіенціи, но имѣлъ съ нимъ тайное свиданіе. Здѣсь этотъ министръ говорилъ, что регенство голштинское, имѣя въ виду большое преимущество оружія союзниковъ, давно изъискивало средства оказать имъ какую нибудь услугу, чтобы пріобрѣсть ихъ благоволеніе; что дозволивъ отступленіе

([9]) Графъ Яковъ-Генрихъ Флеммингъ (род. 1667, ум. 1728 г.), фельдмаршалъ, первый министръ и любимецъ курфюрста Саксонскаго и короля Польскаго Августа II.

([10]) Августа II, короля Польскаго.

([11]) Короля Датскаго.

([12]) Гузумѣ (Husum)—городокъ въ герцогствѣ Шлезвигскомъ.

шведскимъ войскамъ, оно сдѣлалось властелиномъ ихъ участи и распоряжалось ими на пользу союзниковъ; что, слѣдовательно, несправедливо и неблагоразумно, когда съ нимъ обращаются какъ съ непріятелемъ именно тѣ, которымъ оно служило съ такою пользою и могло бы служить еще лучше, еслибъ хоть сколько-нибудь терпѣли его наружное снисхожденіе къ Швеціи. Потомъ началъ выставлять важность своихъ связей въ шведскомъ Сенатѣ и легкость удаленія надменнаго Карла отъ престола, на который совѣтовалъ возвести молодого Карла Фридриха (обожаемаго старою королевою, его бабкою [13]), тѣмъ болѣе, что онъ всею душею преданъ Швеціи, мѣсту своего рожденія и воспитанія, мало расположенъ къ собственнымъ владѣніямъ, вовсе ему незнакомымъ, и слѣдовательно безъ труда рѣшится уступить часть ихъ (царю, который желалъ владѣть участкомъ въ Германіи) въ вознагражденіе за помощь, которая доставитъ ему скипетръ — цѣль его стремленій. Для осуществленія этого обширнаго замысла прежде всего предполагалось: отпустить осажденную армію въ Швецію и тѣмъ сдѣлать пріятное шведской націи; возвратить епископу-регенту герцогства шлезвигское и голштинское, занятыя Датчанами, чтобы имѣть возможность отдать царю то, чтó ему будетъ уступлено, и наконецъ— объявить шведскія провинціи въ Германіи нейтральными, какъ это было уже постановлено трактатомъ, заключеннымъ въ Гаагѣ послѣ несчастія Карла подъ Полтавою. Говорятъ, что проектъ такого нейтралитета родился въ головѣ Гёрца; по крайней мѣрѣ онъ вполнѣ сочувствовалъ ему и постоянно носился съ нимъ, какъ съ любимою мечтою, до самаго возвращенія Карла въ Стральзундъ. Не смотря на всю странность свою, мысль эта нѣсколько разъ готова была осуществиться, и не имѣла успѣха только потому, что Карлъ съ упорствомъ отвергалъ ее.

Не довѣрялъ ли царь Гёрцу, или соображенія не позволяли ему охуждать дѣйствій Даніи, только онъ сурово отвѣчалъ этому министру, что тотъ разсказываетъ ему сказки, основанныя на измѣнѣ, или на химерѣ, и что вмѣсто того, чтобъ забавляться ими, лучше было бы придумать средство къ устраненію неудовольствій копенгагенскаго двора. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, онъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ въ Россію и оставилъ завѣдываніе дѣлами въ Германіи князю Меншикову, которому приказалъ слѣдовать за собою съ войсками, какъ скоро сдастся Стенбокъ.

Не смотря на происшедшее въ Гузумѣ, Гёрцъ не замедлилъ пріобрѣсти себѣ благоволеніе начальника русской арміи. Двѣ мысли—увеличивать могущество царя и обогащать самого себя—руководили всѣми дѣйствіями Меншикова. Гёрцъ прислалъ ему планъ прорытія черезъ Шлезвигъ канала, который бы соединялъ Балтійское море съ Нѣмецкимъ и открывалъ Россіи путь къ торговлѣ, избавляя въ то же время русскіе корабли отъ обязанности проходить черезъ каттегатскій проливъ. Князю предоставлялось привести въ исполненіе это предпріятіе и получить отъ него значительную прибыль. Такого рода проектъ не могъ не найдти въ немъ сочувствія. Чтобы свободнѣе обсудить его съ Гёрцомъ, онъ снова вызвалъ послѣдняго на гузумскія конференціи, которыя все еще по временамъ возобновлялись и на которыхъ шла рѣчь какъ относительно военныхъ дѣйствій, такъ и относительно предварительныхъ условій мира. Считая съ этой минуты тѣсный союзъ съ домомъ готторпскимъ полезнымъ своему государю, Меншиковъ вознамѣрил-

[13] Здѣсь, вѣроятно, разумѣется супруга короля шведскаго Карла XI и мать Карла XII, Гедвига-Элеонора, урожденная принцесса Датская.

ся утвердить его бракомъ молодаго герцога съ царевною Анною Петровною. Гёрцъ во всемъ соглашался съ княземъ и до того пріобрѣлъ его расположеніе, что тотъ часто называлъ его своимъ приближеннымъ тайнымъ совѣтникомъ (seinen Leibgeheimenrath).

Между тѣмъ, 20 мая, недостатокъ продовольствія заставилъ побѣдителя при Гадебушѣ ([14]) сдаться военноплѣннымъ со всею его арміею. Онъ согласился однакожъ на это не прежде, какъ условившись съ королемъ датскимъ относительно возстановленія правъ дома готторпскаго, такъ что, еслибъ датчане не нарушили договора, достигъ бы своею сдачею цѣли, для которой Карлъ XII не задумался бы вести ожесточенную войну. Лишь только договоръ этотъ былъ подписанъ, какъ король потребовалъ отъ Меншикова, въ видѣ акта обезпеченія, чтобы, во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ въ этомъ случаѣ всей коалиціи посредничествомъ епископа-регента и усердіемъ его министра, русскія войска въ шестнадцать дней очистили голштинскія владѣнія. Князь со всею точностію исполнилъ это обязательство и сопровождаемый саксонскою арміей отступилъ къ окрестностямъ Гамбурга. Онъ съ гордостью воспротивился бомбардированію Тённингена, но не могъ отклонить короля отъ продолженія его осады, хотя тамъ и не было болѣе Шведовъ. Въ то же время, по его приказанію, черезъ русскіе аванпосты со стороны Дитмарсіи, туда доставленъ былъ значительный транспортъ съѣстныхъ припасовъ, который счастливо прошелъ въ крѣпость. Затѣмъ, отступая, онъ подписалъ декларацію, посланную къ барону Гёрцу, что ни въ какомъ случаѣ герцогскому дому не приписываетъ непріязненныхъ намѣреній противъ союзниковъ.

Царь справедливо полагалъ, что ему не дадутъ ничего завоевать въ Германіи и что двухъ армій, датской и саксонской, достаточно, чтобъ уничтожить остатки шведскихъ войскъ. Онъ искалъ успѣховъ въ Швеціи, чтобъ было изъ чего обильно оставить себѣ и возвратить назадъ, когда дѣло дойдетъ до мира; поэтому, не смотря на всю несправедливость поступковъ Даніи во владѣніяхъ принца малолѣтнаго, допускалъ эту державу запасаться тамъ деньгами и набирать рекрутъ, имѣя въ виду тѣмъ легче привести въ исполненіе свой планъ—совершенно ослабить Швецію сильною высадкою въ Сканіи. Меншиковъ, вмѣсто того, чтобъ согласоваться съ намѣреніями государя и отступить съ своею арміею, ослѣпленный расточаемыми ему подарками, безусловно подчинился видамъ Гёрца, который все еще мечталъ о своемъ проектѣ нейтралитета и старался внушать его всѣмъ дворамъ. Но чтобы возвысить свою заслугу и показаться въ глазахъ Швеціи спасителемъ ея германскимъ провинцій, надобно было поставить ихъ въ опасное положеніе, почему министръ этотъ на первый разъ просилъ союзныхъ генераловъ вступить въ Померанію и дѣйствовать тамъ враждебно. На вандсбекскихъ (Wandsbeck) ([15]) конференціяхъ положено было завладѣть всѣми укрѣпленными мѣстами Шведовъ въ Германіи. Гёрцъ, находившійся въ четверти-мили оттуда (отъ Вандсбека), въ Гамбургѣ, представилъ графу Веллингу, генералъ-губернатору герцогствъ Бременскаго и Померанскаго и уполномоченному короля шведскаго, что спасти эти мѣста можно не иначе, какъ сдавъ ихъ нейтральной державѣ, но не на столько могущественной, чтобъ бояться, что она завладѣетъ ими. Веллингъ, убѣжденный тѣми же доводами, уже прежде сдалъ

([14]) Т. е. Стенбока.

([15]) Вандсбекъ, прежде дворянское помѣстье, нынѣ мѣстечко на Эльбѣ, въ Голштиніи, въ округѣ Итцегоэ.

курфирсту ганноверскому Верденъ и Оттерсбергъ, желая спасти ихъ отъ Датчанъ, а потому безъ затрудненія согласился теперь па занятіе Висмара и Штеттина войсками голштинскими. Но войска эти были еще въ Брабантѣ на службѣ соединенныхъ штатовъ и оказывались недостаточными для обѣихъ крѣпостей, изъ которыхъ каждая требовала по четыре батальона. Поэтому было рѣшено, что епископъ-регентъ согласится, по собственному своему выбору, съ какою-либо нейтральною державою для полученія половины гарнизона, и что эти войска присягнутъ ему, равно какъ и оба шведскіе батальона, которые останутся до возвращенія въ упомянутыя крѣпости его собственныхъ войскъ, но съ тѣмъ, чтобъ предоставить имъ потомъ свободное отступленіе къ острову Рюгену и снабдить ихъ на дорогу продовольствіемъ. Всѣ издержки падали на Швецію, имѣвшую уже ту выгоду, что за нею оставались ея укрѣпленныя мѣста, за которыя отвѣчалъ епископъ. Этотъ правитель и Веллингъ съ одинаковымъ удовольствіемъ подписали свою конвенцію 10-го іюня. Одинъ думалъ, что обезпечитъ безопасность значительной части ввѣренной ему провинціи, другой — что будетъ имѣть вѣрное ручательство въ томъ, что Швеція не заключитъ мира безъ его возстановленія и вознагражденія. Гёрцъ, съ своей стороны, сохранялъ себѣ полную власть предоставить владѣніе двумя прекрасными, хорошо укрѣпленными городами той державѣ, которой удостоитъ благопріятствовать.

Выборъ его палъ на короля прусскаго, который не приставалъ еще ни къ какой сторонѣ въ смутахъ Сѣвера. Союзъ съ нимъ, слѣдовательно, могъ совершенно измѣнить положеніе дѣлъ. Но король этотъ только-что вступилъ на престолъ; роскошь отца истощила его казну; его наклонность къ экономіи требовала мира, и министръ Ильгенъ, пользовавшійся его довѣріемъ, былъ благоразуменъ, но робокъ. Гёрцъ, столь способный ко всякаго рода интригамъ, не могъ удалиться изъ Гамбурга и Вандсбека при такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Хотя въ числѣ его креатуръ и были люди, способные для самыхъ запутанныхъ негоціацій, однакожь въ этомъ дѣлѣ, гдѣ онъ не хотѣлъ быть проникнутымъ никѣмъ, ему нуженъ былъ человѣкъ новый, но тѣмъ не менѣе способный имѣть успѣхъ въ дѣлахъ. Тотъ самый Бассевичъ, о которомъ упомянуто выше, былъ старостой (grand bailli) въ Гузумѣ, именно въ то время, когда рѣшалась тамъ несчастная участь Стенбока. Должность эта доставляла ему случай сходиться съ генералами, участвовавшими въ гузумскихъ конференціяхъ, и всѣ они питали къ нему необыкновенное расположеніе. Даже король датскій, изъ особеннаго къ нему благоволенія, предлагалъ не только оставить ему управленіе староствами Гузумскимъ и Швабштедтскимъ, но и присоединить къ нимъ еще Тундернское, самое доходное въ Шлезвигѣ. Но Бассевичъ не принялъ этого предложенія и отправился въ Гамбургъ къ епископу-регенту, сложивъ съ себя свою должность и вмѣстѣ съ тѣмъ отказавшись отъ данныхъ своимъ староствамъ въ заемъ денегъ, которыя составляли почти все его имущество.

Гёрцъ призналъ за нужное воспользоваться его усердіемъ и способностью правиться. Тогда епископъ назначилъ Бассевича своимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ, съ порученіемъ просить короля склонить Датчанъ къ возстановленію голштинскихъ владѣній и снятію осады Тённингена, а потомъ убѣдить его принять противъ Даніи и Россіи сторону Швеціи, которую заставятъ уступить ему, въ вознагражденіе, Штеттинъ съ округомъ. Министерство въ Берлинѣ приняло такое предложеніе за химеру и долго уклоня-

лось отъ переговоровъ о немъ, пока наконецъ король, у котораго Бассевичъ успѣлъ снискать къ себѣ уваженіе, не приказалъ приступить къ нимъ. Ильгенъ спросилъ, что можетъ представить епископъ въ обезпеченіе своихъ обѣщаній? Посланникъ въ отвѣтъ представилъ ему только-что заключенную конвенцію съ Веллингомъ, и 22-го іюня подписана была другая, извѣстная подъ именемъ трактата между Пруссіею и Голштиніею, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: 1) Висларъ и Штеттинъ будутъ очищены Шведами и заняты одинаковымъ числомъ войскъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, подъ предводительствомъ двухъ равныхъ по чину офицеровъ, которымъ начальствовать тамъ по-очередно; 2) городовъ этихъ не уступать никакой другой державѣ, а Швеціи не возвращать иначе, какъ съ условіемъ уплаты за содержаніе гарнизоновъ; 3) король и епископъ займутъ Стральзундъ и островъ Рюгенъ своими войсками и будутъ защищать ихъ отъ всякаго посторонняго притязанія; 4) его величество король прусскій употребитъ всѣ свои усилія для замиренія Сѣвера; 5) онъ войдетъ въ сношенія съ Великобританіею, Генеральными Штатами и курфирстомъ Ганноверскимъ, чтобы положить конецъ непріязненнымъ дѣйствіямъ Даніи въ Шлезвигѣ и Голштиніи, и наконецъ 6) если эти державы слишкомъ замедлятъ своимъ согласіемъ, король приступитъ къ рѣшительному дѣйствію одинъ и употребитъ всѣ возможныя средства для возстановленія дома готторпскаго во всѣхъ его правахъ. Въ этотъ трактатъ, вскорѣ послѣ того обнародованный, включены были двѣ секретныя статьи, гласившія, первая: что епископъ убѣдитъ его величество короля шведскаго уступить въ полную собственность королю прусскому, въ видѣ вознагражденія за оказанныя имъ важныя услуги, Штеттинъ съ округомъ; вторая: что въ случаѣ, если Карлъ XII умретъ, не оставивъ потомства, король прусскій всѣми силами будетъ поддерживать права на престолъ шведскій герцога Карла-Фридриха, который въ такомъ случаѣ, кромѣ уступки Штеттина, откажется еще отъ мнимаго права короны шведской на обладаніе верхнею Помераніею и Новою Мархіею, равно какъ и отъ соединенныхъ съ ними преимуществъ.

По заключеніи этого договора, графъ Веллингъ послалъ приказаніе графу Мейерфельду, губернатору Помераніи, сдать обѣ крѣпости епископу-регенту. Мейерфельдъ не согласился, доказывая, что король (шведскій) ввѣрилъ ихъ его чести, и что онъ въ состояніи защитить и сохранить ихъ Такъ какъ царь отозвалъ свою армію, а у Датчанъ и Саксонцевъ не было осадной артиллеріи, то это препятствіе заставило Герца просить Меншикова и Флемминга отрядить свои войска въ Померанію для устрашенія Мейерфельда. Привыкнувъ слѣдовать его внушеніямъ, они выступили и расположились лагеремъ передъ Штеттиномъ. Чтобъ имѣть возможность управлять ихъ дѣйствіями, Гёрцъ переѣхалъ въ Берлинъ, получивъ неограниченное полномочіе отъ епископа-регента вести переговоры, заключать, по своему усмотрѣнію, трактаты и союзы отъ имени герцогскаго дома и даже передавать это полномочіе въ цѣлости или по частямъ, въ видѣ передовѣрія, кому заблагоразсудитъ. Бассевичъ получилъ приказаніе находиться въ лагерѣ генераловъ, и Гёрцъ вручилъ ему особую инструкцію для убѣжденія Мейерфельда. Ложные доводы, представлявшіе интересы Швеціи въ невѣрномъ свѣтѣ, угрозы разореніемъ и опустошеніемъ провинціи, обѣщанія подарковъ и покровительства — ничто не было въ ней забыто, но ничто не поколебало твердости и честности генерала.

Рѣшено было начать осаду, не смотря на всѣ препятствовавшія ей затрудненія.

Одно изъ важнѣйшихъ Гёрцъ устранилъ, открывъ князю Меншикову кредитъ въ прусскихъ владѣніяхъ для продовольствія его арміи. Недоставало только артиллеріи. Напрасно Гёрцъ употреблялъ всѣ уловки, чтобъ получить ее изъ Берлина: ни король, ни его министерство не хотѣли нарушить разъ признаннаго ими нейтралитета. Тогда, потерявъ надежду съ этой стороны, онъ 20-го августа заключилъ секретный договоръ съ фельдмаршаломъ Флеммингомъ, гдѣ между прочимъ сказано было: что такъ какъ Пруссія отказывается поддерживать мѣры, предпринятыя съ цѣлью заставить Мейерфельда согласиться на проектъ нейтралитета шведскихъ провинцій въ Германіи, то всѣ выгоды, обѣщанныя ей въ трактатѣ Бассевича, переходятъ къ Саксоніи, но съ тѣмъ условіемъ, что она рѣшительно приступитъ къ военнымъ дѣйствіямъ для покоренія всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ Помераніи, даже Стральзунда, и что доставитъ изъ Дрездена свою осадную артиллерію. Чтобъ облегчить исполненіе этого дѣла, епископъ-регентъ обязывался выплатить Саксоніи двѣсти тысячь талеровъ, которые падутъ потомъ на Швецію, и не позволятъ послѣдней высаживать въ Померанію новыхъ войскъ, — условіе необходимое, чтобы воспрепятствовать Шведамъ безпокоить Польшу съ этой стороны.

Незадолго передъ тѣмъ союзные генералы открыли въ Суэдѣ ([16]) конференціи о распоряженіяхъ, необходимыхъ въ провинціи, и о возстановленіи правъ Шлезвига и Голштиніи. Датскіе министры явились на эти конференціи точно такъ же, какъ и Гёрцъ и Бассевичъ. Меншиковъ съ жаромъ держалъ здѣсь сторону епископа-регента, не смотря на повелѣніе царя объявить всѣмъ дворамъ, что государь этотъ обнаружилъ къ Швеціи явное пристрастіе, которое оправдываетъ дѣйствія Даніи. Напрасно епископъ старался пріобрѣсти себѣ благоволеніе его царскаго величества приношеніемъ ему въ даръ великолѣпнаго готторпскаго глобуса: монархъ не хотѣлъ открыть глазъ на злоупотребленія своего союзника. Видя такую непреклонность, Меншиковъ вдругъ началъ опасаться, что слишкомъ большимъ угожденіемъ Гёрцу можетъ повредить себѣ; и сталъ внимать предложеніямъ, которыя ему сдѣланы были изъ Берлина.

Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ смотрѣть равнодушно на осаду, готовую лишить его пункта, который онъ мысленно уже обезпечилъ себѣ. Онъ велѣлъ вручить голштинскимъ министрамъ декларацію, гдѣ сказано было, что не смотря на все желаніе его избавить Померанію отъ непріязненныхъ противъ нея дѣйствій и сохранить Висмаръ и Штеттинъ королю шведскому, желаніе, въ которомъ они сами когда-нибудь удостовѣрятся, — упорство Мейерфельда заставляетъ его, для обезпеченія своихъ границъ, приступить къ соглашенію съ союзниками. Послѣ того онъ приступилъ къ переговорамъ съ княземъ (Меншиковымъ) о секвестрѣ Помераніи и о занятіи Штеттина гарнизономъ на половину прусскимъ, на половину русскимъ. Ясно, что король готовъ былъ соединиться съ союзниками противъ Швеціи, еслибъ только обѣщали уступить ему этотъ городъ при заключеніи мира и не уклонялись отъ переговоровъ о томъ. Замѣтивъ такой опасный оборотъ дѣла, Гёрцъ въ концѣ августа уѣхалъ изъ Берлина въ Гамбургъ и предоставилъ Бассевичу одному заботиться объ участи Помераніи.

Бассевичъ былъ того мнѣнія, что выгоды молодаго герцога требуютъ, чтобы Штеттинъ перешелъ въ руки только Пруссіи и чтобъ послѣдняя была обязана имъ дому готторпскому. Но все противилось

([16]) Суэдъ, Шведтъ или Светъ — городокъ на Одерѣ, въ Пруссіи, въ нынѣшней провинціи Бранденбургъ, прежде принадлежавшій къ Шведской Помераніи.

этому: Флеммингъ разсчитывалъ на выгоды, обѣщанныя Гёрцомъ, а Меншиковъ хотѣлъ устранить упрекъ въ неисполненіи данныхъ ему приказаній и доказать царю пользу пребыванія его войскъ въ Германіи какимъ-нибудь блистательнымъ подвигомъ. Онъ съ ожесточеніемъ началъ бомбардированіе, не дождавшись даже возвращенія курьеровъ, отправившихся за послѣдними приказаніями епископа-регента и графа Веллинга. Бассевичъ собралъ всѣ свои силы, чтобы предупредить уничтоженіе трактата, который былъ его дѣломъ. Къ счастію, ему удалось найдти князя въ палаткѣ одного (бо́льшею частію его всегда окружали саксонскіе и датскіе шпіоны). Здѣсь онъ говорилъ такъ убѣдительно, что Меншиковъ, питавшій къ нему и безъ того безконечную дружбу и уваженіе, уступилъ, и что черезъ нѣсколько часовъ онъ увидѣлъ себя посредникомъ конвенціи между этимъ княземъ и королемъ прусскимъ, по которой, за 400,000 талеровъ и свободный пропускъ союзниковъ для нападенія на Стральзундъ, первый удовольствовался суетной славой—войдти побѣдителемъ въ Штеттинъ съ тѣмъ, чтобъ передать этотъ городъ и всю секвестрованную область въ руки короля и предоставить комменданту и гарнизону честное отступленіе въ Швецію. Епископъ-регентъ взялъ на себя обезпеченіе обѣщанной суммы, а король снова обязался допустить въ гарнизонъ половину голштинцевъ, содѣйствовать всѣми силами возстановленію и выгодамъ Фридриха ([17]), на основаніи трактата 22-го іюня, и прежде всего достигнуть снятія осады Тённингена. Когда все это было сдѣлано, Бассевичъ отправился доказывать Мейерфельду, что дальнѣйшее сопротивленіе произведетъ возмущеніе со стороны жителей, приведенныхъ въ отчаяніе разрушеніемъ ихъ города, и грозилъ ему участью Стенбока. 30-го сентября Мейерфельдъ вышелъ изъ Штеттина, и все уладилось сообразно съ конвенціей.

Вѣрный обѣщаніямъ, даннымъ дому готторпскому, король прусскій уже ходатайствовалъ въ его пользу въ Лондонѣ, Гаагѣ и Ганноверѣ. Королева Анна и курфирстъ Георгъ готовы были вступить въ переговоры относительно возстановленія (дома готторпскаго). Такая готовность послужила основаніемъ или по крайней мѣрѣ предлогомъ Гёрцу оставить ненадёжную негоціацію о Помераніи и отправиться въ Ганноверъ, гдѣ онъ пробылъ только восемь дней и потомъ уѣхалъ въ Готторпъ. Тамъ пребывалъ въ это время король датскій съ иностранными министрами, находившимися при его дворѣ, и забавлялся знаменитымъ планомъ пересадки (transplantation), по которому герцогскій домъ долженъ былъ уступить Даніи свои наслѣдственныя земли и получить за нихъ въ обмѣнъ герцогство Бременское и графства Ольденбургское и Дельменгорстское. Гёрцъ много смѣялся надъ этимъ планомъ и такъ прижалъ короля, что тотъ, актомъ, подписаннымъ въ Шлезвигѣ 30-го сентября, предложилъ возвратить Голштинію немедленно, а Шлезвигъ по окончаніи войны, снять осаду Тённингена и согласиться на занятіе этой крѣпости нейтральными войсками по выбору епископа. Видя себѣ поддержку со всѣхъ сторонъ, Гёрцъ съ гордостью отвѣчалъ: что по волѣ государя его ни одна деревня изъ его наслѣдственныхъ земель, тѣмъ менѣе герцогство Шлезвигское, не останется въ рукахъ Даніи, и что спасти Тённингенъ есть дѣло короля прусскаго. Поэтому вся сдѣлка между ними ограничилась условіемъ касательно снабженія Тённингена съѣстными припасами на восемь дней.— Въ этотъ промежутокъ времени получено было ходатайство королевы Анны въ пользу освобожденія несчастнаго Веддер-

([17]) Т. е. Карла-Фридриха, молодаго герцога Голштинскаго, владѣнія котораго находились подъ секвестромъ Даніи.

коппа. Гёрцъ, не смотря на то, что употребилъ большія суммы для обезпеченія себѣ помощи со стороны англійскаго флота и что ужъ почти получалъ ее, все-таки не задумался отвергнуть посредничество королевы, которая предлагала поставить гарнизонъ въ Тённингенъ; потомъ вдругъ самъ предложилъ оставить тамъ половину голштинскихъ войскъ, и тотчасъ же уѣхалъ изъ Готторпа, не дождавшись отвѣта на то Даніи. Въ оправданіе такого внезапнаго прекращенія переговоровъ онъ распустилъ слухъ, что въ Готторпѣ намѣревались его арестовать. Одно обстоятельство давало этому видъ правдоподобія: князь Долгорукій ([18]), посолъ царя, протестовалъ противъ допущенія Гёрца на Готторпскія конференціи, увѣряя, что Меншиковъ имѣетъ приказаніе помогать Даніи въ устраненіи всякой попытки лишить ее земель голштинскихъ. Чтобы ослабить противодѣйствіе этого министра, Гёрцъ старался ему внушить, что если домъ голштинскій непремѣнно обрекали на потери, то онъ можетъ рѣшиться и на добровольное лишеніе въ пользу истиннаго своего друга, короля шведскаго. Посолъ послѣ этого заподозрилъ Гёрца въ домогательствѣ отдѣльнаго мира между Швеціей и Даніей, и обнаружилъ столько энергіи для уничтоженія его интригъ, что можно было подумать, что онъ руководствовался въ этомъ дѣлѣ какими-нибудь сильными внушеніями, хотя и былъ любезнѣйшимъ и привѣтливѣйшимъ изъ русскихъ своего времени.

Гёрцъ возвратился въ Берлинъ 10-го октября и сильно упрашивалъ короля послать войско на помощь Тённингену. Но онъ зналъ медленность рѣшеній прусскаго министерства, исполненнаго предосторожностей, и военную организацію Пруссіи (теперь столь превосходную), вслѣдствіе которой она не могла тогда приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ по первому призыву; и потому, чтобы выиграть время и занять какъ-нибудь непріятеля, который тѣснилъ крѣпость, вступилъ въ тайные переговоры съ графомъ Альфельдомъ, датскимъ министромъ въ Берлинѣ, о предварительныхъ условіяхъ возстановленія (дома готторпскаго) и о снабженіи съѣстными припасами Тённингена черезъ каждые восемь дней, до окончанія брауншвейгскаго конгресса; притворился даже, что допускаетъ планъ пересадки, который, какъ мы видѣли, такъ презиралъ въ Готторпѣ. Альфельдъ понималъ слишкомъ хорошо интересы своего государя, чтобъ не шепнуть на ухо его прусскому величеству: что онъ можетъ поберечь свое ходатайство и не тратиться на чрезвычайное вооруженіе, потому что враждующія стороны готовы согласиться между собою. Король, затронутый за живое тѣмъ, что дѣло можетъ уладиться безъ его участія, рѣшился по этому поводу оставить безъ вниманія вопросъ о возстановленіи. Онъ совершенно лишилъ своего довѣрія Гёрца, и если Бассевичъ также не потерялъ его, то это только потому, что соглашеніе сдѣлано было безъ его вѣдома и что призванный изъ лагеря въ Берлинъ для подписанія акта, онъ уклонился отъ этого, говоря, что такое соглашеніе неумѣстно при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и что герцогскій домъ не найдетъ въ немъ для себя никакого обезпеченія. Такая смѣлость возмутила Гёрца, принявшаго ее за открытое сопротивленіе своей власти, и онъ устранилъ Бассевича отъ переговоровъ своихъ съ графомъ Флеммингомъ касательно вознагражденія издержекъ по перевозкѣ саксонской артиллеріи. Король прусскій уплатилъ въ число ихъ 400,000 талеровъ, и Флеммингъ одобрилъ секвестръ Штеттина.

([18]) Князь Василій Лукичъ, игравшій впослѣдствіи столь важную роль при возшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны и казненный въ Новгородѣ въ 1739 году.

Царь, извѣщенный посломъ Долгорукимъ, графомъ Головкинымъ, своимъ министромъ въ Берлинѣ, и жалобами короля датскаго о дѣйствіяхъ Меншикова въ пользу двора Готторпскаго, повторилъ приказаніе русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ объявить: что онъ будетъ считать своимъ непріятелемъ всякаго, кто вздумаетъ нападать на его союзника за секвестръ владѣній епископа-регента. Это было громовымъ ударомъ для приверженцевъ послѣдняго. Прусское министерство воспользовалось симъ случаемъ, чтобъ объявить Гёрцу, что такое обстоятельство ставитъ короля въ невозможность исполнить принятыя имъ на себя обязательства относительно возстановленія, и что онъ не можетъ мѣриться съ силами Россіи. Самъ король сказалъ Бассевичу, который былъ въ отчаяніи, что плоды его счастливыхъ переговоровъ ускользали отъ его государя, что онъ долженъ ѣхать въ Петербургъ и упросить царя объявить только, что голштинское дѣло до него не касается, и представить его величеству, что Фридрихъ-Вильгельмъ тотъ-часъ же готовъ спѣшить на помощь своимъ друзьямъ, но что онъ не можетъ противиться колоссу, который бы задавилъ его, еслибъ объявилъ ему войну.

Меншиковъ, въ силу штеттинскаго договора, вывелъ свои войска изъ Помераніи. Онъ выжалъ нѣсколько контрибуцій съ городовъ Гамбурга, Любека и Данцига, убѣдилъ Гёрца послать въ Петербургъ Бассевича, какъ единственнаго человѣка, способнаго внушить царю болѣе состраданія къ несчастному дому готторпскому, и отправился наконецъ въ Россію. Пріемъ, сдѣланный ему государемъ, былъ весьма немилостивый. Его упрекали, что онъ все дѣлалъ дурно. Онъ и оставался въ Помераніи, и уѣзжалъ оттуда всегда не во время. Послѣ побѣды надъ Стенбокомъ, онъ долженъ былъ бы спѣшить пожинать лавры вмѣстѣ съ своимъ государемъ въ Финляндіи, но предпочелъ собирать ихъ одинъ въ Помераніи; почему же онъ не окончилъ жатвы и не продолжалъ своихъ завоеваній? Онъ уступаетъ ихъ другимъ за ничтожную сумму денегъ, недостойную обращать на себя вниманіе, и рискуетъ, по какому-то странному расположенію къ министрамъ голштинскимъ, потерять стариннаго и вѣрнаго союзника царя, не пріобрѣтая ему новаго въ лицѣ короля прусскаго, хотя и имѣлъ къ тому въ рукахъ всѣ средства. Въ защиту противъ столь важныхъ обвиненій, князь ничего не могъ представить, кромѣ пользы отъ проектовъ Гёрца. Но осуществленіе ихъ было такъ сомнительно, такъ отдаленно! Меншиковъ палъ бы непремѣнно, еслибъ великодушная супруга царя не вступилась за него, представляя разгнѣванному монарху, что среди столькихъ вельможъ, все еще привязанныхъ къ варварскимъ обычаямъ, которые онъ старается смягчать, ему нуженъ слуга способный и мужественный, получившій и знатность, и богатство только отъ него, обязанный, слѣдовательно, безусловно подчиняться его волѣ, однимъ словомъ такой, какъ князь Меншиковъ, которому онъ никогда не найдетъ равнаго, и прежнія заслуги котораго вполнѣ даютъ ему право на прощеніе его настоящей вины. Вслѣдствіе такихъ представленій фаворитъ на сей разъ отдѣлался только тѣмъ, что съ нимъ нѣсколько времени обращались съ холодностью, заставлявшею его бояться всего. Царь съ умысломъ показывалъ ее публично, чтобъ удовлетворить Датчанъ и заставить своихъ царедворцевъ трепетать за всякое уклоненіе отъ его воли, тѣмъ болѣе, что не прощаетъ проступковъ и человѣку, для него столь дорогому.

Разсудокъ говорилъ здѣсь въ пользу Меншикова устами Екатерины и давалъ всегда этой государынѣ то огромное вліяніе, которое она, въ виду всѣхъ, такъ часто имѣла на душу своего супруга.

Впрочемъ она имѣла также и власть надъ его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхоліи, когда имъ овладѣвала мрачная мысль, что хотятъ посягнуть на его особу. Самые приближенные къ нему люди должны были трепетать тогда его гнѣва. Припадки эти были несчастнымъ слѣдствіемъ яда, которымъ хотѣла отравить его властолюбивая его сестра Софія. Появленіе ихъ узнавали у него по извѣстнымъ судорожнымъ движеніямъ рта. Императрицу немедлено извѣщали о томъ. Она начинала говорить съ нимъ, и звукъ ея голоса тотчасъ успокоивалъ его; потомъ сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое дѣйствіе, и онъ засыпалъ въ нѣсколько минутъ. Чтобъ не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно впродолженіи двухъ или трехъ часовъ. Послѣ того онъ просыпался совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Между тѣмъ, прежде нежели она нашла такой простой способъ успокоивать его, припадки эти были ужасомъ для его приближенныхъ, причинили, говорятъ, нѣсколько несчастій и всегда сопровождались страшною головною болью, которая продолжалась цѣлые дни. Извѣстно, что Екатерина Алексѣевна обязана всѣмъ не воспитанію, а душевнымъ своимъ качествамъ. Понявъ, что для нея достаточно исполнять важное свое назначеніе, она отвергла всякое другое образованіе, кромѣ основаннаго на опытѣ и размышленіи. Она никогда не училась писать. Принцесса Елизавета все подписывала за нее, когда она вступила на престолъ, даже подписала ея духовное завѣщаніе. При жизни царя она не приближала къ себѣ никого изъ своихъ родныхъ. Только послѣ его смерти явился въ Петербургѣ ея братъ, подъ именемъ графа Генрикова. Въ продолженіе двухъ послѣдовавшихъ царствованій онъ жилъ въ неизвѣстности. Императрица Елизавета сдѣлала его сына своимъ каммергеромъ. Одна изъ его дочерей вышла замужъ за канцлера графа Воронцова; оберъ-гофмейстеръ Чоглоковъ женился также на графинѣ Генриковой, племянницѣ императрицы. Графиня Воронцова пользуется извѣстностью какъ замѣчательная красавица и какъ женщина необыкновенно умная и очень образованная ([19]).

Но возвратимся къ Меншикову. Конвенція его съ прусскимъ дворомъ не была одобрена. Царь не только отказался отъ ратификаціи ея, но и приказалъ еще Головкину объявить берлинскому кабинету, что Голштинцы сами причиною своихъ несчастій, потому что съ гордостью отвергли предупредительность Даніи въ отношеніи къ Готторпу, и что его царское величество не потерпитъ, чтобъ покровительствовали такому упорству ихъ противъ его союзника. Послѣ двукратнаго посѣщенія прусскаго двора царю вполнѣ стало ясно робкое благоразуміе министра Ильгена. Чтобъ застращать его, онъ присоединилъ къ вышеупомянутой деклараціи гордыя жалобы, что въ трактатѣ 22 іюня въ пользу епископа-регента принято нѣсколько условій въ противность послѣдней конвенціи, заключенной съ княземъ Меншиковымъ, и объявилъ оскорбительное требованіе, чтобъ ихъ уничтожили. Гордясь такой поддержкой, Альфельдъ не посовѣстился сказать Ильгену: «Ну, такъ уничтожьте; Берлину „вѣдь не въ первый разъ нарушать трак„таты. Скажите въ оправданіе, что васъ „застали врасплохъ». Принимая къ сердцу, какъ и должно было, честь своего короля, отъ котораго требовали отказа,

([19]) Въ разсказѣ о родственникахъ Екатерины Бассевичь говоритъ по слухамъ и ошибается. Читатели Р. Архива найдутъ объ этомъ предметѣ точныя извѣстія въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ нашего изданія. П. Б.

и боясь въ то же время отважиться на смѣлый отвѣтъ царю, министръ, въ отчаяніи, не зналъ на что рѣшиться. Король, справедливо оскорбленный, очень охотно принялъ бы сторону Швеціи; но упорная твердость Карла XII не оставляла никакой надежды получить отъ него согласіе на какую-либо уступку въ пользу Пруссіи; притомъ же распространился неопредѣленный слухъ, что Шведы, утомленные слишкомъ воинственнымъ царствованіемъ, и подъ предлогомъ, что король покинулъ ихъ, рѣшились возвести на престолъ принцессу, сестру его.

Бассевичъ только-что возвратился изъ Мекленбурга, какъ Гёрцъ поручилъ ему тайно хлопотать тамъ о заключеніи союзнаго трактата между герцогствами Шверинскимъ и Готторпскимъ, трактата, къ которому будутъ стараться привлечь королей шведскаго и прусскаго. Герцогство Шверинское должно было, на основаніи его, получить обратно Висмаръ за 100,000 талеровъ, которые оно выплатитъ Готторпскому въ видѣ замѣны обязательствъ его съ Пруссіею относительно этого города, а епископъ-регентъ предлагалъ свое посредничество для мирнаго разрѣшенія несогласій между герцогомъ Мекленбургскимъ и его владѣніями. Но Гёрцъ скоро сталъ опасаться, что Бассевичъ, изъ любви къ своей родинѣ и изъ уваженія къ отцу, стоявшему во главѣ мекленбургскаго дворянства, приложитъ слишкомъ много старанія въ пользу трактата, который увеличилъ бы герцогу средства притѣснять свои владѣнія; а потому велѣлъ ему возвратиться въ Берлинъ, и отправился самъ въ Шверинъ, гдѣ, вмѣсто достиженія предположенной цѣли, навелъ только герцога на мысль, что онъ съ бо̀льшею вѣрностью можетъ разсчитывать на полученіе предлагаемаго ему, если будетъ искать дружбы и покровительства царя.

Монархъ русскій принялъ очень благосклонно предложеніе, сдѣланное ему герцогомъ черезъ посредство Остермана, сына одного вестфальскаго пастора и брата знаменитаго Остермана, бывшаго тогда секретаремъ царя, а впослѣдствіи графомъ и канцлеромъ Россійской имперіи [20]. Съ этого времени начались дружескія сношенія, которыя потомъ подкрѣпились еще бракомъ герцога съ племянницею царя Екатериною, дочерью царя Ивана, и открыли, для пользы русской торговли, новый путь въ замѣнъ затруднительнаго шлезвигскаго канала, тѣмъ болѣе, что плаваніе по Балтійскому морю къ Эльбѣ легко могло установиться при помощи нѣкоторыхъ мекленбургскихъ озеръ и рѣкъ. Проектъ такого сообщенія былъ задуманъ еще герцогомъ Валленштейномъ во времена его господства. Планъ его сохранялся въ герцогской камерѣ.

Замѣтивъ, что затрудненія для его негоціаціи въ Шверинѣ непреоборимы, Гёрцъ однакожь не остановился, а отправился въ Ганноверъ, откуда потомъ возвратился въ Берлинъ съ цѣлію смягчить Головкина, ободрить Ильгена и добиться, чтобъ Альфельдъ похлопоталъ о снабженіи припасами Тённингена, которое столько разъ обѣщалось и все откладывалось. Гарнизонъ его, томимый голодомъ, угрожалъ сдаться, и тогда Веддеркоппъ немедленно получилъ бы свободу. Чтобы предупредить такой случай, Гёрцъ написалъ собственноручно, отъ имени епископа, точный приказъ Вольфу, чтобы онъ, прежде нежели сдастъ крѣпость, отрубилъ Веддеркоппу голову въ самой темницѣ. Альфельдъ согласился наконецъ выдать принцу Виртембергскому, коман-

---

[20] Іоганнъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго графа Андрея Ивановича Остермана, былъ также сперва въ русской службѣ, но потомъ перешелъ въ службу герцога мекленбургскаго и былъ довольно долгое время его резидентомъ при росс. дворѣ.

довавшему блокадой, позволеніе своего двора снабдить припасами Тённингенъ; но Ильгена невозможно было склонить *показать зубы* Головкину, какъ выражался Гёрцъ, увѣряя, что его, Ильгена, тогда больше будутъ щадить. Оберъшенкъ Шлиппенбахъ былъ назначенъ для исходатайствованія у царя ратификаціи договора съ Меншиковымъ и для представленія достаточныхъ объясненій по поводу мнимыхъ недоразумѣній какъ этого договора, такъ и договора съ епископомъ-регентомъ. «Сдѣлайте мнѣ удо«вольствіе, пошлите Бассевича хлопо«тать о пользахъ вашего государя и под«держивать Шлиппенбаха», сказалъ король Гёрцу, «я вамъ отвѣчаю, что это «именно человѣкъ, какого нужно для «Петра Алексѣевича». Король судилъ очень вѣрно. Съ лицомъ весьма располагающимъ въ свою пользу и откровеннымъ, Бассевичъ соединялъ необыкновенную находчивость, которая помогала ему схватывать и понимать вещи съ перваго разу, твердость непоколебимую, рѣчь быструю, умную и простую, темпераментъ, способный, при случаѣ, выдержать 24-хъ часовой трудъ или разгулъ, большую щекотливость въ дѣлѣ чести, значительную долю прямизны и гуманности, горячности, но безъ злопамятности, много любви къ роскоши, къ женщинамъ, къ игрѣ, — и при всемъ этомъ не обнаруживалъ ни малѣйшей скупости. Иногда онъ бывалъ неостороженъ въ своихъ словахъ и выдавалъ какую нибудь маленькую тайну, но всегда сохранялъ тонъ откровенности, который внушалъ къ нему довѣріе и заставлялъ другихъ высказываться гораздо болѣе его самого. Ко всему этому у него присоединялось много огня, дѣятельности, отваги и всегдашней готовности разсѣчь узелъ, если не было средствъ распутать его.

Гёрцъ, во избѣжаніе увеличенія его кредита и самостоятельности, могущаго произойти при счастливыхъ переговорахъ съ царемъ, послалъ въ Петербургъ Негелейна, кабинетъ-секретаря епископа, ходатайствовать о благосклонной декларацiи, отъ которой зависѣла помощь Пруссіи. Негелейнъ однакожь, хоть и былъ человѣкъ способный, не сдѣлалъ тамъ ничего; не могъ даже найти доступа къ Меншикову иначе, какъ объявивъ себя предтечею Бассевича. Въ силу постановленій царя, при его дворѣ всѣ негоціаціи производились письменно. Негелейнъ получилъ приказаніе изложить на бумагѣ сущность того, что предложитъ возвѣщенный имъ министръ. Тотъ повиновался и объявилъ: что министръ сдѣлаетъ предложеніе въ пользу замиренія Сѣвера и союза царя съ домомъ готторпскимъ, союза, могущаго доставить выгоды русской торговлѣ; что онъ будетъ стараться изыскивать возможныя мѣры относительно наслѣдованія шведскаго престола, и что станетъ разузнавать, можно ли надѣяться на бракъ, который бы соединилъ обѣ стороны неразрывными узами. Секретарь распространился о предметахъ столь интересныхъ въ надеждѣ склонить царя къ пощадѣ епископа, о которой имѣлъ порученіе ходатайствовать. Но ни монархъ, ни фаворитъ не удостоили его ни насколько своей откровенности; послѣдній не переставалъ просить чтобъ спѣшили пріѣздомъ посланника.

Гёрцъ рѣшился наконецъ отпустить Бассевича, и объявилъ ему объ этомъ. Но тотъ же самый человѣкъ, которой весело отвѣчалъ на просьбы Меншикова поскорѣе ѣхать вслѣдъ за нимъ, что отправится, какъ скоро согласятся на то Богъ и баронъ Гёрцъ, — теперь отказывался отъ трудной коммиссіи ѣхать упрашивать царя, и надменный Гёрцъ принужденъ былъ унизиться до самыхъ настойчивыхъ просьбъ, чтобъ убѣдить его не уклоняться отъ нея. Бассевичу каза-

лось, что дѣла приняли слишкомъ дурной оборотъ, чтобъ думать о возможности поправить ихъ, а можетъ быть онъ и предчувствовалъ, что его ожидаетъ измѣна. Когда онъ разставался съ Гёрцомъ, послѣдній заключилъ свои прощанія слѣдующими странными словами: «Подумайте обо мнѣ, люб. другъ, когда увидите соболей.» — (1714) Не пускаясь съ нимъ въ совѣщанія насчетъ его инструкцій, Гёрцъ велѣлъ вручить ихъ ему только тогда, когда тотъ садился уже въ карету. Вотъ, въ сущности, ихъ содержаніе:

1. Отклонить его царское величество отъ подозрѣнія, что епископъ-регентъ пристрастенъ къ Швеціи. Нельзя, конечно, не допустить, чтобъ интересы этой державы не были ему дороги; по благоразуміе прежде всего требуетъ предпочтенія собственной безопасности всякой чужой. Слѣдуя этому правилу, его свѣтлость принудилъ графа Стенбока сдаться; ясное доказательство, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія защищать или укрывать его, когда дозволилъ ему запереться въ Тённингенѣ.

2. Отклонить также его царское величество и отъ другаго подозрѣнія, что будто бы готторпскій дворъ старался о заключеніи отдѣльнаго мира между Швеціею и Даніей. Онъ отвергалъ планъ пересадки, хотя послѣдній велъ прямо къ миру, который Данія не поколебалась бы заключить, еслибъ только захотѣли принять ея условія. Но не дай Богъ, чтобъ на нихъ когда нибудь согласились; развѣ вынудитъ къ тому непреклонность царя. Державамъ, которымъ выгодно препятствовать этому миру, стоитъ только возвратить дому готторпскому захваченныя его владѣнія, и всѣ поводы стараться о немъ уничтожатся. Въ этомъ дѣлѣ ссылаются на судъ графа Флемминга, государственнаго человѣка столько же просвѣщеннаго, сколько и преданнаго своему королю.

3. Убѣдить царя не отказывать въ одобреніи благопріятныхъ отзывовъ князя Меншикова и согласно съ тѣмъ приказать своимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ давать знать, что онъ не будетъ противиться возстановленію (дома готторпскаго). Это главная цѣль посольства; но если чрезвычайный посланникъ найдетъ возможнымъ достигнуть ея путемъ более легкимъ, предлагая стараться о мирѣ, или посредствомъ переговоровъ о наслѣдованіи шведскаго престола и бракѣ въ томъ смыслѣ какъ уже прежде было о томъ предложено, то ему предоставляется право договариваться относительно всѣхъ этихъ пунктовъ, и все будетъ одобрено и утверждено, лишь бы только вышеозначенные отзывы и все сопряженное съ ними служили основаніемъ и имѣли желаемое дѣйствіе.

Негелейнъ былъ еще въ Петербургѣ, и уѣхалъ оттуда только спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ имѣлъ то счастливое чувство, враждебное интригѣ, ту совѣсть однимъ словомъ, которую Гёрцъ называлъ обыкновенно болѣзнію, излечиваемою только кровопусканіемъ. Хитрый министръ предпочелъ ему Криста, незнакомаго съ этою болѣзнію, назначивъ послѣдняго секретаремъ посольства при Бассевичѣ. Этотъ человѣкъ догналъ посланника черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда изъ Берлина и вручилъ ему добавочную инструкцію, въ которой было сказано:

1. Что если вопросъ о бракѣ молодаго герцога съ царевною, предложенномъ прежде Меншиковымъ Гёрцу, будетъ снова поднятъ, то слѣдуетъ объяснить, что со стороны интереса, который всегда служитъ основаніемъ для браковъ царственныхъ лицъ, дѣло это уладится само собою.

2. Чтобъ говорить о наслѣдованіи престола Карла XII не иначе, какъ о такомъ предметѣ, котораго нельзя касаться съ непріятелемъ Шведовъ, не оскорбляя ихъ.

Затрогивать вопросъ, о которомъ мнѣніе этого народа не одинаково, значило бы производить въ немъ пагубные раздоры, значило бы отчудить его отъ министерства голштинскаго. А кто же другой, кромѣ этого министерства, можетъ привести его, по желанію союзниковъ, къ заключенію мира властію Сената, въ отсутствіе и даже противъ воли короля? Такой причины достаточно, чтобъ переговоры о наслѣдованіи престола отложить до другаго времени.

3. Чтобъ внушить, что невозможно заключить скорый и прочный миръ съ Швеціею безъ содѣйствія Франціи и морскихъ державъ, и что слѣдовательно необходимо для конгресса выбрать мѣсто неотдаленное отъ нихъ, Брауншвейгскія конференціи по этому могутъ послужить не болѣе, какъ для устроенія голштинскихъ смутъ и назначенія приличнаго мѣста переговоровъ о замиреніи Сѣвера.

4. Посланникъ долженъ стараться внушить прусскому министру, чтобы онъ показывалъ благородную и гордую твердость, какъ въ померанскомъ, такъ и въ голштинскомъ дѣлѣ.

5. Надобно, чтобы онъ, не обнаруживая публично короткости и согласія съ барономъ Лоосомъ, министромъ короля Августа, сносился съ нимъ обо всемъ, кромѣ брака герцога съ дочерью царя; это дѣло должно быть разсматриваемо какъ глубочайшая тайна.

Бассевичъ горько жаловался на двусмысленность и несообразности этихъ инструкцій. Царь человѣкъ прямой и проницательный, русскіе безконечно подозрительны; въ какое же положеніе ставили его? Гёрцъ старался успокоить его обѣщаніями, что ему будутъ доставлять поясненія по мѣрѣ соображеній. Шлиппенбахъ, котораго онъ имѣлъ приказаніе дожидаться, соединился съ нимъ въ Данцигѣ. Они были представлены царю въ Ригѣ, гдѣ этотъ государь осматривалъ верфи, и скоро послѣдовали за нимъ въ новую столицу его имперіи. Тамъ они имѣли у него формальную аудіенцію.

Дворъ петербургскій не имѣлъ еще никакого внѣшняго блеска. Иностранные министры посѣщали его безъ особеннаго удовольствія. Не было никакого желанія сдѣлать имъ пріятное или оказать вѣжливость; доступъ къ царю былъ возможенъ только на кабинетныхъ конференціяхъ или во время разгульныхъ, грубыхъ увеселеній. Послѣднія представляли, впрочемъ, самый удобный случай говорить съ государемъ откровенно о дѣлахъ, и быть допущеннымъ въ число его собесѣдниковъ считалось отличіемъ. Бассевичъ не замедлилъ добиться этой чести, хотя царь и находилъ страннымъ, что маленькій готторпскій дворъ также старается вмѣшиваться въ дѣла большихъ державъ. Однажды онъ сказалъ посланнику: «Вашъ дворъ, руководимый обширными замыслами Гёрца, похожъ на ладью съ мачтою военнаго корабля; малѣйшій боковой вѣтеръ долженъ потопить ее.»

Бассевичъ, чтобы добиться благопріятнаго рѣшенія, изобразилъ самыми ненавистными красками недобросовѣстность Даніи послѣ сдачи Стенбока, и напротивъ расписалъ самыми блестящими славу и выгоду, которыя пріобрѣтетъ царь, если удостоитъ своей дружбы домъ готторпскій. Петръ Алексѣевичъ велѣлъ ему объяснить, на чемъ основываетъ этотъ домъ свое желаніе вступить въ союзъ съ Россіей, и потомъ составить записку для обсужденія этаго дѣла въ совѣтѣ. Ему хотѣлось имѣть въ рукахъ документъ, полезный для его видовъ, и привязать къ себѣ Данію, которой бы можно было показать, чѣмъ онъ ей жертвуетъ.

Стѣсняемый двусмысленостью своихъ инструкцій, Бассевичъ не зналъ что̀ сказать въ требуемой отъ него запискѣ. Напрасно обращался онъ съ вопросами о

томъ къ своему начальнику: тотъ избѣгалъ ясныхъ отвѣтовъ по этому щекотливому пункту. Видя наконецъ себя окруженнымъ западнями какъ со стороны своего собственнаго двора, такъ и того, съ которымъ велъ переговоры, онъ рѣшился всячески поддерживать Шлиппенбаха, въ надеждѣ, что успѣхи переговоровъ этого министра помогутъ счастливому окончанію его собственныхъ.

Царь принялъ благосклонно объясненіе Пруссіи и обѣщалъ согласиться на конвенцію между королемъ и княземъ Меншиковымъ, если его союзники, которымъ онъ разъ предоставилъ дѣло о Помераніи, будутъ относительно его согласны между собою. Онъ постоянно утверждалъ, что епископъ, впустивъ въ свою крѣпость Шведовъ, нарушилъ нейтралитетъ, и потому терпитъ справедливое наказаніе. На возраженія Бассевича, что ихъ точно впустили, но въ то же время и выдали, онъ отвѣчалъ, что нехорошо поступили, впуская ихъ, но еще хуже, измѣняя имъ, и что государямъ должно быть добросовѣстными. Бассевичъ передалъ эти слова Гёрцу, и вотъ что́ послѣдній отвѣчалъ на нихъ: «Вы говорите, что «царь напираетъ на добросовѣстность: «объясните ему, пожалуйста, что между «государями дружба есть ничто иное «какъ интересъ, и что если одинъ всячески увѣряетъ въ своей преданности «другому, этотъ другой, когда не видитъ «ясно пользы для себя отъ ихъ союза, «долженъ быть увѣренъ, что всѣ эти «увѣренія ложны и скрываютъ обманъ». Бассевичъ не побоялся обратиться съ такою рѣчью къ царю, хотя и могъ попасть за нее въ Сибирь.

Такъ какъ уже Негелейнъ предъявилъ пункты, которые Бассевичъ предложитъ монарху, то уловки его для избѣжанія прямаго объясненія и замедленіе отвѣта возбудили наконецъ подозрѣніе, что его облекли въ санъ посланника только для того, чтобъ безъ опасности быть шпіономъ короля шведскаго, съ которымъ его молодой государь находился въ столь близкихъ родственныхъ отношеніяхъ. Его короткость съ княземъ Меншиковымъ давала ему къ тому всѣ средства, тѣмъ болѣе, что князь былъ довѣреннымъ лицомъ царя и не отличался скромностью. На почтѣ стали вскрывать всѣ письма, присылавшіяся на имя Бассевича. Меншиковъ все еще былъ въ шаткомъ положеніи вельможи, котораго судятъ, взвѣшивая его заслуги и вины. Онъ сваливалъ всю настоящую свою вину на Флемминга, котораго совѣты вводили его въ Помераніи въ заблужденіе. Царь принялъ это оправданіе, чтобъ даровать ему прощеніе; но бояре вывели изъ того заключеніе, что князь неспособенъ къ дѣламъ. Оскорбленные тѣмъ, что во главѣ ихъ стоитъ сынъ простолюдина, они съ радостью готовы были бы подавить воскресавшее его могущество, еслибъ только могли доказать, что онъ своею нескромностью обнаруживаетъ государственныя тайны. Однакожь перехваченная ими корреспонденція Бассевича нисколько не послужила для ихъ цѣли; она открыла только, что между дворами берлинскимъ и готторпскимъ существуютъ какіе то переговоры относительно наслѣдованія шведскаго престола, и что ихъ тщательно скрываютъ отъ двора петербургскаго. Это послужило имъ поводомъ стараться внушить царю, что порученіе, данное агенту Гёрца, таитъ въ себѣ обманъ, и монархъ сказалъ однажды Меншикову: «Твой голштинскій другъ слишкомъ «уменъ, чтобъ серьозно думать, что его «пустыя слова заставятъ меня согласиться на что либо противное моимъ интересамъ; онъ вѣрно пріѣхалъ сюда съ »другимъ намѣреніемъ; если за тѣмъ, «чтобъ быть здѣсь шпіономъ, скажи ему, «чтобъ онъ бросилъ это дурное ремесло, «для котораго не рожденъ, и чтобъ выб-

«ралъ себѣ другое, получше»; а немного спустя и самому посланнику: «Вслѣдствіе «сообщеній, переданныхъ Пегелейномъ «Меншикову, я сдѣлалъ шагъ, подозри-«тельный моимъ союзникамъ, — я принялъ «васъ и обошелся съ вами хорошо; но «если вамъ не поручено того, о чемъ «онъ намъ говорилъ, — берегитесь». И, не дождавшись его отвѣта, царь удалился. Тогда Меншиковъ началъ заклинать своего друга представить записку съ изложеніемъ пунктовъ, составлявшихъ, какъ было объявлено, цѣль его посольства, и въ то же время объяснить дѣйствительность тѣхъ поводовъ, которые побудили его, Меншикова, склониться на сторону двора готторпскаго. Бассевичъ обѣщалъ ему это, и долженъ былъ приступить къ дѣлу, руководствуясь полученными имъ извѣстіями. Гёрцъ послѣдовательно сообщалъ ему: что генералъ Вольфъ, по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, принужденъ былъ сдаться на честную капитуляцію; что Датчане намѣреваются разрушить укрѣпленія Тённингена и замышляютъ произвести въ Швеціи революцію съ цѣлью возвесть тамъ на престолъ принцессу, сестру короля; что герцогъ Карлъ-Фридрихъ будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, чтобъ можно было дѣлать дѣйствительныя уступки; что кредитъ министерства готторпскаго упалъ въ Швеціи и едва ли когда опять возстановится, потому что гордость и самолюбіе націи противятся вмѣшательству иностранцевъ и не хотятъ ничѣмъ быть имъ обязанными; что такъ какъ двору готторпскому ничего болѣе не остается, какъ обратиться къ помощи царя, то — если только его величество захочетъ дѣйствовать прямо и открыто — необходимо рѣшиться на союзъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что робкая Пруссія никогда не предприметъ чего либо ему противнаго.

Послѣ того Бассевичъ и Меншиковъ составили планъ, долженствовавшій опредѣлить взаимные интересы обѣихъ сторонъ и понравиться царю. Они провели вмѣстѣ цѣлый день, стараясь облечь его въ приличную форму. Вечеромъ князь сообщилъ о немъ государю, который приказалъ, чтобы Бассевичъ изложилъ всѣ пункты на бумагѣ и на другой день утромъ явился къ Меншикову, гдѣ его величеству угодно будетъ самому присутствовать при ихъ конференціи. Вотъ вкратцѣ этотъ планъ, который Бассевичъ изъ предосторожности велѣлъ написать рукою Криста и не подписалъ:

1. Его царское величество ручается, что укрѣпленія Тённингена не будутъ разрушены; обѣщаетъ возстановить права дома готторпскаго въ четыре мѣсяца, употребитъ для этого всѣ зависящія отъ него средства и откажется поддерживать какимъ бы то ни было образомъ интересы Даніи.

2. Если король шведскій возвратится, и заключенъ будетъ общій миръ, царь обязывается предоставить молодому герцогу голштинскому тѣ изъ завоеванныхъ областей, которыхъ не будетъ въ состояніи оставить за собой и не захочетъ возвратить.

3. Если король шведскій умретъ, не оставивъ наслѣдниковъ, царь будетъ стараться всѣми мѣрами, чтобъ наслѣдникомъ былъ молодой герцогъ, и поддерживать присоединеніе наслѣдственныхъ его земель къ коронѣ шведской.

Епископъ-регентъ, взамѣнъ того, обѣщаетъ за себя и за малолѣтнаго герцога:

4. Заключить съ царемъ тѣсный союзъ и укрѣпить его бракомъ герцога съ царевною Анною Петровною, бракомъ, который долженъ состояться, если даже герцогъ и не получитъ ни трона, ни завоеванныхъ провинцій, лишь бы царь съ своей стороны всячески озаботился о доставленіи ему ихъ и о возстановленіи

его правъ. Само собою разумѣется, что его величество въ то же время не откажетъ въ надлежащемъ объясненіи относительно приданаго царевны, его дочери, и торговли между Россіею и владѣніями голштинскими. Соединеніе двухъ морей, какъ было предположено прежде, устроится легко.

5. Въ случаѣ наслѣдованія герцогомъ шведскаго престола, его царскому величеству предоставляется на выборъ — удержать за собою или Лифляндію и Эстляндію, или Ингрію и Карелію отъ Выборга до Нарвы. Герцогъ удовлетворитъ короля прусскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ не вмѣшивался въ настоящія предположенія, а подозрѣніе, которое пало бы на Россію вслѣдствіе присоединенія герцогствъ Шлезвигскаго и Голштинскаго къ коронѣ шведской, будетъ отстранено раздѣленіемъ герцогствъ Бременскаго и Верденскаго, которыя будутъ отданы епископу-регенту; городъ же Висмаръ возвратится герцогу мекленбургскому. Послѣдняго будутъ стараться склонить къ союзу съ царемъ посредствомъ брака его съ царевною Екатериною Ивановною, племянницею его величества.

6. Въ обезпеченіе настоящихъ обязательствъ будетъ допущено, чтобъ его царское величество занялъ Тённингенъ своими войсками подъ какимъ нибудь вымышленнымъ предлогомъ. Царь оставитъ за собою эту крѣпость, въ качествѣ залога, до тѣхъ поръ, пока герцогъ не достигнетъ совершеннолѣтія и не будетъ видно, какой оборотъ примутъ дѣла.

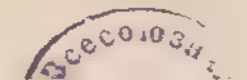
7. Царь и епископъ даютъ взаимное обѣщаніе хранить въ тайнѣ настоящее соглашеніе, обязывая тѣмъ же и своихъ министровъ.

Петръ Алексѣевичъ явился одинъ въ домъ Меншикова. Приказавъ изложить себѣ вѣроятность выгодъ каждаго пункта проекта, онъ взялъ его съ собою, чтобъ отдать Веселовскому (21) для перевода и потомъ хорошенько обдумать.

Между тѣмъ распространилось извѣстіе о скоромъ возвращеніи Карла XII, и это однимъ разомъ уничтожило всѣ происки въ Швеціи. Гёрцъ дрожалъ за послѣдствія переговоровъ, начатыхъ по его приказанію въ Петербургѣ. Онъ поспѣшилъ отправить къ Бассевичу запрещеніе представлять царю какіе бы то ни было проекты; но прошло уже двѣ недѣли какъ проектъ былъ поданъ, и саксонскій посланникъ, съ которымъ Бассевичъ долженъ былъ во всемъ сноситься, зналъ о томъ, хотя отъ него и скрывали большую часть статей. Царь остался доволенъ сдѣланными ему предложеніями и написалъ королю датскому письмо, въ которомъ убѣждалъ не разрушать Тённингена.

Вольфъ сдалъ эту несчастную крѣпость, не исполнивъ кроваваго предписанія Гёрца относительно головы Веддеркоппа. Честность почтила здѣсь невинность и не побоялась навлечь на себя месть министра самовластнаго и жестокаго. Датчане нашли въ замкѣ крѣпости нѣсколько бумагъ, относившихся къ переговорамъ съ Стенбокомъ, которыя генералъ этотъ по небрежности забылъ взять съ собою. Царю немедленно сообщены были съ нихъ копіи, чтобы открыть ему стачку съ Шведами, въ которой не признавался епископъ-регентъ. Царь обсуживалъ проектъ Бассевича, когда дошли до него эти неопровержимыя свидѣтельства двуличности готторпскаго министерства. Онъ разсудилъ, что нельзя допустить, чтобы человѣкъ, уполномоченный дѣлать ему лживыя предложенія и чернить Данію, его союзницу, оставался долѣе при его дворѣ. Вслѣдствіе того

(21) *Ѳедоръ Павловичъ Веселовскій*,—извѣстный дипломатъ Петрова времени. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь названъ братъ его *Исаакъ* или еще другой—*Яковъ*, клевреты Меншикова.



Бассевичу велѣно было объявить, чтобы онъ немедленно удалился и въ короткое время выѣхалъ изъ России. Бассевичъ представлялъ, черезъ посредство Меншикова, что это изгнаніе грозитъ его чести и имуществу, и что Гёрцъ, чтобъ свалить съ себя вину передъ епископомъ, припишетъ непремѣнно всю неудачу посольства неловкому поведенію его, Бассевича. Меншиковъ былъ въ это время сердитъ на Гёрца. Послѣдній разсказалъ датскому министру Ревентлау о суммахъ, которыми пріобрѣлъ себѣ расположеніе князя. Этимъ путемъ свѣденіе о нихъ дошло и до царя, и Меншиковъ чуть-чуть не впалъ въ сильную немилость. Потому-то онъ всячески протестовалъ противъ несправедливостей, которыя угрожали Бассевичу. Государь русскій былъ великодушенъ. „Ну, такъ выпроводимъ его „такимъ образомъ, сказалъ онъ, чтобы „дворъ его убѣдился, что вся вина не„успѣха принадлежитъ самому двору", и приказалъ составить отвѣтъ на проектъ. Вотъ въ чемъ онъ заключался:

1. Его царское величество проситъ его величество короля датскаго не разрушать Тённингена, но ни за что не отвѣчаетъ и никогда не откажется поддерживать своихъ союзниковъ. Еслибъ выгоды даже и не требовали этого, то святость обязательствъ предписываетъ поступать такъ, ибо кто теряетъ свой кредитъ, тотъ все теряетъ.

2. О доставленіи Финляндіи молодому герцогу будутъ стараться; но для этого нужно содѣйствіе епископа-регента.

3. Его царское величество не противится наслѣдованію герцогомъ шведскаго престола и не думаетъ, что воспротивятся и его союзники, хотя впрочемъ для этого необходимо предварительно знать мнѣніе короля прусскаго; но королю шведскому еще такъ немного лѣтъ, что въ настоящее время кажется неумѣстнымъ касаться этого предмета. По той же самой причинѣ его величество находитъ вопросъ о присоединеніи голштинскихъ владѣній къ Швеціи весьма щекотливымъ и основаннымъ на предположеніяхъ мало вѣроятныхъ.

Относительно обязательствъ епископа-регента,—

4 Его величество принимаетъ предложеніе о бракѣ; но здѣсь ничего не можетъ быть рѣшено прежде достиженія царевною узаконеннаго возраста. Царь хотя и отецъ ея, однакожъ необходимо ея согласіе. Распри между Даніею и Голштиніею могутъ быть устранены на Брауншвейскомъ конгрессѣ и ни въ чемъ не касаются до его царскаго величества, который скорѣе рѣшится быть оставленнымъ своими союзниками, чѣмъ самъ оставить ихъ; честь его слова дороже ему всего остальнаго.

5. Г. посланнику, вѣроятно, извѣстно, что на гузумскихъ конференціяхъ былъ составленъ планъ относительно завоеваній, который долженъ оставаться неизмѣннымъ. Ингрія и Карелія — нѣмецкія провинціи; генералъ Делагарди занялъ ихъ подъ предлогомъ защиты отъ Польши и покорилъ Швеціи. Если его царское величество оставитъ ихъ себѣ, а Лифляндію и Эстляндію уступитъ непріятелю, то послѣдній можетъ стѣснять плаваніе около ихъ береговъ, опираясь на крѣпость Ревель и Гельзингфорсъ и пользуясь незначительною шириною Финскаго залива Если же царь уступитъ Ингрію, тогда всякое сообщеніе съ Россіею будетъ отрѣзано. Во всякомъ случаѣ, здѣсь одинаково стѣсняются какъ та, такъ и другая сторона. Для чего также стараться удовольствовать только короля прусскаго и отнимать у датскаго завоеванные имъ Бременъ и Верденъ, тогда какъ молодой герцогъ, сдѣлавшись королемъ шведскимъ, долженъ оставить за собой свои наслѣдственныя земли? Свѣтъ не увидитъ дурнаго обращенія царя съ

союзниками. Ясно, что хлопочутъ только о томъ, чтобъ разъединить его съ вѣрнымъ союзникомъ и заставить самого повредить тѣмъ важнѣйшимъ своимъ интересамъ.

6. Его царское величество не можетъ имѣть притязаній на Тённингенъ, потому что обязался не дѣлать какихъ бы то ни было пріобрѣтеній въ Германіи иначе какъ съ согласія своихъ союзниковъ.

7. Напрасно требуютъ тайны. Предложенія, сдѣланныя г. Бассевичемъ, были извѣстны задолго до его пріѣзда. Ни въ чемъ не видно здѣсь добраго и искренняго намѣренія. Доказательствомъ тому служитъ обращеніе съ Стенбокомъ и предписанія, данныя въ то время комменданту Вольфу. Вотъ копіи съ нихъ для свѣденія г. Бассевича. Всего лучше будетъ положить этотъ товаръ опять въ тотъ ящикъ, откуда онъ вынутъ.

С. Петербургъ, 25-го марта 1714.

Вмѣстѣ съ этимъ документомъ царь приказалъ вручить Бассевичу отвѣтную грамоту къ епископу-регенту. Въ ней онъ говорилъ, что чрезвычайный посланникъ его свѣтлости былъ принятъ съ отличіемъ при царскомъ дворѣ, но что ни одно изъ его предложеній не представило хоть сколько-нибудь вѣрнаго ручательства для Россіи и ея союзниковъ.

Ожиданіе возвращенія Карла XII заставляло царя спѣшить своими приготовленіями военныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Онъ отправилъ въ Копенгагенъ каммергера Ягужинскаго просить объ ускореніи высадки въ Сканію и въ то же время освѣдомиться о дѣлавшихся тамъ приготовленіяхъ для этой экспедиціи. Король датскій велѣлъ отвѣчать, что для высадки въ Сканію двадцати пяти тысячъ войска онъ ждетъ только удостовѣренія отъ короля прусскаго, что не будетъ тревожимъ со стороны Шлезвига въ продолженіе кампаніи; что онъ проситъ царя доставить ему это удостовѣреніе и что рѣшается, для облегченія дѣла, возстановить Голштинію, возвратить Тённингенъ войскамъ нейтральнымъ и вступить въ переговоры относительно возстановленія Шлезвига и другихъ претензій герцогскаго дома. На возвратномъ пути изъ Копенгагена Ягужинскій проѣхалъ черезъ Берлинъ и сообщилъ эти предложенія тамошнему министерству. Они были найдены выгодными для епископа-регента; но святость договоровъ запрещала приступать къ какому-либо рѣшенію безъ его участія. Головкинъ убѣждалъ Гёрца согласиться на дѣлаемыя предложенія; но Гёрцъ не соглашался подъ предлогомъ, что Датчане не сдержатъ своего слова и стараются только усыпить Пруссію, которой боятся; ставилъ королю на видъ значеніе, какое онъ пріобрѣтетъ въ Европѣ, если будетъ твердо и неизмѣнно поддерживать первый договоръ своего царствованія; увѣрялъ его, что, судя по положенію дѣлъ, согласятся на полное возстановленіе, если онъ захочетъ рѣшительно требовать его; доказывалъ Головкину, что послѣднее будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ заставить Данію серьезно дѣйствовать для общей цѣли союза, потому что чѣмъ менѣе она увидитъ возможности пріобрѣсти здѣсь, тѣмъ болѣе будетъ стараться вознаградить себя на счетъ Швеціи. Послѣ того онъ послалъ Бассевичу приказаніе сообщить все это и царю. Монархъ не получалъ еще въ это время роковыхъ копій съ бумагъ, найденныхъ въ Тённингенѣ, и однакожъ на конференціи, на которой лично присутствовалъ, возразилъ: «А если «Швеція купитъ дружбу Даніи уступкою Бременской области, дружбу Пруссіи уступкою Штеттина, и послѣ того «все обратится противъ меня, да еще при «посредствѣ васъ, голштинскихъ интриганговъ?» Не много спустя онъ закрылъ засѣданіе и сказалъ Бассевичу: «Причины

«ваши хороши, но у меня есть своя, «лучшая: было бы недостойно меня— «притѣснять союзника, который вступа«етъ въ переговоры для исправленія сво«ихъ ошибокъ.»

Переговоры о высадкѣ въ Сканію продолжались. Король датскій соглашался дать свой флотъ, но требовалъ для экипажа 300,000 рублей. Финансы царя не позволяли въ то время выдать такой суммы. Онъ самъ сознался въ этомъ, и король предложилъ ему пять большихъ кораблей, но съ тѣмъ, чтобъ онъ снарядилъ ихъ и снабдилъ матросами. Такъ какъ Пруссія не объявляла себя прямо въ пользу Датчанъ, то они заподозрили, что она замышляетъ рано или поздно соединиться съ Швеціею, и потому убѣждали царя предупредить ее и прервать съ нею сношенія. Но ничто не могло подвигнуть его на это. Онъ ласкалъ себя надеждою склонить это государство на сторону Даніи, увѣренный, что Карлъ откажется отъ союза съ нимъ. Однимъ словомъ, относительно высадки въ Сканію не послѣдовало надлежащаго соглашенія, и царь рѣшился обратить свои силы на Финляндію, съ тѣмъ, чтобъ проникнуть въ Ботнію.

Датчане однакожъ разрушили Тённингенъ, и никто не противился этому. Освобожденный ими Веддеркоппъ отправился прямо въ Копенгагенъ, а оттуда скоро и въ Стокгольмъ доказывать свою невинность и обнаруживать интриги Гёрца. Сенатъ зналъ уже о нихъ отъ шведскаго министра въ Берлинѣ и запретилъ всѣмъ прочимъ шведскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ сноситься съ голштинскими. Гёрцъ ловко съумѣлъ отклонить отъ себя большую часть обвиненій, взведенныхъ на него Даніею; но Веддеркоппъ заклеймилъ его несмываемыми пятнами.

Не смотря на то, что онъ всюду потерялъ къ себѣ довѣріе, его неистощимый умъ изобрѣлъ новую систему, противоположную той, которой онъ доселѣ слѣдовалъ. Его величію и счастію не оставалось иного прибѣжища, какъ подъ крыломъ Карла XII; поэтому онъ сразу прекратилъ сношенія со всѣми дворами, такъ долго имъ щадимыми, и публично водрузилъ знамя этого героя. Голштинскія войска, отозванныя изъ Брабанта, прибыли въ Померанію: вмѣсто того, чтобъ послать ихъ для занятія Висмара и Штеттина, какъ слѣдовало по договору съ Пруссіею, онъ сдѣлалъ изъ нихъ наемниковъ Швеціи и заставилъ ихъ присягнуть этой державѣ. Не увѣдомивъ о томъ Бассевича, онъ льстилъ себя надеждою, что новость эта, начинавшая уже распространяться, застанетъ его еще въ Петербургѣ и заставитъ царя сослать къ соболямъ человѣка, который забавлялъ его мнимымъ исканіемъ союза и дружбы. Но гнѣвъ ослѣплялъ его — онъ разсчелъ невѣрно. Наскучивъ бродить по краю пропасти въ мѣстахъ, гдѣ, со времени приказа о выѣздѣ, оставался въ самомъ дѣлѣ только изъ терпимости, посланникъ былъ уже на обратномъ пути. Онъ приближался къ границѣ Россіи, когда дворъ петербургскій узналъ объ обязательствѣ, принятомъ голштинскими войсками. Посланные за нимъ въ погоню увидѣли его уже внѣ владѣній царя, да и имѣли приказаніе не ѣхать далѣе и вообще не слишкомъ усердно преслѣдовать его. Царь уважалъ Бассевича. Онъ хотя и не допустилъ его болѣе къ себѣ на аудіенцію, однакожъ удостоилъ прійдти на прощальный пиръ, данный въ честь его Меншиковымъ, и выразился, что желаетъ, чтобъ оказали справедливость его способностямъ, но что сомнѣвается въ томъ, потому что у Гёрца глаза слишкомъ хороши, а у епископа ихъ вовсе нѣтъ. Это однакожъ несправедливо. Епископъ не лишенъ былъ проницательности, но Гёрцъ, силою своего ума, которому вскорѣ подчинился и Карлъ XII, умѣлъ ослѣплять его.

Хитрый этотъ министръ (т. е. Гёрцъ) все еще постоянно оставался въ Берлинѣ, и теперь отправилъ къ Бассевичу письмо, наполненное горькими упреками за то, что проектъ, представленный царю, уничтожаетъ кредитъ двора готторпскаго въ Швеціи. Кристъ ([22]) донесъ ему, что посланникъ очень обидѣлся этимъ и думаетъ просить епископа о позволеніи отправиться успокоивать Стокгольмъ, прежде нежели возвратится къ мѣсту своего назначенія. Измѣнникъ совѣтовалъ его превосходительству согласиться на такую просьбу, но въ то же время приказать посланнику отправить туда, нѣсколькими днями прежде, своего секретаря посольства, который бы могъ развѣдать обо всемъ нужномъ и помочь ему дѣйствовать. Кристъ обѣщалъ въ этомъ случаѣ непремѣнно устроить его погибель, а его превосходительство устранить отъ участія въ томъ, что могло бы не понравиться Сенату. Но Гёрцъ поступилъ иначе. Онъ предупредилъ просьбу посланника и увѣдомилъ его, что, для доставленія ему случая смягчить неудовольствіе на себя въ Швеціи, епископъ-регентъ назначаетъ его въ Стокгольмъ на мѣсто графа Дерната, говорилъ далѣе, что отъ души поздравляетъ его и совѣтуетъ ему отправиться прямо въ Гамбургъ, не заѣзжая въ Берлинъ, гдѣ его дурно бы приняли, потому что недовольны имъ, и что наконецъ, желая, для надлежащаго съ своей стороны распоряженія, знать въ точности какъ происходило дѣло въ Петербургѣ, проситъ сообщить обо всемъ въ подробности секретарю и прислать его въ Берлинъ для представленія ему, Гёрцу, своего донесенія. Кристу онъ сообщилъ копію съ своего коварнаго письма и, именемъ епископа, приказалъ при отъѣздѣ завладѣть, тайно отъ министра, всѣми бумагами, принадлежавшими къ посольству, въ особенности же письмами и инструкціями своими. Кромѣ того, такъ какъ Бассевичъ долженъ былъ проѣхать черезъ Померанію, гдѣ находились тогда голштинскіе полки, то въ то же время отправлено было секретное предписаніе арестовать его, когда онъ пріѣдетъ туда.

Среди столькихъ хлопотъ Гёрцъ забылъ только объ одномъ: отправить немедленно въ Кёнигсбергъ деньги, которыя посланникъ долженъ былъ получить тамъ на путевыя издержки. Этотъ случай заставилъ послѣдняго остановиться тамъ и ждать денегъ, но секретаря тѣмъ не менѣе отправить куда слѣдовало. Снабдивъ его надлежащими инструкціями, онъ потребовалъ отъ него шкатулку съ бумагами посольства. Кристъ самъ принесъ ее, и уѣхалъ. Это было рано утромъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Бассевичъ провелъ весь день въ слезахъ по отцѣ, о смерти котораго только что получилъ извѣстіе([23]). Томимый безсоницею, онъ вздумалъ начать писать мемуаръ въ оправданіе своего поведенія въ Россіи, и потому захотѣлъ открыть шкатулку, въ которой, въ предшествовавшую ночь, вмѣстѣ съ Кристомъ приводилъ все въ порядокъ. Но ключъ оказался не тотъ. Тогда подозрѣніе (вообще рѣдко проникавшее въ его душу) внезапно овладѣло имъ. Онъ велѣлъ разбудить слесаря, и увидѣлъ, что все похищено и что онъ преданъ въ руки враговъ, лишенный своего оружія. Не колеблясь ни минуты, онъ садится на лошадь, и скачетъ добрыхъ шестнадцать нѣмецкихъ миль съ такою быстротою, что нагоняетъ почту, уѣхавшую почти за 24 часа; съ пистолетомъ въ рукѣ останавливаетъ почтальона и принуждаетъ Криста выйдти изъ повозки и отправиться съ нимъ въ находившійся вблизи домъ. Тамъ, въ присутствіи свидѣтелей, откры-

([22]) Секретарь посольства при Бассевичѣ.

([23]) Отецъ Бассевича, Филиппъ Куно, мекленбургскій совѣтникъ умеръ 2 марта 1714 г. (Цедлеровъ лексиконъ, ч. III, стр. 632). *П. Б.*

ли шкатулку измѣнника. Въ ней нашлось все, даже черновое письмо его къ Гёрцу и отвѣтъ на него, — двѣ бумаги, которыя обнаружили весь замыселъ. Въ этомъ мѣстѣ Бассевичъ оставилъ Криста, не сдѣлавъ ему, кромѣ упрековъ, никакого оскорбленія, и возвратился съ своимъ счастливымъ призомъ въ Кёнигсбергъ.

По пріѣздѣ туда онъ немедленно жаловался письменно епископу-регенту; но государь этотъ, не смотря на природное свое добродушіе, раздраженный обвиненіями Гёрца, разослалъ команды во всѣ окрестныя земли для арестованія Бассевича. Однакожь это не имѣло успѣха. Король прусскій принялъ благосклонно извиненія, которыя Бассевичъ принесъ въ Берлинѣ въ томъ, что сдѣлалъ насиліе королевской почтѣ; взялъ его подъ особое свое покровительство, воспрещалъ очень долго врагу его, Гёрцу, всякій доступъ къ своему двору, и наконецъ далъ ему рекомендательное письмо къ молодому герцогу Карлу-Фридриху, письмо, съ которымъ Бассевичъ и проѣхалъ въ Швецію. Тамъ оправданіе его показалось столь удовлетворительнымъ въ глазахъ Сената, что графъ Дернатъ (который обвинялъ Бассевича отъ имени готторпскаго министерства) получилъ приказаніе выѣхать изъ королевства какъ человѣкъ, уполномоченный дѣлать ложное обвиненіе.

1715. Такой успѣхъ внушилъ Бассевичу смѣлость освободиться совершенно отъ зависимости Гёрца, и онъ объявилъ разъ навсегда, что на будущее время считаетъ себя обязаннымъ подчиняться единственно приказаніямъ своего молодаго государя, тѣмъ болѣе, что староства его ([24]), Бассевича, находятся въ Шлезвигѣ, гдѣ государь этотъ, по обычаю, усвоенному датскимъ королевскимъ домомъ, достигъ требуемаго совершеннолѣтія. Довольный такимъ предпочтеніемъ, герцогъ немедленно поручилъ ему отправиться въ Турцію съ тѣмъ, чтобъ склонить Карла XII (дядю Карла Фридриха) ходатайствовать въ Вѣнѣ объ императорскомъ разрѣшеніи на признаніе его совершеннолѣтнимъ и въ Голштиніи, какъ имперской провинціи, гдѣ срокъ опеки оканчивался только въ апрѣлѣ 1718 года.

Бассевичъ предувѣдомилъ короля объ этомъ дѣлѣ черезъ барона Георга Лёвена, бывшаго впослѣдствіи шведскимъ сенаторомъ. Онъ послалъ этого чиновника въ Демотику и поручилъ ему передать Карлу XII мемуаръ, въ которомъ излагалъ притѣсненіе со стороны Гёрца и обѣщалъ, основываясь на знаніи намѣреній король прусскаго, доставить союзъ послѣдняго угнетенному герою при помощи уступки Штеттина. Карлъ сдѣлалъ Лёвена своимъ генералъ-адъютантомъ: доказательство, что принятое имъ на себя порученіе не было непріятно его величеству. Ободренный такими счастливыми знаками, Бассевичъ отправился въ путь на встрѣчу королю. Онъ переѣхалъ черезъ море, находясь въ свитѣ королевы Лещинской ([25]), которая возвращалась изъ Швеціи къ своему супругу. Въ Прагѣ онъ нашелъ генерала Дальдорфа, ожидавшаго тамъ ежечасно прибытія Карла. Но въ этомъ ожиданіи прошло двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ узнали, что король уже въ Стральзундѣ. Епископъ и Гёрцъ поспѣшили къ нему туда. Бассевичъ, явившійся позже, не могъ добиться аудіенціи, хотя и былъ снабженъ вѣрительною грамотою племянника королевскаго; однакожь король возразилъ епископу, который требовалъ ареста Бассевича, что посланникъ племянника его не можетъ быть арестованъ. Генералъ Бассевичъ, столь уважаемый Карломъ, —

([24]) Т. е. Гузумское и Швабштедское, о которыхъ упоминается выше.

([25]) Супруга Станислава Лещинскаго, права котораго на Польскій престолъ, какъ извѣстно, поддерживалъ Карлъ XII.

тотъ самый, который впослѣдствіи былъ убитъ на островѣ Рюгенѣ и котораго Фридрихъ IV (26) велѣлъ искать между убитыми для почетнаго погребенія, — представилъ его величеству оправданіе своего родственника. Герой прочелъ его со вниманіемъ, но не сказалъ ни слова. Тоже самое сдѣлалъ онъ, когда ему поднесли оправданіе Веддеркоппа, къ которому всѣмъ извѣстно было его уваженіе. Дѣло въ томъ, что политика Гёрца, которую онъ считалъ для себя нужною, казалась ему тогда важнѣе всѣхъ требованій справедливости.

Вскорѣ гордый баронъ промѣнялъ титулъ голштинскаго тайнаго совѣтника на титулъ государственнаго министра короля шведскаго. Его возвышеніе было весьма несвоевременнымъ препятствіемъ для короля прусскаго, который обдумывалъ соглашеніе съ Карломъ, имѣвшее цѣлью сохранить послѣднему его нѣмецкія провинціи за уступку Штеттина. Еслибъ соглашеніе состоялось, Карлъ, усиленный въ Швеціи войсками изъ Помераніи, могъ бы остановить успѣхи непріятеля, проникавшаго въ его королевство. Но Гёрцъ, оскорбленный неудачею въ Берлинѣ, развернулъ передъ глазами шведскаго монарха цѣлую перспективу интригъ, важность которыхъ уничтожила значеніе дружбы Пруссіи. Карлъ любилъ обширные замыслы, и согласился съ мнѣніемъ Гёрца. Въ отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя ему Фридрихомъ-Вильгельмомъ черезъ посредство генерала Шлиппенбаха, онъ объявилъ гордое требованіе о возвращеніи Штеттина. Требованіе это повторялось такъ часто, что наскучило наконецъ королю прусскому и склонило его къ союзу съ царемъ, союзу, который уже давно былъ предсказанъ этимъ дальновиднымъ монархомъ.

---

(26) Король датскій.

II.

(По возвращеніи Карла XII изъ Турціи.)

Карлъ XII скоро убѣдился, какъ много силы Пруссіи содѣйствовали могуществу направленной противъ него коалиціи. Король прусскій, дружбою котораго онъ пренебрегалъ, и король датскій, старинный его врагъ, не замедлили осадить его въ Стральзундѣ (27). Осада была дѣятельна, сопротивленіе отчаянно. Карлъ, всегда удивительный по своей неустрашимости, былъ на этотъ разъ снисходителенъ и кротокъ. Вотъ примѣръ въ подтвержденіе того: у него оставалось уже мало полковниковъ (большая часть была убита или ранена), и эти немногіе чередовались дежурствомъ на укрѣпленіяхъ. Одинъ изъ нихъ, баронъ Рейхель, истомленный бодрствованіемъ и усталостью, только-что бросился на скамейку, чтобъ немного заснуть, какъ его снова зовутъ на дежурство. Онъ отправляется, разражаясь проклятіями. Король, услышавъ это, подошелъ къ нему съ яснымъ лицомъ и сказалъ: «Вамъ не въ моготу, любезный „Рейхель, а я только-что отдохнулъ: ложитесь на мой плащъ (который самъ „тутъ же разослалъ на землю) и спите. „Я подежурю за васъ и разбужу васъ, „когда будетъ нужно“. Пристыженный полковникъ не соглашается, но надобно было повиноваться. Король завертываетъ его въ плащъ и отправляется на свой постъ. Послѣ краткаго отдохновенія полковникъ съ новыми силами, съ новымъ усердіемъ, спѣшилъ опять жертвовать собою на службѣ героя, столь человѣколюбиваго.

(1716). Чудеса храбрости Карла и его сподвижниковъ не могли спасти города:

---

(27) Главномъ городѣ Помераніи.

надобно было уступить и отдать его въ руки непріятеля со всею Помераніею. Король возвратился въ Швецію. Неустрашимость его все еще не ослабѣвала отъ ряда неудачъ, но добродѣтель его поколебалась: полезный обманъ уже не пугалъ его болѣе. Гёрцъ убѣдилъ его въ необходимости примириться съ однимъ изъ непріятелей, чтобы раздавить прочихъ, и этотъ одинъ долженъ былъ быть никто иной, какъ Петръ Алексѣевичъ. Онъ былъ могущественнѣе всѣхъ, былъ человѣкъ необыкновенный, единственный въ своемъ родѣ, какъ и Карлъ, слѣдовательно одинъ, достойный его предупредительности и пожертвованія провинцій, которыми надлежало купить его дружбу. Карлъ былъ вовсе безъ средствъ. Вслѣдствіе обѣщанія Гёрца собрать 10,000,000 талеровъ на военныя издержки и отторгнуть царя отъ Даніи, Саксоніи и Ганновера, онъ позволилъ ему дѣлать распоряженія, какія заблагоразсудитъ, внутри королевства и заключать какіе угодно трактаты внѣ его.

Царь, недовольный Датчанами, которые, недоброжелательствуя ему, заботились только о своихъ выгодахъ, и раздраженный противъ Англичанъ, которые противодѣйствовали его намѣренію пріобрѣсти себѣ по ту сторону Балтійскаго моря портъ, откуда можно было бы проходить въ океанъ, царь склонялся на сторону Гёрца, и Меншиковъ видѣлъ съ удовольствіемъ, что прежнія его старанія по голштинскому дѣлу готовы были осуществиться. Монархъ колебался, рѣшиться ли ему разомъ измѣнить образъ своихъ дѣйствій. Онъ имѣлъ множество поводовъ къ жалобамъ на своихъ союзниковъ и могъ бы составить длинный и основательный манифестъ. Не было сомнѣнія, что вліяніе его на берлинскій кабинетъ заставило бы Пруссію соединиться съ нимъ въ союзѣ съ Карломъ, а можетъ быть столь быстрый переворотъ побудилъ бы также Данію и Польшу немедленно согласиться на выгодный миръ. Но еслибъ переворотъ этотъ не произвелъ никакого дѣйствія и еслибъ пришлось продолжать войну, которая бы, конечно, сдѣлалась еще ожесточеннѣе, — откуда взять тогда средствъ вести ее? У Россіи было мало денегъ, у Швеціи еще меньше. И можно ли было положиться на Карла и на Гёрца? На Карла, который когда-то съ такимъ же ожесточеніемъ искалъ лишить престола Петра, какъ и Августа ([28]), и въ которомъ крайнія бѣдствія превратили надменную и открытую ненависть въ мрачное и жестокое коварство? На Гёрца, рожденнаго для двуличности, искуснѣйшаго изъ смертныхъ въ дѣлѣ притворства и не старавшагося даже по наружности казаться добросовѣстнымъ? Можно ли было забыть, что, когда начались его несогласія съ Бассевичемъ, онъ въ Стокгольмѣ и Регенсбургѣ хвалился, что обманывалъ Меншикова въ Гузумѣ и Суэдѣ, забавляя его обѣщаніями, которыхъ никогда и не думалъ исполнять, и что не успѣлъ обмануть также и царя только потому, что дѣло попало въ руки человѣка слишкомъ мало развязнаго и слишкомъ вѣтреннаго?

Эти сомнѣнія, краснорѣчиво выставленныя на видъ Остерманомъ и вицеканцлеромъ Шафировымъ, заставили царя рѣшиться не спѣшить, дать созрѣть проектамъ Гёрца, принимать ихъ не иначе, какъ по точномъ удостовѣреніи въ ихъ искренности и исполнимости, и щадить тѣмъ болѣе своихъ союзниковъ, что ему не хотѣлось оставить ихъ, не сохранивъ своей славы и не доказавъ ихъ вины. Гёрцъ, съ своей стороны, прежде нежели рѣшительно сблизиться съ царемъ, показывалъ видъ, что ищетъ для короля и другой какой либо опоры, дабы тѣмъ придать болѣе вѣсу своимъ условіямъ.

([28]) Августа II, короля Польскаго.

Такимъ образомъ, и съ той и съ другой стороны секретныя негоціаціи откладывались на неопредѣленное время, а между тѣмъ царь не пріостанавливалъ военныхъ дѣйствій. Заботясь, впрочемъ, о покоренныхъ своихъ владѣніяхъ болѣе, чѣмъ о наслѣдственныхъ, онъ обнаруживалъ твердое намѣреніе не выпускать первыхъ изъ рукъ. Жители Нарвы, уведенные въ 1704 году въ Россію, были вновь вызваны для заселенія своего города, а вѣроятность скораго примиренія съ Швеціею, за которымъ послѣдовало бы и освобожденіе плѣнныхъ обѣихъ сторонъ, удвоила старанія монарха воспользоваться трудами многихъ тысячъ Шведовъ, бывшихъ въ его власти. Россія наполнена памятниками ихъ дѣятельности. Великолѣпное предмѣстье Петербурга, названное проспектомъ, было все вымощено ихъ руками, и они до самаго нейштадтскаго мира подвергались унизительной обязанности чистить его каждую субботу ([29]). Всѣхъ болѣе достоинъ былъ сожалѣнія графъ Пиперъ, прежде столь могущественный, но потомъ заключенный въ темницахъ шлюссельбургскихъ. Шведы взяли одну русскую галеру, шедшую въ Стокгольмъ съ нѣсколькими плѣнными, назначенными въ обмѣнъ, и Пипера, въ вознагражденіе за этотъ убытокъ, заставили подписать вексель въ 30,000 талеровъ. Онъ имѣлъ несмѣтныя богатства; но несмотря на то, жена его не хотѣла признать его подписи. Царь думалъ, что отказъ этотъ былъ сдѣланъ по настоянію самаго плѣнника, и потому велѣлъ держать его на хлѣбѣ и на водѣ до окончательной уплаты денегъ. Пиперъ, ослабленный семилѣтнимъ сидѣніемъ въ тюрьмѣ, не могъ выдержать столь жестокаго и постыднаго обращенія, которое и было причиною его смерти!

Карлъ XII воображалъ, что всякое предпріятіе, не выходящее изъ предѣловъ человѣческой возможности, не можетъ не удасться уму и хитрости Гёрца. „Съ тремя людьми, подобными ему", сказалъ онъ однажды графу Ферзену, „я обманулъ бы весь міръ." Онъ не думалъ ни о чемъ, кромѣ войны, и Гёрцъ прибылъ въ Стокгольмъ властвовать его именемъ. Фаворитъ предоставилъ офицерамъ полную свободу насильно набирать рекрутъ, началъ ревизію всѣхъ коллегій съ цѣлью ознакомиться съ внутреннимъ устройствомъ Швеціи, установилъ собственною властію тяжкіе налоги и издалъ рядъ новыхъ законовъ. Графъ Дернатъ получилъ позволеніе возвратиться въ Швецію для оправданія себя въ глазахъ своего молодаго государя ([30]), отъ котораго всѣ друзья Бассевича были удалены. Королевскимъ декретомъ 26 ноября 1715 года въ Стокгольмѣ, по просьбѣ епископа-регента, была уже назначена коммиссія для разсмотрѣнія неудовольствій герцога голштинскаго. Оба государя ([31]) объявили, что подчинятся ея рѣшенію, и прислали своихъ уполномоченныхъ. Пальмфельдъ, рекомендованный Карломъ, у котораго былъ военнымъ совѣтникомъ, явился туда отъ имени герцога. Оберъ-ландсратъ Лейонштетъ былъ предсѣдателемъ, но между членами не было ни одного сенатора. Коммиссія начала съ вызова всѣхъ, кто имѣлъ что нибудь противъ регентства голштинскаго. Само собою разумѣется,

---

([29]) Разумѣется, по всему вѣроятію, нынѣшній Невскій проспектъ: самый городъ, какъ извѣстно, первоначально былъ на правой сторонѣ Невы.

([30]) Т. е. наслѣдственнаго герцога Голштиніи, въ то время 15 лѣтняго Карла Фридриха, который съ малолѣтства жилъ и воспитывался въ Швеціи у бабки своей съ материнской стороны. Его владѣніями правилъ епископъ-регентъ, его дядя по отцу и родной дѣдъ нашей Екатерины II.

([31]) т. е. епископъ-регентъ и молодой герцогъ голштинскій Карлъ Фридрихъ.

что никто не явился, потому что вызову предшествовала декларація отъ имени короля, что всякій, кто позволитъ себѣ непочтительно говорить объ этомъ регентствѣ, будетъ подверженъ преслѣдованію по закону, какъ преступникъ, и изгнанъ изъ королевства.

Утверждая постоянно, что Карлъ-Фридрихъ совершеннолѣтенъ въ отношеніи раздачи должностей въ Шлезвигѣ, Бассевичъ принялъ отъ него вѣрительныя грамоты къ императору ([32]) и королямъ шведскому и прусскому. Когда посольство его къ Карлу XII не состоялось по причинѣ отказа въ аудіенціи, онъ отправился въ Вѣну, чтобъ узнать мысли императорскаго двора касательно совершеннолѣтія своего государя какъ герцога голштинскаго. Готторпское министерство немедленно снарядило туда графа Ревентлау, зятя Гёрца, для обвиненія Бассевича въ неповиновеніи и бѣгствѣ, и съ требованіемъ задержать его самаго и бывшія съ нимъ бумаги. Ревентлау, не добившись послѣдняго, началъ противъ него процессъ въ придворномъ совѣтѣ (conseil aulique). Оправданіе Бассевича уничтожило всѣ направленныя противъ него обвиненія. Тогда Ревентлау объявилъ ему съ угрозой, чтобъ онъ возвратился въ Гамбургъ и отдалъ отчетъ въ своемъ посольствѣ въ Россію; но Бассевичъ представилъ императорскому министерству, что процессу даютъ противозаконное направленіе и позволяютъ себѣ насилія, которыя оскорбляютъ достоинство его императорскаго величества, какъ главы имперіи и какъ эрцгерцога, тѣмъ болѣе, что позывъ къ суду сдѣланъ ему, Бассевичу, въ австрійскихъ владѣніяхъ и безъ предварительнаго слѣдствія. Императоръ дѣйствительно былъ раздраженъ всѣмъ случившимся. Епископъ почувствовалъ, что поступилъ опрометчиво, сталъ извиняться и получилъ прощеніе. Процессъ былъ оставленъ, и Бассевичъ объявленъ невиннымъ. Принимая во вниманіе большую силу его враговъ, императоръ снабдилъ его охраннымъ листомъ для безопасности его самаго, его семейства и его имущества, въ чемъ бы оно ни состояло, на всемъ пространствѣ священной римской имперіи. Эта благосклонность сильно привязала Бассевича къ австрійскому дому, и онъ хорошо отплатилъ за нее, когда впослѣдствіи, будучи всемогущимъ въ Петербургѣ въ царствованіе императрицы Екатерины, убѣдилъ русскій дворъ предпочесть еще существовавшій союзъ съ императоромъ союзу съ Франціей, въ пользу которой просилъ его ходатайствовать король Станиславъ, глубоко имъ уважаемый.

Король шведскій, какъ казалось, желалъ прежде, чтобъ сестра его Ульрика оставалась незамужнею, а потому, если и рѣшился изъявить согласіе на бракъ ея съ наслѣднымъ принцемъ гессенъ-кассельскимъ (что и случилось въ апрѣлѣ 1715 года), то все-таки выразилъ свое неудовольствіе удаленіемъ генерала Ранка, далекарлійца, возвысившагося своими заслугами и, какъ говорили, устроившаго этотъ бракъ черезъ посредство одной изъ своихъ родственницъ, горничной принцессы. Ранкъ, по удаленіи своемъ, жилъ въ Гамбургѣ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и получая пенсію отъ кассельскаго дома, а принцъ, славившійся какъ хорошій солдатъ, очень скоро заслужилъ любовь Карла. Всѣхъ удивило, что Гёрцъ, кліентъ дома готторпскаго, помогъ ему получить въ февралѣ 1716 года командованіе гвардейскимъ отрядомъ и титулъ генералиссимуса шведской арміи. Все это было сдѣлано для того, чтобъ сдерживать и устрашать племянника королевскаго и имѣло успѣхъ. Карлъ-Фридрихъ дрожалъ при мысли, что можетъ лишиться наслѣдованія

([32]) Карлу VI.

престола, и потому долженъ былъ сносить зависимость отъ фаворита. Его заставили предписать Бассевичу, чтобъ тотъ явился съ своими обвиненіями противъ министерства голштинскаго регентства въ слѣдственную коммиссію, учрежденную въ Стокгольмѣ. Бассевичъ отвѣчалъ, что его пугаютъ „*слѣды львинаго логовища*" и присовокупилъ, что шведская коммиссія, берущая на себя право оправдывать или осуждать владѣтельнаго имперскаго князя, какимъ былъ епископъ, и распоряжаться опекою надъ германскимъ принцемъ, верховнымъ опекуномъ котораго могъ быть только императоръ, кажется ему явленіемъ столько же опаснымъ, сколько и безпримѣрнымъ; что онъ, Бассевичъ, какъ природный вассалъ имперіи, уважающій священныя права своего августѣйшаго государя, не можетъ явиться въ такую коммиссію, а какъ ревностный слуга его свѣтлости, умоляетъ герцога щадить императорскій дворъ, покровительство котораго для него необходимо. Не одобряя и не охуждая этаго представленія, герцогъ холодно отвѣчалъ Бассевичу, что на будущее время избавляетъ его отъ труда завѣдывать его дѣлами какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ, и что уполномочитъ для этого другихъ лицъ. Совершенно побѣжденный обѣщаніемъ Гёрца — выхлопотать ему признаніе совершеннолѣтія и актъ, утверждающій за нимъ наслѣдованіе престола, если король не оставитъ потомства, онъ формально объявилъ, что, избавившись отъ ложныхъ предубѣжденій противъ епископа, своего дяди и его министерства, возвращаетъ любовь и довѣріе первому, и признаетъ невинность и добросовѣстность послѣдняго; считаетъ себя весьма обязаннымъ королевской коммиссіи тѣмъ, что она открыла ему глаза, и одобряетъ всѣ ея дѣйствія. Въ отплату за такую любезность, которая привела въ негодованіе всю Швецію, король возвелъ въ дворянское достоинство Рёнсдорфа, любимца герцога; но относительно престолонаслѣдованія не было сдѣлано ничего; и только годъ спустя епископъ исходатайствовалъ у императора актъ на признаніе совершеннолѣтія, которое было объявлено лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до наступленія законнаго срока.

Гораздо труднѣе было управиться съ Сенатомъ, чѣмъ съ шестнадцатилѣтнимъ принцемъ. Гёрцъ потребовалъ отъ него точной деклараціи, что онъ доволенъ голштинскимъ министерствомъ и одобряетъ дѣйствія коммиссіи. Собранъ былъ секретнѣйшій совѣтъ, на которомъ не присутствовали даже секретари, составляющіе протоколы, и послѣдовалъ отвѣтъ: что королевскій сенатъ (тогда сенаторы, которые потомъ назывались государственными совѣтниками, носили названіе совѣтниковъ королевскихъ) не имѣлъ никакихъ сношеній съ голштинскими министрами и не бралъ на себя обсужденія ихъ поступковъ, если не обязывали его къ тому особыя повелѣнія его величества.

Царь, лишь слегка дѣйствовавшій въ это время противъ Швеціи, рѣшился отправиться въ Германію съ цѣлью ознакомиться ближе съ планами и намѣреніями какъ союзныхъ державъ, такъ и Гёрца. Давно предположенный бракъ Екатерины Ивановны, его племянницы, съ герцогомъ Карломъ-Леопольдомъ мекленбургскимъ([38]) былъ въ его присутствіи отпразднованъ въ Данцигѣ 16-го апрѣля 1716. Говорили, что царь вошелъ съ этимъ новымъ союзникомъ въ соглашеніе насчетъ обмѣна княжествъ Шверинскаго и Гюстровскаго на что нибудь равноцѣнное изъ земель, завоеванныхъ Русскими. Но кто только зналъ Карла-Леопольда, тотъ не могъ повѣрить этому. Дворянство

([38]) Знаменитымъ представителемъ Германскаго деспотизма.

и городскія власти главныхъ городовъ въ его владѣніяхъ сопротивлялись его насиліямъ и отстаивали свои привиллегіи, рискуя имуществомъ и жизнію; почему онъ, даже и за корону, никому на свѣтѣ не уступилъ бы надежды подчинить ихъ своему игу. Бракъ этотъ, впрочемъ, и безъ всякой мѣны былъ желателенъ для обѣихъ сторонъ. Мнѣніе о варварствѣ русскихъ было до сихъ поръ причиною, что за царскихъ принцессъ не сватались. Теперь же царевна Екатерина соединялась бракомъ съ значительнымъ германскимъ владѣтельнымъ княземъ, земли котораго, по своему географическому положенію, могли въ добавокъ съ выгодою служить для пользъ Россіи; а для герцога царская дочь, приносившая въ приданое Висмаръ, было все, что онъ только могъ желать. Очень красивый собою, умный, храбрый, онъ могъ бы составить счастіе супруги, которая была того достойна. Но вышло совершенно наоборотъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ вынесши все, что можетъ вывести изъ терпѣнія всякую простую мѣщанку, она вынуждена была наконецъ удалиться съ принцессою, своею дочерью (бывшею впослѣдствіи правительницею Россіи) въ Петербургъ, гдѣ и умерла вдали отъ мужа. За немного лѣтъ до этого брака онъ, неизвѣстно по какой причинѣ, развелся съ прекрасной принцессой нассауской.

Надежды на пріобрѣтеніе Висмара, которыми льстилъ себя герцогъ, и на тѣ выгоды, какія представлялись царю для торговли его имперіи, не сбылись. Генералы датскихъ и ганноверскихъ войскъ, осаждавшихъ этотъ городъ, объявили комменданту, что теперь они готовы согласиться на честную для него капитуляцію, но что если онъ дождется соединенія съ ними русскихъ, которые уже въ походѣ, то гарнизонъ будетъ взятъ не иначе, какъ военноплѣннымъ, и оставленъ на произволъ новыхъ пришельцевъ. Вслѣдствіе такой угрозы Датчане, въ маѣ 1716 года, заняли Висмаръ, который и разрушили вмѣстѣ съ крѣпостью, считавшеюся неприступною со стороны такъ называемаго *Китоваго острова* (isle de Walfisch ou Baleine) который служилъ ключемъ къ порту, одному изъ лучшихъ по всему берегу.

Послѣ свиданія въ Данцигѣ съ королемъ прусскимъ царь отправился въ Гамбургъ, чтобъ имѣть тамъ третье, съ королемъ датскимъ. Поѣздка въ Пирмонтъ, гдѣ онъ пилъ минеральныя воды, дала ему возможность узнавать о томъ, что происходило въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ. По прибытіи въ Мекленбургію, онъ дѣлалъ смотръ своимъ галерамъ, находившимся въ Ростокѣ, а потомъ изъ Любека отплылъ въ Копенгагенъ вмѣстѣ съ супругою, всегдашнею своею спутницею. Тамъ онъ увидѣлъ себя во главѣ четырехъ флотовъ, русскаго, датскаго, англійскаго и голландскаго, соединившихся для конвоированія купеческихъ кораблей ихъ націй, и чувствовалъ себя славнѣе чѣмъ въ своей собственной столицѣ (34).

Ничто, казалось, не препятствовало теперь высадкѣ въ Сканію. Столько собранныхъ вмѣстѣ морскихъ и сухопутныхъ силъ ручались за успѣхъ, и Данія настоятельно требовала ея; но царь, прежде самъ такъ горячо торопившій эту экспедицію, теперь вдругъ уклоняется отъ нея и, подъ предлогами довольно слабыми, откладываетъ все дѣло до будущаго года. Пламенное желаніе укротить упрямаго героя Швеціи какъ бы остываетъ въ немъ. До него доходятъ слухи, будто союзники его подозрѣваютъ, что онъ замышляетъ разрывъ съ ними, а онъ отвѣчаетъ на это съ презрѣніемъ, что если они по совѣсти

(34) Это происходило 16 августа 1716 г. Подъ начальствомъ Петра было 800 кораблей. См. у Бюлау, т.IX, 1858 г., стр. 363, въ біографіи гр. Остермана, гдѣ есть подробности о томъ, какъ Датчане боялись Петра.

сознают, что заслужили того, то будуть знать что делать, чтобъ удержать его отъ разрыва.

Возвратившись въ Мекленбургію, гдѣ зимовали его войска, онъ увидѣлъ Бассевича (который, послѣ отъѣзда изъ Вѣны, жилъ, удаленный отъ дѣлъ, въ своихъ помѣстьяхъ въ ожиданіи перемѣны счастія) и спросилъ его, какимъ бы способомъ заставить повиноваться своему государю тѣхъ, которыхъ его величеству угодно было назвать мекленбургскими бунтовщиками? „Справедливостью и милосердіемъ", отвѣчалъ Бассевичъ, — „и „безъ помощи солдатъ, выгоняющихъ насъ „изъ нашихъ владѣній или тюрьмою и голо„домъ заставляющихъ подписывать такіе „акты, отъ которыхъ мы откажемся, какъ „скоро будемъ избавлены отъ присутствія „угрожающихъ штыковъ." Событія не замедлили доказать истину этихъ словъ. Государственныя сословія, съ 1523 года соединенныя ненарушимымъ договоромъ о взаимномъ поддержаніи своихъ правъ, обратились въ Вѣну съ жалобами, которыя выслушаны были тамъ благосклонно, и прибѣгли къ покровительству охранителей Нижне-Саксонскаго округа ([35]). Ганноверскій дворъ сильно вступился за нихъ. Неудовольствія, возникшія вслѣдствіе того между имъ и царемъ, слишкомъ извѣстны, чтобъ говорить объ нихъ.

1717. Во время пребыванія царя въ Голландіи открытъ былъ знаменитый заговоръ Гёрца и Гиллембурга ([36]) противъ Георга I. Изъ писемъ, откуда заимствуются настоящія „Записки", не видно ничего особеннаго объ этомъ дѣлѣ, кромѣ того, что царь, какъ кажется, изъ снисхожденія къ королю шведскому, хотя и смотрѣлъ сквозь пальцы на эту интригу, однакожь самъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ ей, и что онъ отвергъ предложеніе о бракѣ его дочери съ претендентомъ ([37]) по собственному побужденію, прежде нежели тутъ могло послѣдовать вмѣшательство Гёрца. Министръ этотъ, возвратившись изъ вторичной поѣздки своей въ Парижъ въ февралѣ 1717 года, имѣлъ съ царемъ совѣщаніе въ Гаагѣ. Вскорѣ послѣ того его величество и самъ отправился во Францію; но супруга его, которую онъ представлялъ столькимъ королямъ, не сопутствовала ему туда. Говорятъ, онъ не хотѣлъ подвергать ее возможности какихъ нибудь оскорбленій, которыхъ опасался по причинѣ темнаго ея происхожденія зная щепетильность французовъ. Въ Парижѣ ему оказаны были великія почести. Разсказываютъ однакожь, что когда онъ отдавалъ визитъ королю, который встрѣтилъ его при выходѣ изъ кареты, онъ замѣтилъ какъ этому юному монарху подали знакъ, чтобъ вверхъ по лѣстницѣ идти съ правой стороны; а потому тотчасъ же схватилъ его на руки и донесъ до самаго верху, цѣлуя его и говоря какъ бы съ восторгомъ: „Какой славный маленькій король!" Если все это правда, то находчивость его нельзя не назвать удивительною.

1718. Въ отсутствіе Петра Алексѣевича въ государственное управленіе Россіи вкралось множество злоупотребленій. По возвращеніи своемъ онъ дѣлаетъ преобразованія, производитъ слѣдствія, на-

([35]) Въ то время нѣмецкія государства, входившія въ составъ Германской Имперіи, раздѣлялись на отдѣльныя группы или округи, которые имѣли своихъ выборныхъ охранителей и директоровъ изъ владѣтельныхъ князей. Мекленбургія, Шлезвигъ и Голштинія причислялись къ Нижне-Саксонскому округу.

([36]) Это тотъ самый Гиллембургъ, который можетъ быть всѣхъ раньше, еще въ Гамбургѣ, обратилъ вниманіе на геніальныя способности Екатерины II, тогда еще дитяти. Въ 1744 г онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, и по его совѣту великая княжна занялась философіею и чтеніемъ классическихъ писателей. Сама Екатерина признавала его своимъ учителемъ и образователемъ. Упомянутый заговоръ имѣлъ цѣлью возвести на Англійскій престолъ такъ называемаго претендента т. е. Стюарта П. Б

([37]) Стюартомъ.

казываетъ, но наказываетъ не всѣхъ: такъ онъ прощаетъ наприм. Менщикова и другихъ первокласныхъ вельможъ, которыхъ считаетъ нужными для поддержки своего намѣренія устранить отъ престолонаслѣдствованія непокорнаго сына. Смерть послѣдняго и казнь тысячи другихъ виновныхъ еще болѣе утвердили его самодержавную власть и дали ему возможность доказать, что никакое злоумышленіе не можетъ укрыться отъ его проницательности. Но милуя знатныхъ преступниковъ, осуждаемыхъ законами, и осыпая ихъ новыми почестями, онъ тѣмъ самымъ заставлялъ ихъ не забывать, что они всѣмъ обязаны ему, и потому привязывалъ ихъ къ себѣ болѣе, чѣмъ когда нибудь.

*

Нѣкоторыя духовныя лица, (38) приверженныя къ старинному варварству, съ нетерпѣніемъ ждали воцаренія Алексѣя, въ которомъ надѣялись увидѣть возстановителя прежняго порядка вещей. Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ епископъ ростовскій Досиѳей. Онъ говорилъ, будто св. Димитрій повѣдалъ ему, что въ опредѣленное время царь умретъ и что отверженная супруга его Евдокія Ѳеодоровна оставитъ Покровскій Суздальскій монастырь, гдѣ ее постригли въ монахини съ именемъ Елены, снова явится на престолѣ и будетъ царствовать вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Евдокія, въ надеждѣ на непреложность этого предсказанія, снимаетъ съ себя монашеское одѣяніе, приказываетъ въ монастырѣ не поминать на торжественныхъ эктеніяхъ имени императрицы Екатерины и замѣняетъ его своимъ. Народъ видитъ ее въ царскомъ одѣяніи и со всѣми знаками царскаго величія; она грозитъ мщеніемъ Алексѣя всѣмъ, кто вздумалъ бы доносить о ея дѣйствіяхъ. Маремьяна, казначея монастыря, пытается представить ей всю опасность ея поведенія; но та отвѣчаетъ, что царь съумѣлъ же наказать стрѣльцовъ за оскорбленія, которыя потерпѣла отъ нихъ мать его, и что Алексѣй ужь вышелъ изъ пеленокъ. Около 1710 года въ Суздалѣ является Степанъ Глѣбовъ, и ему, занятому наборомъ рекрутъ, пришлось пробыть тамъ два года. При помощи наперсницы царицыной, монахини Капитолины, онъ нашелъ случай сблизиться съ Евдокіею, которая, желая въ лицѣ его пріобрѣсть новаго приверженца сыну, увлеклась къ нему чувствомъ ужь слишкомъ нѣжнымъ. Мало по малу въ монастырѣ и въ городѣ стали распространяться слухи о видѣніяхъ Досиѳея. Послѣдній осмѣлился даже употреблять во зло легковѣріе царевны Маріи Алексѣевны, сестры царя, и она присоединилась къ тѣмъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали смерти ея брата и замышляли произвести переворотъ. Между тѣмъ срокъ, назначенный епископомъ, проходитъ, а царь все здоровъ и продолжаетъ царствовать. Евдокія спрашиваетъ, когда же исполнится пророчество святаго? Досиѳей отвѣчаетъ ей, что исполненію препятствуютъ грѣхи отца ея Ѳедора Абрамовича Лопухина. Легковѣрная царица ежегодно тратитъ всѣ скопляемыя ею деньги на совершеніе безчисленнаго множества заупокойныхъ обѣденъ, а епископъ увѣряетъ ее, — одинъ разъ, что голова покойнаго уже вышла изъ чистилища, другой — что онъ вышелъ по поясъ, и на-

(38) «Этотъ и слѣдующій параграфы суть краткія извлеченія изъ очень рѣдкой рукописи (можетъ быть той самой, о которой говоритъ *Веберъ*, если меня не обманываетъ память, и которой онъ тщетно искалъ). Она содержитъ въ себѣ протоколы суздальскаго слѣдствія и копіи съ писемъ царицы и епископа. Оберъ-камергеръ Берхгольцъ, вывезшій ее изъ Россіи, согласился дать мнѣ ее на нѣсколько дней.» *Примѣч. составителя „Записокъ“*. Читатели припомнятъ, что печатаемыя нами Записки суть собственно извлеченія изъ бумагъ Бассевича, о которомъ потому не рѣдко и говорится въ третьемъ лицѣ.

конецъ, что ему остается только высвободить оттуда ноги.

Между тѣмъ какъ все это происходило, царь, начавъ розыскъ по дѣлу объ участникахъ въ бѣгствѣ и другихъ замыслахъ царевича Алексѣя, приказалъ произвести слѣдствіе и въ Суздалѣ. Тогда все открылось. Въ комнатахъ царевны Маріи Алексѣевны найдено было письмо Досиѳея весьма неприличнаго содержанія, а у Степана Глѣбова, арестованнаго въ Москвѣ, отобрано девять писемъ Евдокіи, написанныхъ совершенно во вкусѣ старинной московской нѣжности. Царица диктовала ихъ Капитолинѣ изъ опасенія быть узнанной, еслибъ съ посланнымъ случилась какая нибудь бѣда. Чтобъ показать народу, на сколько Екатерина была достойнѣе престола, чѣмъ эта слабая раба предразсудковъ и суевѣрія, царь повелѣлъ прочесть эти письма въ полномъ собраніи Сената вмѣстѣ съ признаніемъ Евдокіи, что они писаны отъ нея и что получавшій ихъ пользовался ея любовью. Нарушеніе обѣта монашества подвергало ее смертной казни. Но царь удовольствовался только переведеніемъ ея въ другой монастырь, а царевну Марію приказалъ заключить въ Шлюссельбургскую крѣпость ([39]).

*

Не мало труда стоило многимъ другимъ лицамъ, мечтавшимъ о возстановленіи старинныхъ обычаевъ подъ скипетромъ Алексѣя, отдѣлаться также счастливо. Этотъ роковой замыселъ былъ въ Россіи причиною множества казней. Чтобъ искоренить его навсегда, царь не щадилъ крови и разъ проколовши нарывъ, хотѣлъ не полумѣрами, а радикально излечить его. Алексѣй, не смотря на его высокое рожденіе, долженъ былъ подвергнуться суду по всей строгости законовъ, суду, составленному изъ 120 слишкомъ членовъ духовныхъ и свѣтскихъ, и выслушать страшный приговоръ, присуждавшій его къ смертной казни за злоумышленіе противъ своего отца и государя. Когда его привели обратно въ темницу, съ нимъ сдѣлались ужасныя судороги, отъ которыхъ онъ черезъ нѣсколько дней и умеръ. Нѣкоторые подозрѣвали, что царь ускорилъ его смерть посредствомъ яда, другіе говорили, что царевичъ умеръ отъ слишкомъ сильнаго кровопусканія, къ которому прибѣгли какъ бы для оказанія ему помощи ([40]). Но если все дѣло было только въ томъ, чтобъ безъ шума избавиться отъ него, то для чего весь этотъ правильный процессъ? И безъ такой обстановки, возмутительной и опасной, могли бы прибѣгнуть къ тайному убійству. Достовѣрно, впрочемъ, что царь не желалъ смерти царевича, а хотѣлъ только опозорить его смертнымъ приговоромъ и тѣмъ устранить отъ наслѣдованія престола, уже назначеннаго младшему царевичу Петру, который родился отъ обожаемой имъ супруги и въ которомъ онъ надѣялся увидѣть наслѣдника своего генія.

Замѣчательно (и это дѣлаетъ много чести императрицѣ Екатеринѣ), что въ продолженіе всего этого дѣла, столь щекотливаго, на нее не пало ни малѣйшаго подозрѣнія ни въ смерти несчастнаго Алексѣя, ни даже въ желаніи возстановлять противъ него отца. Впослѣдствіи царь говорилъ герцогу голштинскому, въ присутствіи его министра Бассевича, что она желала, чтобъ его величество удо-

---

([39]) Евдокія, какъ извѣстно, впослѣдствіи до самаго возшествія на престолъ Петра II содержалась также въ Шлюссельбургской крѣпости. Царевна же Марія Алексѣевна, кажется, находилась тамъ недолго, потому что скончалась въ 1723 году въ Петербургѣ. — Тутъ оканчивается эта вставка въ Записки Бассевича.

([40]) Царевичъ Алексѣй былъ обезглавленъ. См. Томъ III. моего „Магазина“, стр 224. *Примѣч. Бюшинга.* См. также предисловіе къ нашему Русскому переводу.

вольствовался постриженіемъ царевича въ монахи безъ объявленія ему смертнаго приговора, потому что пятно это отразилось бы и на его дѣтяхъ, одному изъ которыхъ, по видимому, предстояло поддержать современемъ славу россійскаго престола, такъ какъ слабое сложеніе Петра Петровича не обѣщало долговѣчной жизни. ([41])

Недавно какой-то безъименный историкъ возвѣстилъ, что вся Россія была убѣждена, будто Алексѣй умеръ отъ яда, приготовленнаго рукою его мачихи. Между тѣмъ люди, много лѣтъ прожившіе въ Россіи, никогда ничего не слыхали объ этомъ. Петра Великаго не щадили подозрѣніями въ отравленіи сына; слѣдовательно, если умалчивалось о томъ, о чемъ повѣствуетъ нашъ авторъ, то это, конечно, не изъ снисходительности къ Екатеринѣ, а скорѣе вслѣдствіе убѣжденія, что она неспособна была къ подобной жестокости. Если ради короны для своего семейства она не убоялась преступленія, то почему не избавилась также и отъ молодаго царевича ([42]), котораго на виду всѣхъ воспитывала съ такимъ тщаніемъ и съ такою любовью, и котораго готовила себѣ въ наслѣдники? Да и осмѣлилась ли бы она отравить Алексѣя противъ воли царя и, такъ сказать, передъ его глазами? Нашъ историкъ увѣряетъ, что никто никогда не умиралъ отъ страха послѣ выслушанія смертнаго себѣ приговора. Можетъ быть; но несомнѣнно и то, что многіе умирали внезапно пораженные апоплексическими конвульсіями. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего невѣроятнаго, если и царевичъ Алексѣй, хотя и русскій ([43]), былъ пораженъ ими именно въ день объявленія ему смертнаго приговора, а не въ другой какой нибудь; даже такія конвульсіи скорѣе могли случиться въ этотъ день, потому что извѣстіе о присужденіи къ смерти должно было подѣйствовать съ особенною силою на организмъ царевича, ослабленный развратною жизнью и несчастіемъ.

Ходъ всего этого процесса, столь необыкновеннаго, не помѣшалъ царю слѣдить съ полнымъ вниманіемъ за его союзнымъ трактатомъ съ Карломъ XII. Въ маѣ 1718 года конференціи открылись на островѣ Аландѣ между тайнымъ совѣтникомъ Остерманомъ и барономъ Гёрцомъ, которымъ помогали, — первому — графъ Брюсъ, послѣднему — графъ Гиллембургъ. Карлъ любилъ свою старшую сестру особенно и былъ сердечно привязанъ къ ея супругу; Гёрцъ, не получавшій еще увольненія отъ герцога голштинскаго, былъ покамѣстъ въ его службѣ. Не смотря на все это, на конференціяхъ уполномоченные едва касались вопроса о возстановленіи правъ герцога голштинскаго, а о другихъ его интересахъ даже вовсе и не упоминами. За то тѣмъ съ бо́льшимъ жаромъ шла рѣчь о возвращеніи короля Станислава ([44]), и чтобы привлечь на его сторону Россію, царю предложена была Мекленбургія: герцогъ Карлъ-Леопольдъ долженъ былъ получить въ замѣнъ ея Курляндію или часть герцогской Пруссіи ([45]); изъ нея выдѣлялся участокъ и Фридриху Вильгельму, если онъ приступитъ къ союзу, въ вознагражденіе за Штеттинъ, съ которымъ Карлъ не хотѣлъ разстаться. Для Станислава было бы весьма выгодно возвратиться на потерянный престолъ при помощи этихъ раздѣловъ, а Георга ([46]) заставили бы тѣмъ такъ заботиться о

([41]) Не слѣдуетъ забывать, что Бассевичъ — другъ Меншикова и Екатерины.

([42]) Впослѣдствіи Петра II-го.

([43]) Любопытная черта, показывающая, до какой закоренѣлости простиралось предъубѣжденіе иностранцевъ противъ русскихъ! П. Б.

([44]) Лещинскаго.

([45]) Нынѣшней провинціи Прусской (Provinz Preussen).

([46]) Короля Англійскаго и курфюрста Ганноверскаго.

цѣлости его владѣній, что онъ охотно купилъ бы свою безопасность уступкой Бремена и Вердена. Швеція вознаградила бы себя въ Норвегіи за земли, уступленныя ею Россіи, и когда такимъ образомъ всякому будетъ назначена его доля, тогда заключить миръ.

Петръ Алексѣевичъ, слишкомъ осторожный, чтобъ увлечься такими предположеніями, сопряженными съ множествомъ затрудненій, не спѣшилъ заключеніемъ трактата. Онъ сдѣлалъ удовольствіе Карлу, освободивъ фельдмаршала графа Реншильда, бывшаго въ плѣну съ полтавскаго сраженія, а Карлъ, съ своей стороны, возвратилъ ему въ обмѣнъ двухъ его генераловъ, князя Трубецкаго и графа Головина (47). Прежніе союзники его начали громко и оскорбительно обнаруживать свои подозрѣнія на счетъ его добросовѣстности; онъ отвѣчалъ съ умѣренностью и предоставилъ имъ накоплять оскорбленія, которыя впослѣдствіи могли дать ему право на отмщеніе.

Столько великихъ замысловъ, встревожившихъ столько кабинетовъ и державшихъ столько армій въ выжидательномъ положеніи, было внезапно уничтожено пушечнымъ ядромъ, пущеннымъ на удачу изъ-за стѣнъ Фридрихсгалла. Оно поразило Карла XII въ ту минуту, когда онъ осматривалъ осадныя работы. Адъютантъ его Сикье, преданный принцу гессенскому, предложилъ тѣмъ, которые первые узнали объ этомъ несчастіи, не разглашать о немъ. Онъ взялъ шляпу короля, на котораго надѣлъ свою вмѣстѣ съ своимъ парикомъ, и отправился съ печальнымъ извѣстіемъ къ принцу. Принцъ тотчасъ же отослалъ его къ своей супругѣ, которая шляпу героя оставила у себя, а доставившаго ее щедро одарила. Справедливость, конечно, требовала, чтобы преданность его была вознаграждена; между тѣмъ клевета не замедлила распространить слухъ, что Сикье поставилъ себѣ въ обязанность убить короля для предупрежденія намѣренія его утвердить корону за герцогомъ голштинскимъ, и что представилъ шляпу какъ доказательство своей удачи. Толпа, всегда злая и легковѣрная, долго вѣрила этому черному обвиненію, не показывая притомъ ни малѣйшей ненависти ни къ принцессѣ, ни къ Сикье:—до такой степени тяжелый деспотизмъ Карла помрачалъ блескъ его героизма!

Герцогъ былъ въ лагерѣ. Въ продолженіе всей этой тяжелой кампаніи король, чтобъ пріучить его къ войнѣ, держалъ его постоянно при себѣ. Узнавъ о смерти дяди, молодой этотъ принцъ, убитый горестью, заперся въ своей палаткѣ. Напрасно тѣ изъ генераловъ, которые были преданы ему, старались добиться возможности говорить съ нимъ. Дюкеръ умолялъ фаворита его Рёнсдорфа уговорить принца явиться передъ арміею, и увѣрялъ, что заставитъ немедленно провозгласить его королемъ. Ренсдорфъ входилъ къ своему государю, но вышелъ отъ него съ отвѣтомъ, что онъ неутѣшенъ и не можетъ ни съ кѣмъ говорить. „Въ такомъ случаѣ“, сказалъ Дюкеръ, „пусть будетъ, что будетъ“. Льстецы, которые всегда обманываютъ государей и ихъ любимцевъ, увѣрили Карла-Фридриха и Рёнсдорфа, что шведскій народъ обожаетъ потомка Густавовъ, рожденнаго и воспитаннаго среди его. Въ этой увѣренности, неопытный принцъ не предпринималъ ничего, думая, что гораздо болѣе возьметъ горестью о потерѣ героя, чѣмъ желаніемъ скорѣе завладѣть его престоломъ. Такое промедленіе было спасеніемъ для шведской свободы. Иначе какъ осмѣлилась бы она поднять голову противъ монархической власти, въ виду

(47) Князя Ивана Юрьевича Трубецкаго (отца извѣстнаго Ивана Ивановича Бецкаго) и Автонома Михайловича Головина, а не графа Головина.

короля, провозглашеннаго арміею и уже вступившаго во всѣ права своего предшественника?

Гёрцъ, по приказанію сенаторовъ, былъ арестованъ на пути съ Аландскихъ острововъ къ осаждаемому Фридрихсгаллу, куда ѣхалъ для совѣщанія съ королемъ, ничего не зная о его смерти. Не успѣла вѣсть объ этомъ арестованіи распространиться по сю сторону Балтійскаго моря, какъ Бассевичъ уже отплылъ въ Стокгольмъ. Онъ былъ принятъ тамъ со всевозможною предупредительностью. При его появленіи прежняя нѣжность къ нему пробудилась опять въ герцогѣ, который принялъ его въ свою службу, а народъ, жаждавшій уликъ противъ Гёрца и желавшій его казни, напередъ началъ разсчитывать на поддержку, которой ждала его ненависть отъ обвиненій врага. Но ожиданія эти были напрасны. Слѣдственная коммиссія вотще убѣждала Бассевича свидѣтельствовать противъ его гонителя. Онъ отозвался, что, по причинѣ ихъ вражды и несчастія Гёрца, показанія его, Бассевича, были бы подозрительны и вовсе не великодушны, а потому ограничился только опроверженіемъ того, что́ непримиримая ненависть или, можетъ быть, необходимость при оправдываніи самаго себя заставляли Гёрца говорить противъ него. По мнѣнію Бассевича, этотъ политикъ безъ убѣжденій заслуживалъ смерти въ Голштиніи, а не въ Швеціи, гдѣ, для поправленія дѣлъ, онъ вступилъ на истинный путь, начавъ переговоры съ царемъ. Когда Гёрцъ проходилъ на эшафотъ мимо дома, занимаемаго Бассевичемъ, послѣдній ушелъ въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ, чтобы не слышать насмѣшекъ, которыми чернь преслѣдовала несчастнаго барона, и запретилъ своимъ людямъ идти смотрѣть на казнь.

Такъ какъ изъ бумагъ, отобранныхъ у Гёрца при его арестованіи, недостаточно выяснились его сношенія съ царемъ, то сенатъ хотѣлъ захватить и юстицін-совѣтника Штамке, состоявшаго секретаремъ при Гёрцѣ и оставленнаго послѣднимъ на островѣ Аландѣ. Но Штамке, узнавъ объ этомъ, перешелъ на русскую территорію и обратился къ царю съ просьбою о принятіи его подъ свое покровительство. Монархъ не хотѣлъ потомъ выдать его на томъ основаніи, что онъ состоялъ на службѣ Голштиніи, а не Швеціи. Сенатъ, съ своей стороны, не захотѣлъ въ этомъ дѣлѣ прибѣгать къ посредничеству герцога, и Штамке такимъ образомъ спасъ свою свободу, сдѣлавшись впослѣдствіи орудіемъ первыхъ непосредственныхъ сношеній между герцогомъ голштинскимъ и его покровителемъ.

Шведы надѣялись наслаждаться плодами своей независимости лишь по мѣрѣ удаленія отъ пути, начертаннаго ихъ деспотическимъ государемъ. Если онъ предпочелъ сойдтись съ царемъ, съ исключеніемъ другихъ своихъ непріятелей, то они теперь рѣшились примириться со всѣми, за исключеніемъ одного царя и оставили безъ вниманія аландскіе переговоры, приходившіе уже почти къ концу, чтобы начать со всѣхъ сторонъ новые. Бассевичъ, изустно и письменно, представлялъ сенаторамъ и лицамъ наиболѣе вліятельнымъ, что такъ какъ о возстановленіи Станислава не было болѣе рѣчи, то союзъ съ Россіею не могъ уже встрѣтить никакихъ затрудненій, и что Польша и Пруссія сами собою не замедлили бы приступить къ нему; что у царя, сдѣлавшагося слишкомъ могущественнымъ, никогда не отнимутъ завоеванныхъ имъ земель; но что при помощи союза съ нимъ можно бы было избѣжать необходимости жертвовать германскими провинціями; что шведская свобода нашла бы въ немъ вѣрнаго союзника, тѣмъ болѣе, что для него столько же выгодно поддерживать ее, сколько для другихъ державъ стараться подчинить Швецію игу государя

самовластнаго, болѣе способнаго, при помощи своей неограниченной власти, противустоять страшному московскому могуществу, возрастаніе котораго ихъ такъ безпокоитъ. Но всѣ эти основательные доводы не могли пересилить всеобщаго, повальнаго стремленія отрѣшиться вполнѣ отъ прошедшаго царствованія, и къ союзу съ Франціею и Англіею приступлено было тѣмъ съ бо́льшею еще поспѣшностію, что опасались, чтобъ царь, въ союзѣ съ Швеціею, не употребилъ своего вліянія для возведенія на престолъ шведскій герцога голштинскаго. Молодаго принца этого считали проникнутымъ любовію къ деспотизму; наслѣдственное право его на корону шведскую казалось опаснымъ для свободы, а онъ, не смотря на всю свою проницательность, избалованный въ дѣтствѣ старою королевою Гедвигою Элеонорою и потомъ разными темными фаворитами, не умѣлъ снискать той популярности, которою принцъ и принцесса гессенскіе привязывали къ себѣ сердца.

Препятствія, затруднявшія ему путь къ престолу, увеличивались со дня на день, и Бассевичъ, боясь, чтобъ герцога навсегда не удалили отъ короны, предложилъ ему присоединиться къ партіи принцессы, съ тѣмъ, чтобъ она объявлена была королевою, а онъ ея наслѣдникомъ. Неувѣренная еще насчетъ своей собственной участи и чувствуя свойственное государямъ нерасположеніе къ ограниченію ихъ власти, принцесса была не прочь отъ такой комбинаціи, которая бы поставила ея права внѣ зависимости отъ рѣшенія государственныхъ сословій. Но другіе министры герцога, Банніеръ и Фрицъ, полагали, что онъ вовсе еще не въ такой крайности, чтобъ отказываться отъ притязаній, на которыя имѣлъ законное право. Нѣкоторые изъ приверженцевъ свободы съ умысломъ поддерживали ихъ мнѣніе, чтобы только воспрепятствовать соединенію, которое грозило опасностью новой формѣ правленія. Тогда принцесса, поставленная въ необходимость на что нибудь рѣшиться, отдала свои права на судъ націи, была единодушно избрана и согласилась на всѣ условія; послѣ чего 4-го марта 1719 года государственныя сословія присягнули ей, а 28-го числа того же мѣсяца совершилось ея коронованіе. Она принесла съ собою на престолъ непримиримую ненависть къ своему племяннику. Съ самаго ранняго дѣтства онъ внушилъ ей отвращеніе къ себѣ за шалости, которыми осмѣливался досаждать ей и за которыя вдовствующая королева ([29]), въ восторгѣ отъ игривости его ума, вовсе не думала его наказывать. Его первенство при дворѣ передъ принцемъ гессенскимъ, до возведенія послѣдняго покойнымъ королемъ въ генералиссимусы, еще болѣе увеличивало ея непріязнь, дошедшую наконецъ до послѣднихъ предѣловъ вслѣдствіе тѣхъ сопротивленій герцога, которыя принудили ее пожертвовать верховными правами своего дома.

Узнавъ объ избраніи королевы, царь поспѣшилъ, черезъ посредство Штамке, крѣпко увѣрить герцога, что приметъ его сторону, если онъ согласится пріѣхать въ Петербургъ. Имѣть въ своихъ рукахъ наслѣдника Карла XII — казалось ему самымъ дѣйствительнымъ средствомъ устрашать Швецію и принудить ее къ заключенію такого мира и къ согласію на такія уступки, какія онъ только пожелаетъ. Бассевичъ былъ того же мнѣнія и сообщалъ по секрету о тайныхъ предложеніяхъ царя всѣмъ желавшимъ знать о нихъ, въ надеждѣ, что для отклоненія государя его отъ принятія ихъ, за нимъ утвердятъ по-крайней-мѣрѣ несомнѣнное право наслѣдованія королевѣ и не откажутъ ему въ сильномъ вспомоществованіи для воз-

---

([29]) Эдвига Элеонора.

вращенія его наслѣдственныхъ владѣній. Но свобода усилила самоувѣренность Шведовъ, — они уже болѣе не боялись царя, а идолъ всей націи, графъ Арведъ Горнъ, знавшій и руководившій герцога съ самаго ранняго его дѣтства, показывалъ видъ, что нехотя жертвуетъ своею къ нему дружбою долгу патріота, и потихоньку говорилъ своимъ друзьямъ, что Карлъ-Фридрихъ на престолѣ былъ бы вторымъ Эрикомъ XIV ([50]) Слова эти скоро стали повторяться толпою, которая вѣрила имъ; но люди болѣе здравомыслящіе заподозрили Горна въ желаніи очернить законнаго наслѣдника Вазы и тѣмъ облегчить себѣ путь къ коронѣ, которую хотѣлъ утвердить за своимъ родомъ. Королева съ удовольствіемъ видѣла, что всѣ оставляли герцога; она назначала скипетръ своему супругу. Дворъ и сенатъ пренебрегали Карломъ-Фридрихомъ. Его заставляли терпѣть нужду во всемъ, не выдавали слѣдовавшей ему доли изъ доходовъ съ аллодіальныхъ имѣній королевскаго дома, не исполняли условій, заключенныхъ съ голштинскими полками, бывшими на жалованьи у Швеціи. Королева склонила герцога признать ее, обѣщавъ ему, черезъ Арведа Горна, титулъ королевскаго высочества, дарованный еще покойнымъ королемъ отцу его; но не сдержала слова, отказалась отъ своего обѣщанія и украсила этимъ титуломъ принца гессенскаго. Столько оскорбленій не могъ вынести племянникъ Карла XII. Кромѣ того, онъ былъ склоненъ къ подозрительности (а управлявшій имъ Рёнсдорфъ, человѣкъ боязливый, указывалъ ему на опасности, будто-бы угрожавшія его особѣ), и потому рѣшился оставить Швецію. Его министры представляли ему единодушно, что необходимо выждать окончанія переговоровъ, начатыхъ черезъ посредство Франціи съ Англіею и Даніею, и что онъ долженъ продолжать тревожить королеву своимъ присутствіемъ, чтобъ заставить ее честно раздѣлаться съ нимъ, а именно доставить ему или его владѣнія, или приличное за нихъ вознагражденіе, и назначить достаточную пенсію на содержаніе его двора. Но медлительность пугала Рёнсдорфа, и герцогъ остался при своемъ намѣреніи. Онъ объявилъ, что уѣзжаетъ. Обрадовавшись случаю отдѣлаться отъ него, королева немедленно повелѣла снарядить небольшую эскадру, на которой предоставляла ему переправиться куда угодно. Оберъ-церемоніймейстеръ Функъ сопровождалъ его и по порученію сената платилъ за всѣ путевыя издержки до самаго прибытія ихъ въ Германію. Герцогъ вышелъ на берегъ въ Ростокѣ 4-го іюня. Изъ его министровъ послѣдовалъ за нимъ только Бассевичъ; оба другіе, какъ шведы ([51]), просили, для заботы о его же интересахъ, оставить ихъ въ Стокгольмѣ; но въ сущности они только искали этимъ путемъ уклониться отъ тяжелой обязанности поддерживать въ иностранныхъ земляхъ достоинство государя безъ владѣній, безъ денегъ, безъ союзниковъ, и имѣть постоянно дѣло съ фаворитомъ, усерднымъ, но не далекимъ и робкимъ, какимъ былъ Рёнсдорфъ. Отдохнувъ, послѣ морскаго путешествія, нѣсколько дней въ Дальвицѣ, замкѣ, принадлежащемъ каммергеру Бассевичу, брату его министра, молодой герцогъ отправился покамѣстъ въ Гамбургъ, гдѣ онъ могъ быть вблизи отъ своего семейства ([52]),

([50]) Эрихъ XIV, король Шведскій († 1577) знаменитый деспотъ.

([51]) Вышеупомянутые Банніеръ и Фрицъ

([52]) Собственно говоря, семейства у Карла Фридриха не было, такъ какъ онъ былъ круглымъ сиротою, не имѣлъ ни братьевъ, ни сестеръ. Но у дяди его, епископа-регента, Христіана Августа, было нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ коихъ одинъ сынъ Фридрихъ-Адольфъ впослѣдствіи возведенъ былъ имп. Елизаветою Петровною на

своихъ владѣній и отъ тѣхъ дворовъ, съ которыми ему предстояло вести переговоры относительно возстановленія его наслѣдственныхъ правъ па эти владѣнія. Тамъ онъ принялъ титулъ королевскаго высочества, который имѣлъ еще отецъ его, и о которомъ бо́льшая часть сосѣднихъ державъ не спорила, не смотря на возраженія Швеціи, Даніи и даже Англіи (53).

Между тѣмъ какъ внукъ Карла XI добровольно покидалъ королевство своихъ предковъ, великій царь горько оплакивалъ потерю своего сына Петра Петровича, котораго назначалъ себѣ въ наслѣдники; но, оставаясь вѣрнымъ обширнымъ планамъ для упроченія величія и славы Россіи, онъ въ то же время изгонялъ изъ своихъ владѣній іезуитовъ, заподозрѣнныхъ въ хитрыхъ проискахъ, клонившихся къ водворенію духовной власти (супрематіи) папы въ замѣнъ власти московскаго патріарха, уничтоженной уже много лѣтъ передъ тѣмъ. Князь Куракинъ, во время своего посольства въ Римъ въ 1707 году, намекнулъ на возможность такой попытки, но это только для того, чтобы отклонить Климента отъ признанія Станислава (Лещинскаго) королемъ польскимъ. Петръ Алексѣевичъ не хотѣлъ признавать главою своей церкви никого кромѣ самого себя. Отважиться на такое предпріятіе и съумѣть привести его въ исполненіе было конечно дѣломъ весьма не легкимъ и требовавшимъ большой смѣлости. Почести, оказываемыя въ прежнія времена патріарху, доходили почти до обожанія. Ежегодно, въ память вшествія Мессіи въ Іерусалимъ, онъ въ сопровожденіи всего духовенства торжественно проѣзжалъ по улицамъ Москвы на богато убранной лошади, смиренно ведомой самимъ царемъ, который передъ тѣмъ держалъ и стремя, когда патріархъ садился на нее.

Русскіе, еще грубые, способны были поддаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ гораздо болѣе, чѣмъ вліянію разсудка. Зная это, царь старался дѣлать смѣшнымъ то, къ чему хотѣлъ ослабить привязанность и уваженіе. По кончинѣ послѣдняго патріарха, онъ создалъ потѣшнаго патріарха который, по вторникамъ на первой недѣли поста, обязанъ былъ съ своею свитою разъѣзжать, въ шутовской процессіи, верхомъ на волахъ и ослахъ, или сидя въ саняхъ, запряженныхъ медвѣдями, свиньями и козла̀ми, нарочно для того приспособленными. Патріарху этому онъ придалъ титулъ князя-папы и назначилъ штатъ изъ двѣнадцати пьяницъ-дворянъ, которыхъ называли кардиналами. Эта новая коллегія получила особый забавный статутъ, гдѣ прежде всего требовалось, чтобы никто изъ ея членовъ не ложился спать не напившись пьянымъ. Такимъ образомъ эксцентричность поведенія князя папы и всей его обстановки, выставляемая при всякаго рода празднествахъ на показъ народу, доставляя послѣднему случай позабавиться, пріучала его вмѣстѣ съ тѣмъ и соединять съ презрѣніемъ къ грязному разгулу презрѣніе къ предразсудкамъ. Чтобы не пострадали достоинство и священныя права религіи, царь не ограничился тѣмъ, что провозгласилъ себя верховнымъ главою церкви

Шведскій престолъ, а дочь, Анна-Елизавета была матерью Екатерины II. Такимъ образомъ отецъ Петра III и мать Екатерины II были между собою двоюродными. Мы надѣемся со временемъ изложить точнѣе родство и первоначальныя судьбы великой государыни. *П. Б.*

(53) „Я чувствую, что въ настоящихъ Запискахъ слишкомъ много говорится о герцогѣ голштинскомъ; но подробности эти бросаютъ новый свѣтъ на глубокую политику царя, который такъ искусно воспользовался надеждами, притязаніями и бѣдствіями этого молодаго принца для подготовки себѣ славнаго мира съ Швеціею, подписаннаго въ Ништатѣ; — мира, могущаго показаться изумительнымъ всякому, кому неизвѣстно, какое вліяніе имѣло на заключеніе его пребываніе герцога въ Петербургѣ“. *Примѣч. составителя „Записокъ“*.

и въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполнялъ обязанности, сопряженныя съ этимъ саномъ: онъ уважалъ и обряды своего вѣроисповѣданія. Такъ напр. онъ обыкновенно становился передъ олтаремъ, съ непокрытою головою, въ ряды пѣвчихъ; даже часто обладая сильнымъ голосомъ и вѣрнымъ слухомъ, самъ принималъ на себя управленіе ихъ хоромъ. Распоряженіе, сдѣланное имъ въ то же время о переводѣ Библіи на русскій языкъ, окончательно убѣдило, что онъ никогда не думалъ касаться самой религіи, а имѣлъ въ виду только чрезмѣрность богатства и власти духовенства, которое злоупотребляло какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ оказывалъ даже нѣчто въ родѣ уваженія къ духовной юрисдикціи. Такъ, по его указу, приговоръ надъ епископомъ Досифеемъ состоялся тогда только, когда Синодъ лишилъ его духовнаго сана и отдалъ въ руки свѣтскаго правосудія подъ именемъ Демида.

Такъ какъ миръ съ Швеціею долженъ былъ опредѣлить форму и значеніе русской монархіи въ Европѣ, то царь съ удвоенными усиліями приступилъ къ вооруженіямъ и переговорамъ, чтобы какимъ-бы то ни было образомъ добиться такого именно мира, какого онъ желалъ. Онъ постоянно, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ этомъ государствѣ. Между тѣмъ какъ Лефортъ ([54]) отправлялся въ Стокгольмъ для поздравленія королевы съ восшествіемъ на престолъ, къ герцогу, ея племяннику, послано письмо, которое дошло до него въ Ростокѣ и заключало въ себѣ самое лестное приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ могъ бы найти поддержку и всѣ необходимыя удобства до тѣхъ поръ, пока Небо не воздастъ должнаго ему по правамъ его высокаго рожденія. Всѣ знали уже, что царь думалъ нанести окончательный ударъ Швеціи. Герцогъ боялся, чтобъ его интересы не послужили предлогомъ для готовившихся военныхъ дѣйствій и чтобъ его не заставили идти противъ отечества, которое онъ все-таки любилъ, не смотря на свои неудовольствія. Епископъ, его дядя, выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Бойценбургъ (по дорогѣ въ Гамбургъ) и умолялъ его не ѣздить въ Россію, страну варварскую неуважающую иностранцевъ, гдѣ однажды постигла уже плачевная участь одного изъ принцевъ Голштинскихъ ([55]). Однакожь предложенія царя могли со временемъ имѣть большую цѣну. Потому герцогъ, по тщательномъ совѣщаніи съ своимъ министромъ, отвѣчалъ его царскому величеству, «что чувствительный къ его милостямъ, онъ принимаетъ съ благодарностію предложеніе его высокаго покровительства и не преминетъ со временемъ лично явиться для выраженія своей признательности у подножія царскаго престола; но что, въ качествѣ имперскаго князя, ему необходимо предварительно испросить согласіе на то главы Имперіи и обратиться къ округу (нижне-саксонскому) за помощью для возвращенія своихъ наслѣдственныхъ земель». Штамке получилъ приказаніе хлопотать о положительной декларации касательно того, что сдѣлаетъ царь для его королевскаго высочества, если послѣдній отдастъ свою участь въ его руки; но не могъ добиться ничего, кромѣ неопредѣленныхъ увѣреній въ томъ, что царь дружески и отечески будетъ заботиться объ интересахъ герцога. Благоразумный монархъ не хотѣлъ связывать себѣ руки, чтобы имѣть возможность дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Шведскій генералъ Койетъ осмѣлился

([54]) Генералъ-маіоръ Петръ Лефортъ, племянникъ знаменитаго Франца Яковлевича.

([55]) При Борисѣ Годуновѣ (?).

провести тайнаго совѣтника Остермана съ Аланда въ Стокгольмъ, не имѣвъ на то ни повелѣнія, ни согласія королевы. Министру этому поручено было предложить условія мира, далеко не столь тяжелыя, какъ тѣ, которыя сдѣланы были Швеціи черезъ два года послѣ того. Они не были приняты, и Койетъ за свою смѣлость навлекъ на себя ненависть двора, отъ которой впослѣдствіи претерпѣлъ много непріятностей. Тогда царь увидѣлъ, что осталось только одно средство — навести ужасъ на Сенатъ, и выступилъ въ море съ флотомъ, состоявшимъ изъ тридцати военныхъ кораблей, между тѣмъ какъ его великій адмиралъ Апраксинъ употребилъ 130 галеръ и 100 транспортныхъ судовъ для ужасной высадки, причинившей ущерба болѣе чѣмъ на двѣнадцать милліоновъ талеровъ. Объятые ужасомъ, Шведы уже готовы были купить миръ уступкою Эстоніи и Ингріи съ Ревелемъ и Нарвою; но въ это время сильная англійская эскарда подъ предводительствомъ адмирала Норриса явилась въ Балтійскомъ морѣ, и царь, не желая вступать въ борьбу съ учителями морскаго дѣла и рисковать славою своихъ едва установившихся морскихъ силъ, отдалъ приказаніе своему флоту возвратиться въ гавани.

Жестокости, какими сопровождалась эта высадка, страшно раздражили Шведовъ противъ царя и послужили къ тому, что аландскіе переговоры были совершенно прерваны. Министры и друзья герцога въ Швеціи начали представлять ему, что если онъ не хочетъ навсегда возбудить къ себѣ ненависть и самъ отдать корону принцу гессенскому, онъ долженъ избѣгать всякаго общенія съ Россіею и привязаться къ Англіи, соединеніе которой съ императоромъ и съ Франціею называлось въ то время великимъ союзомъ (la grande alliance). Истинный шведъ сердцемъ и душою, герцогъ поэтому немедленно отозвалъ Штамке изъ С.-Петербурга и рѣшился ѣхать въ Вѣну.

1720. Когда онъ остановился на нѣсколько времени въ Ганноверѣ, гдѣ находился тогда король Георгъ, министерство курфирста совѣтовало ему возобновить въ Стокгольмѣ свои дѣйствія относительно престолонаслѣдованія, дабы его британское величество могъ поддержать ихъ и поставить послѣднее въ число условій мира. Но далеко не допуская объ этомъ никакой рѣчи, шведскій дворъ ставилъ еще въ преступленіе герцогу, что онъ принялъ титулъ королевскаго высочества безъ согласія Швеціи, и въ то же время, убаюкивая его надеждою вознагражденія за потерю дружбы царя, а именно увѣреніемъ не заключать никакого мира безъ возвращенія ему правъ на его герцогскія земли, подписалъ предварительныя условія съ Англіею и Пруссіею, гдѣ ни однимъ словомъ не было упомянуто о его лицѣ, а въ Копенгагенѣ только ради приличія заявилъ холодное представительство за племянника королевы.

Надобно было прикрыть какъ нибудь столько жестокостей, и потому умышленно постарались распустить ложный слухъ о какихъ-то тайныхъ, вредныхъ для Швеціи сношеніяхъ между царемъ и герцогомъ. Виновникомъ ихъ называли Бассевича, имѣя въ виду лишить его уваженія націи и ослабить вліяніе тѣхъ внушеній, которыя онъ могъ дѣлать на предстоявшемъ сеймѣ. Министръ этотъ уговорилъ своего государя назначить бригадира Ранцау въ качествѣ чрезвычайнаго посланника при королевѣ и государственныхъ сословіяхъ Швеціи. Ему преимущественно вмѣнялось въ обязанность стараться изгладить столько невыгодныхъ для герцога впечатлѣній; но не успѣлъ онъ явиться, какъ королева приказала объявить ему, чтобъ онъ передалъ присланныя на ея имя депеши сенатору Кронгіельму, а съ остальными въ 24 ча-

са выѣхалъ изъ ея владѣній. Сенаторъ, расположенный къ герцогу, оказываетъ кое какія вѣжливости посланнику; ему запрещаютъ входъ въ сенатъ и канцелярію впредь до повелѣнія. Рапцау, чтобъ умилостивить королеву, изъявляетъ готовность титуловать своего государя такъ, какъ ей угодно будетъ предписать ему, и не говорить ни слова о наслѣдованіи престола; тѣмъ не менѣе приказъ о его отъѣздѣ возобновляется. Такое нарушеніе правъ публичнаго сана встревоживаетъ иностранныхъ министровъ; но имъ говорятъ, что все это дѣло ничто иное какъ домашняя размолвка между королевою и ея племянникомъ, и въ то же время во всѣ портовые города королевства посылаются секретныя предписанія не впускать туда никакихъ эмиссаровъ герцога голштинскаго, который будто бы только и ищетъ какъ бы производить смятенія во время сейма.

Имѣя такимъ образомъ возможность дать полную свободу своему враждебному чувству, королева путемъ частныхъ переговоровъ поручила передать лорду Картерету (56), что для уступки Бремена и Вердена необходимо отказаться отъ интересовъ ея ненавистнаго племянника. Англичанамъ и Датчанамъ только это и было нужно. Правда, великодушіе короля Георга и доброе расположеніе Ганноверцевъ противились нѣсколько времени такому предложенію; но скоро политическія соображенія взяли верхъ надъ справедливостью и чувствомъ. Великобританія гарантировала Даніи Шлезвигъ въ 1715 году, и цѣною этаго были Бременъ и Верденъ. Датчане, задѣтые за живое, могли возвратиться къ дружбѣ страшнаго царя, которому Лондонъ хотѣлъ воспретить всякое господство на Балтійскомъ морѣ, дабы тѣмъ вѣрнѣе присвоить его себѣ. Такимъ образомъ Англія, въ соединеніи съ Франціею, сдѣлалась посредницею мирнаго договора между Швеціею и Даніею, всѣ выгоды котораго были на стороны послѣдней.

Наслѣдникъ Вазы отправился къ королю прусскому. Министерство ганноверское долго отклоняло его отъ этого, подозрѣвая, что король все еще питаетъ нѣкоторое тайное расположеніе къ царю. Встрѣтивъ здѣсь герцога съ необыкновенными почестями и нѣжностію, его склонили къ принятію плана соглашенія, по которому принцъ гессенскій (57) долженствовалъ короноваться королемъ, а онъ, герцогъ, назначиться его наслѣдникомъ. Лордъ Картеретъ получилъ приказаніе отъ своего двора стараться склонить и принца въ пользу такого предположенія, представляя ему, что это было бы единственнымъ средствомъ добиться отъ герцога формальнаго отреченія отъ Шлезвига, возвести принца безъ неудовольствій на престолъ и расширить слишкомъ стѣсненную новыми законами королевскую власть, дабы Швеція могла съ успѣхомъ содѣйствовать къ ослабленію царя и оградить себя отъ неудобствъ въ случаяхъ, требующихъ тайны или быстроты дѣйствія. Предложеніе значительной суммы денегъ было присоединено къ этимъ доводамъ. Но герцогъ не поддался имъ, желая сохранить надежду передать скипетръ своимъ наслѣдникамъ.

Въ Вѣнѣ герцогъ былъ принятъ какъ королевскій принцъ. Императоръ взялъ его сторону и какъ глава Имперіи, и какъ охранитель мира Травендальскаго. Онъ отправилъ декретъ объ увѣщаніи къ королю датскому относительно возстановленія Голштиніи и декретъ объ экзекуціи къ деректорамъ нижне-саксонскаго округа.

Англійское министерство отправило въ Вѣну лорда Кадогана для склоненія

(56) Англійскому посланнику въ Стокгольмѣ.

(57) Супругъ королевы шведской.

его къ отмѣнѣ экзекуціи и къ принятію гарантіи Шлезвига въ пользу Даніи. Но далеко не соглашаясь на это, императоръ принялъ протестацію герцога противъ уступки и инвеституры, въ ущербъ ему, шведскихъ провинцій въ Германіи. Принцъ этотъ называлъ себя въ ней наслѣдникомъ королевы Христины, въ пользу которой, а равно и наслѣдниковъ ея, они уступлены были по Вестфальскому миру столько же, сколько и въ пользу короны Шведской. Такимъ образомъ Кадоганъ не имѣлъ успѣха; но въ замѣнъ того лорду Стенгопу въ Парижѣ удалось добиться отъ регента обѣщанія приступить къ жестокой гарантіи.

Сеймъ въ Стокгольмѣ былъ изъ самыхъ бурныхъ. Королева, поддерживаемая англійскою партіею и французскимъ резидентомъ г. Кампредономъ, требовала передачи короны своему супругу; сторонники дома готторпскаго хлопотали, чтобы требованіе это прошло не иначе какъ подъ условіемъ обезпеченія права наслѣдованія законному наслѣднику; а ревнители свободы отвергали и передачу и наслѣдованіе. По ихъ мнѣнію, королева должна была царствовать, потому что ее избрали; а послѣ ея смерти, говорили они, пусть будетъ избранъ тотъ, кого признаютъ способнымъ сдѣлать отечество счастливымъ. Среди этихъ несогласій королева узнала изъ письма отъ своего племянника, что царь предлагаетъ ратификацію штеттинскаго договора, заключеннаго княземъ Меньщиковымъ въ 1713 году и требующаго гарантіи въ возстановленіи Шлезвига. Герцогъ присовокуплялъ, что ему было бы пріятно быть обязаннымъ за эти выгоды только милостямъ королевы и доброму расположенію шведской націи, но что если и та и другая, при переговорахъ съ Даніею, забудутъ объ его интересахъ, онъ, не будучи въ состояніи жить лишенный своихъ владѣній, найдется вынужденнымъ прибѣгнуть къ помощи упомянутой гарантіи. Королева смягчилась и спѣшила увѣрить его, что съ Даніею не будетъ заключено мира безъ признанія его возстановленія.

Принцу гессенскому, стремившемуся къ пріобрѣтенію короны, хотѣлось расположить въ свою пользу царя. Вдовствующая герцогиня мекленбургская, его сестра, очень уважаемая семействомъ ея супруга, сильно старалась употребить для этого вліяніе правительствующаго герцога (мекленбургскаго), своего деверя. Извѣщенный о положеніи дѣлъ въ Стокгольмѣ, царь поручилъ передать герцогу: что принцъ, стоя уже на послѣдней ступени трона, можетъ возсѣсть на него и не нуждаясь въ его мнѣніи; но что если онъ считаетъ его полезнымъ для упроченія за собою престола, то изъ этого можетъ образоваться одно изъ условій хорошаго мирнаго договора. Такой двусмысленный отвѣтъ усилилъ подозрѣніе, что царь замышляетъ отдать шведскій скипетръ въ руки герцога голштинскаго.

И онъ дѣйствительно имѣлъ эту мысль. Для приведенія ея въ исполненіе недоставало только большей готовности со стороны герцога подчиниться безусловно его руководству. Ему наскучила наконецъ война; онъ видѣлъ родъ заговора въ стремленіи всѣхъ своихъ прежнихъ союзниковъ вознаграждать Швецію на его счетъ; наскучили и ея снисхожденія къ нимъ. Другой король ввелъ бы другую систему; а Бассевичъ, совѣтами котораго руководился герцогъ, всегда имѣлъ въ виду одно—соединить Россію и Швецію самымъ тѣснымъ союзомъ. Поэтому за предложеніемъ гарантіи о возстановленіи, заявленнымъ королевѣ, послѣдовали вскорѣ предложенія болѣе существенныя, которыя держались въ тайнѣ. Они переданы были герцогу генераломъ Вейсбахомъ, русскимъ министромъ въ Вѣнѣ, и состояли въ слѣдую-

щемъ: его королевское высочество безъ промедленія пріѣдетъ въ Россію и отдастъ свою участь въ руки царя; онъ сочетается бракомъ съ одною изъ царевенъ; царь не заключитъ мира безъ дѣйствительнаго возстановленія Шлезвига и Голштиніи и уступитъ герцогу, какъ скоро онъ прибудетъ въ С. Петербургъ, Ливонію и Эстонію, созвавъ въ то же время сословія обѣихъ провинцій и предложивъ имъ избрать его своимъ государемъ. Шведы горѣли желаніемъ снова присоединить эти области къ своей коронѣ, а потому обезпеченіемъ для герцога ихъ обладанія ему открывался вѣрный путь къ престолу (шведскому). Но нужно непремѣнно, чтобы все это приведено было въ исполненіе, пока шведскій сеймъ еще не распущенъ и пока короны не присудили принцу гессенскому. Вейсбахъ не переставалъ упрашивать герцога ѣхать, и еслибъ ему удалось склонить его къ этому, — очень вѣроятно, что царь исполнилъ бы все, что обѣщалъ, въ надеждѣ видѣть дочь свою королевой и имѣть въ Швеціи короля-союзника, съ помощію котораго онъ могъ бы отмстить Даніи, его оставлявшей, и сломить надменность Англіи, присвоивавшей себѣ господство на Сѣверѣ и стремившейся къ ослабленію русскаго могущества въ Европѣ, особенно же на Балтійскомъ морѣ (какъ вскорѣ послѣ того доказали статьи 11-я и 17-я ея трактата съ Швеціею, подписаннаго въ Стокгольмѣ 21 января 1720 года).

Все благопріятствовало мѣрамъ царя, принятымъ для сближенія съ герцогомъ. Король Прусскій былъ расположенъ содѣйствовать ему за пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ частныхъ для себя выгодъ, весьма неважныхъ для Россіи; императоръ, заключившій миръ съ Испаніею и избавленный отъ необходимости щадить Англичанъ, склонялся къ заявленію своего императорскаго авторитета въ голштинскомъ дѣлѣ; а Саксонія готова была принять на себя, вмѣсто Ганновера, экзекуцію противъ Даніи за извѣстное денежное вознагражденіе и за обѣщаніе, что дворы Вѣнскій и С. Петербургскій поддержатъ въ свое время виды курфюрста на Польскій престолъ.

Къ несчастію для герцога, въ министерствѣ его не было согласія. Бассевичъ, по пріѣздѣ въ Германію, прежде всего взялъ себѣ въ товарищи Альфельда, голштинскаго дворянина, человѣка умнаго и образованнаго, бывшаго каммергера при матери герцога, и оставилъ его въ Гамбургѣ, дабы онъ могъ не терять изъ виду сѣверныхъ дворовъ, Брауншвейгскаго конгресса и соглашеній относительно возстановленія, которыхъ ожидали. Англичане съумѣли убѣдить его, что для его государя нѣтъ другаго спасенія кромѣ совершенной покорности ихъ волѣ. Шведы, хлопотавшіе о разрывѣ рождающейся связи съ царемъ, и оба тайные совѣтника герцога въ Стокгольмѣ, оскорбленные тѣмъ, что имъ предпочитаютъ Бассевича, старались общими силами возстановить Альфельда противъ его друга и благодѣтеля. Одушевленный ошибочнымъ усердіемъ, онъ прямо написалъ къ герцогу: что Бассевичъ за свое пристрастіе къ царю сдѣлался ненавистнымъ Швеціи и Великобританіи, отъ которыхъ только и зависитъ счастіе его королевскаго высочества; что онъ, Альфельдъ, съ прискорбіемъ даетъ совѣтъ удалить его отъ дѣлъ; но что это необходимое зло, и что онъ на столько полагается на добросовѣстность Бассевича, чтобъ надѣяться, что тотъ самъ согласится съ нимъ. Знакомый очень хорошо съ частыми увѣреніями, съ которыми Бассевичъ обращался къ дворамъ Парижскому, Лондонскому и Стокгольмскому, что съ Россіею не будетъ заключено никакого обязательства, если они обѣщаютъ не постановлять между собою

ничего такого, что лишало бы его королевское высочество его наслѣдственныхъ владѣній и его надеждъ, а также зная и двусмысленность отвѣтовъ этихъ дворовъ, онъ все таки полагалъ, что Швеція должна была покамѣсть щадить Англію, а эта послѣдняя Данію, но что пользуясь искусно ихъ благоволеніемъ и сдѣлавъ имъ удовольствіе удаленіемъ подозрительнаго министра, ихъ мало по малу удалось бы привести къ желаемой цѣли.— Герцогу слѣдовало избрать одно изъ двухъ: или положиться на умъ и рѣшительность Бассевича, который несомнѣнно привелъ бы его въ С. Петербургъ въ такое время, когда царь хотѣлъ отважиться на все для предупрежденія тѣхъ событій, какія потомъ совершились, или устранить его совершенно и схватиться за нить, которую предлагала ему осторожность Альфельда для выхода изъ лабиринта. Но по снисходительности своей и молодости онъ выбралъ средину, которая не вела его ни къ чему. Убѣжденный, что Бассевичъ, когда-то столь уважаемый въ Швеціи, возбуждаетъ тамъ неудовольствіе лишь своимъ усердіемъ къ поддержанію величія своего государя, онъ оставилъ его при себѣ и уволилъ Альфельда. Съ другой стороны, чтобъ отнять у Шведовъ всякій видимый предлогъ къ предпочтенію ему принца Гессенскаго, онъ отказался отъ поѣздки въ С. Петербургъ, а чтобъ въ то же время не сдѣлать непріятнаго царю, который оставался его послѣднимъ прибѣжищемъ, онъ отправилъ къ нему Штамке и Негелейна, снабженныхъ инструкціями—ознакомиться съ его намѣреніями, вести переговоры, но ни на чемъ не останавливаться окончательно.

Это посольство встревожило дворы Французскій и Шведскій. Оба они, желая отклонить герцога отъ формальнаго союза съ царемъ, поспѣшили обнадежить его, что съ своей стороны не упустятъ ничего для доставленія ему обладанія Шлезвигомъ. Вскорѣ послѣ того принцъ Гессенскій очень обязательно извѣстилъ его о своемъ восшествіи на престолъ и пересталъ спѣшить готовымъ уже состояться актомъ объ отказѣ герцогу въ требованіи о признаніи его наслѣдникомъ королевы. Государственныя сословія, для поддержанія его надеждъ, отложили разсмотрѣніе этого дѣла до будущаго сейма, подъ тѣмъ предлогомъ, что настоящій приходитъ уже къ концу и что по случаю совершившагося избранія короля обстоятельства не соотвѣтствуютъ болѣе упомянутому требованію, для котораго необходимы уже другія основанія.

Между тѣмъ англійскій флотъ явился для прикрытія береговъ Швеціи. О назначеніи его заявлено было русскому двору только слѣдующимъ письмомъ лорда Стенгопа ([58]) къ царскому резиденту въ Лондонѣ, Веселовскому ([59]):

«Милостивый государь! Королю, моему «государю, угодно было повелѣть своему «адмиралу кавалеру Норрису отправиться «безъ промедленія въ Балтійское море съ «эскадрою военныхъ кораблей, которые, «въ качествѣ вспомогательныхъ коронѣ «шведской, на основаніи послѣдняго трак«тата, заключеннаго съ нею, имѣютъ при«соединиться къ ея морскимъ силамъ для «прикрытія ея владѣній и для споспѣше«ствованія заключенію справедливаго «мира между этою короною и его цар«скимъ величествомъ; а потому я имѣю «повелѣніе сообщить вамъ о вышеозна«ченныхъ распоряженіяхъ и повторить «отъ имени короля, моего государя, пред«ложеніе его посредничества и услугъ «для ускоренія мира, столь необходимаго «обѣимъ сторонамъ и столь желательна«го для всѣхъ націй, заинтересованныхъ «торговлею на моряхъ Сѣвера. Я прошу

([58]) Тогдашній первый министръ въ Англіи.
([59]) Ѳедору Павловичу.

«васъ, милостивый государь, донести о «всемъ вышеписанномъ двору вашему. «Честь имѣю, и пр. Стенгопъ».

Это высокомѣрное посредничество не было принято въ С.-Петербургѣ, и тѣмъ рѣшительнѣе тамъ стали готовиться къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ, что Швеція намѣревалась отнять все завоеванное царемъ. Она не боялась болѣе внутреннихъ несогласій, еслибъ даже герцогъ Голштинскій сталъ во главѣ русской арміи. Франція, союзница дома Гессенскаго, вручила новому королю должныя Швеціи субсидіи и обѣщала уплачивать ихъ впредь въ опредѣленные сроки. Соглашеніе съ Пруссіею было покончено; формальный трактатъ съ Даніею ожидалъ только подписанія. Король Датскій отказывался въ немъ отъ всѣхъ обязательствъ по договору съ царемъ, а король Шведскій — отъ обязательствъ по союзу съ домомъ Готторпскимъ. Вотъ подлинныя слова статьи 6-й этого трактата:

«Равнымъ образомъ, такъ какъ его «свѣтлость герцогъ Шлезвигъ-Голштин«скій былъ вовлеченъ въ сѣверную вой«ну, и такъ какъ тѣсный кровный союзъ, «существующій между его свѣтлостью и «короною Шведскою, могъ бы показаться «препятствіемъ къ рѣшенію того, что̀ ка«сается герцогства Шлезвигскаго, то его «шведское величество, за себя и за ко«рону шведскую, симъ объявляетъ и обѣ«щаетъ, что не будетъ ни прямо, ни кос«венно противиться тому, что̀ имѣетъ «быть постановлено въ пользу короля «Датскаго относительно герцогства Шлез«вигскаго обѣими посредничествующими «державами, которыя содѣйствовали за«ключенію настоящаго трактата, а также «оказывать на дѣлѣ какую либо помощь «сказанному герцогу противъ короля «Датскаго, въ ущербъ вышеупомяну«тымъ постановленіямъ».

Такъ какъ Фридрихъ Гессенскій съумѣлъ утвердиться на престолѣ и привлечь къ себѣ націю своею щедростью и своими дипломатическими успѣхами, то царь не видѣлъ уже для себя такой пользы въ присутствіи герцога при русскомъ дворѣ, какъ во время предложеній, сдѣланныхъ Вейсбахомъ. Поэтому онъ холодно принялъ Штамке, который въ свою очередь не смѣлъ дѣйствовать рѣшительно, и переговоры шли вяло. Посланникъ требовалъ для своего государя обладанія Ливоніею и помощи какъ въ возвращеніи ему родовыхъ владѣній, такъ и въ притязаніяхъ его на наслѣдованіе шведскаго престола. Царь во всемъ подавалъ надежды, не дѣлая никакихъ положительныхъ обѣщаній, и хотѣлъ, чтобы герцогъ особымъ реверсомъ обязался возвратить ему Ливонію, когда сдѣлается королемъ Шведскимъ. Но принцъ этотъ, изъ опасенія черезъ-чуръ оскорбить шведовъ, отвергъ условіе, необходимое для видовъ монарха, предполагавшаго вступить, въ качествѣ государя этой провинціи, въ число членовъ имперіи, которой она когда-то была вассальнымъ владѣніемъ. Ему отказано было въ ея инвеституре въ 1712 году подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не считался еще мирнымъ и признаннымъ ея обладателемъ, а потому онъ хотѣлъ имѣть въ рукахъ всѣ средства, чтобъ достигнуть когда-нибудь устраненія этого препятствія.

Герцогъ держалъ приличный дворъ, имѣлъ посланниковъ при всѣхъ королевскихъ дворахъ Европы, при многихъ дворахъ германскихъ, и наконецъ содержалъ большое число бѣдныхъ шведскихъ офицеровъ, которые называли себя и дѣйствительно могли быть его приверженцами. Средства для всего этого добивались искуствомъ его министра, который съумѣлъ получить черезъ Ло ([60]) 300,000 ливровъ отъ регента Франціи, небольшую сумму

([60]) Знаменитаго французскаго банкира и финансиста.

отъ Испаніи, и хлопоталъ о займѣ остальнаго отчасти на свой собственный кредитъ. Напрасно просилъ онъ о ссудѣ герцогу своего стараго друга Меньшикова, обладавшаго несмѣтными богатствами. Меньшиковъ обратился за обезпеченіемъ ея къ царю, а царь отвѣчалъ ему: «Пусть ихъ терпятъ недостатокъ, нужда приведетъ ихъ къ намъ». Объ этомъ узнали въ Лондонѣ, и лучшимъ способомъ для задержанія путешествія герцога въ Россію признано было пособить ему немного въ его стѣсненномъ положеніи. Вслѣдствіе чего министерство ганноверское, подъ видомъ ложной покорности волѣ императора, обратилось къ королю Датскому съ ходатайствомъ о возвращеніи Голштиніи. Король согласился, но довольно неохотно, объявивъ, что дѣлаетъ это изъ состраданія и что ничто не заставитъ его отказаться отъ Шлезвига.

Императоръ желалъ, чтобы вопросъ объ общемъ замиреніи Сѣвера былъ предложенъ на Брауншвейгскомъ конгрессѣ и рѣшенъ тамъ при его посредничествѣ. Конгрессъ этотъ, существовавшій уже столько времени, вотще ждалъ дѣлъ, которыя на немъ должны были рѣшаться и которыя никогда до него не дошли. Царь назначалъ туда министровъ для переговоровъ о своемъ мирѣ съ Швеціею и дѣлалъ много лестнаго императорскому двору тѣмъ, что дѣятельно обнаруживалъ намѣреніе обратиться къ его посредничеству. Онъ имѣлъ двѣ весьма важныя причины ласкать этотъ дворъ: вопервыхъ онъ искалъ для себя допущенія на имперскій сеймъ въ качествѣ герцога Ливонскаго, а вовторыхъ — думалъ заключить съ домомъ Австрійскимъ оборонительный союзъ противъ Турокъ. Ему очень хотѣлось привлечь къ послѣднему и Польшу, и такимъ образомъ оградить христіанство твердымъ оплотомъ; но графъ Флеммингъ отклонилъ короля Августа отъ этого союза. У царя однажды вырвалось слѣдующее замѣчаніе: «Флеммингъ никому не довѣряетъ, потому что всѣхъ политиковъ считаетъ такими же какъ онъ «самъ, а ему я никогда не довѣрюсь». Слова эти были переданы графу, который никогда не могъ забыть ихъ и усердно содѣйствовалъ отдѣльному миру, также наконецъ заключенному между Швеціею и Польшею.

Такъ какъ Вѣнскій дворъ сдѣлался для царя предметомъ особеннаго вниманія, то онъ отправилъ туда посланникомъ генерала Ягужинскаго, одного изъ самыхъ приближенныхъ своихъ фаворитовъ, который прежде былъ однимъ изъ наиболѣе угодныхъ его деньщиковъ. Деньщики — это нѣчто въ родѣ домашнихъ слугъ и провожатыхъ, какихъ имѣетъ всякій знатный русскій. Царь бралъ своихъ изъ русскаго юношества всѣхъ сословій, начиная съ знатнѣйшаго дворянства и нисходя до людей самаго низкаго происхожденія. Чтобы сдѣлаться его деньщикомъ, нужно было имѣть только физіономію, которая бы ему нравилась. Врагъ всякаго принужденія и этикета, онъ допускалъ къ себѣ своихъ дворянъ и каммергеровъ только при какихъ нибудь значительныхъ празднествахъ, тогда какъ деньщики окружали и сопровождали его всюду. Они могли свободно высказывать ему мысли, серьозныя или забавныя, какія имъ приходили въ голову. Случалось довольно часто, что онъ прерывалъ какой-нибудь важный разговоръ съ министромъ и обращался къ нимъ съ шутками. Онъ много полагался на ихъ преданность, и этотъ родъ службы, казалось, давалъ право на его особенное расположеніе. Лучшимъ способомъ найдти къ нему доступъ было сближеніе съ деньщиками. Сообразно своимъ способностямъ и уму они получали всякаго рода должности и послѣ того всегда сохраняли въ отношеніяхъ къ своему государю ту короткость, которой лишены были другіе вельможи.

Ягужинскій былъ человѣкъ чрезвычайно талантливый и ловкій; однакожь онъ никакъ не могъ приспособиться къ той испанской важности, которая въ то время составляла отличительную черту австрійскихъ министровъ и придворныхъ. Онъ не исполнилъ въ Вѣнѣ того, чего хотѣлось царю, и такъ какъ очень скучалъ тамъ, то черезъ годъ добился позволенія возвратиться въ Россію. Между тѣмъ, какъ бы въ замѣнъ своихъ неудачъ, онъ вошелъ въ интересы герцога Голштинскаго и очень сблизился съ его министромъ Бассевичемъ, которому впослѣдствіи оказалъ немало полезныхъ услугъ.

Около 1720 года баронъ Гёпкенъ, шведскій резидентъ въ Вѣнѣ и братъ знаменитаго статсъ-секретаря этого имени, оставилъ безъ дозволенія свой постъ и съ поспѣшностью прибылъ въ Стокгольмъ. Въ оправданіе такого поступка онъ привелъ, что на то короткое время, какое думалъ пробыть въ отлучкѣ, въ Вѣнѣ совершенно достаточно присутствія посланника графа Бьельке, и что для очистки своей совѣсти онъ пріѣхалъ представить, что отечество подвергнется всевозможнымъ бѣдствіямъ, если наслѣдованіе престола не будетъ обезпечено герцогу Голштинскому и если послѣдняго не сдѣлаютъ посредникомъ для заключенія мира съ Россіею. За эту смѣлость онъ попалъ въ темницу; но слова его стали распространять другіе. Боялись, чтобъ они не сдѣлали слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, а потому король старался успокоить умы и объявилъ: что если нація желаетъ мира, онъ доставитъ ей посредника съ бо́льшимъ вѣсомъ въ лицѣ регента Франціи, и что если она находитъ нужнымъ показать вниманіе къ положенію герцога Голштинскаго, онъ готовъ забыть необязательность поведенія этого принца (который не только не поздравилъ его съ восшествіемъ на престолъ, но и показывалъ намѣреніе какъ бы заподозрить самое его избраніе, называя его, короля, наслѣднымъ принцемъ Кассельскимъ) и представить самыя ясныя доказательства своего королевскаго къ нему благоволенія. Эти доказательства состояли въ подаркѣ двадцати тысячъ талеровъ съ согласія сословій и въ неопредѣленномъ обѣщаніи повторять ежегодно эту щедрость, если онъ будетъ вести себя дружески въ отношеніи къ королю. Когда герцога извѣстили о томъ, онъ сказалъ: «Я не на столько глупъ и не на«столько голоденъ, чтобы промѣнять мое «право старшинства на блюдо чечевицы». Онъ не поздравилъ короля и отказался отъ денегъ. Нѣкоторые шведскіе офицеры пріѣзжали въ Бреславль и умоляли его не пренебрегать милостями короля, но услышали отъ него въ отвѣтъ: что принцъ Шведскій долженъ получить не подарокъ отъ принца Гессенскаго, а пенсію отъ королевства, какъ опредѣлено было рѣшеніемъ предшествовавшаго сейма.

Такая твердость возбудила въ Стокгольмѣ опасеніе, что царь, не смотря на легкость, съ которою онъ призналъ короля, готовилъ ему, въ пользу герцога, какой-нибудь ударъ, котораго должно ожидать съ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Поэтому тамъ только и думали какъ бы отклонить его. Графъ Спарръ употребилъ столько стараній въ Парижѣ, что герцогъ-регентъ рѣшился отправить г. Кампредона — того самаго, который такъ искусно содѣйствовалъ въ Швеціи заключенію мира съ Англіею и возведенію на престолъ короля — въ С.-Петербургъ для предложенія посредничества Франціи.

Царь при этомъ случаѣ счелъ за нужное показать свое доброе расположеніе двору, вліяніе котораго въ Диванѣ было ему извѣстно. Онъ объявилъ, что съ удовольствіемъ приметъ г. Кампредона и что не замедлитъ отправить гг. Остермана и Брюса, въ качествѣ уполномоченныхъ, въ Ништадтъ, въ Финляндіи, для перего-

воровъ о мирѣ съ тѣми, кого назначитъ его шведское величество. Французскій министръ явился, и русскій монархъ, откровенно высказавъ ему свое желаніе покончить войну, въ то же время развернулъ передъ нимъ свои средства для ея продолженія. Его морскія силы, назначавшіяся для дѣйствія на Балтійскомъ морѣ, состояли изъ 42 линейныхъ кораблей, 6 большихъ плоскодонныхъ судовъ, 15 плавучихъ батарей (bateaux armés), 300 галеръ, 300 транспортныхъ судовъ для пѣхоты и 180 для кавалеріи, 20 бригантинъ, 4 бомбардъ (galiottes à bombes) и 6 гошпитальныхъ кораблей.

Кампредонъ пробылъ въ Петербургѣ четыре недѣли. Кромѣ передачи предложеній о мирѣ ему еще поручено было тайно противодѣйствовать домогательствамъ герцога Голштинскаго и стараться расположить царя въ пользу предоставленія наслѣдованія шведскаго престола дому Гессенъ-Кассельскому. Это послѣднее предложеніе старался провести герцогъ Мекленбургскій. Хотѣли знать, какъ оно будетъ принято, прежде нежели Франція открыто вмѣшается въ это дѣло. Но царь далеко не былъ расположенъ внимать такого рода предложеніямъ. Столько необычайныхъ движеній, направленныхъ на отнятіе у герцога всѣхъ средствъ, заставили его думать, что король шведскій не вполнѣ былъ увѣренъ въ преданности своихъ народовъ, а поступокъ Гёпкена давалъ ему поводъ предполагать, что есть партія, втайнѣ приверженная къ послѣдней отрасли королевскаго дома. Онъ поэтому снова обратился къ приглашенію герцога не медлить пріѣздомъ въ Россію. Но герцогъ былъ обремененъ долгами, его вѣрный Бассевичъ также, а раззоренная Голштинія не давала еще покамѣсть ничего. Онъ просилъ о ссудѣ ему денегъ на путешествіе, и вотъ что по этому поводу царь собственноручно написалъ Ягужинскому: «Передача денегъ для герцога не можетъ состояться по причинѣ большихъ «безпорядковъ, произведенныхъ въ тор«говлѣ военными дѣйствіями, безпоряд«ковъ, о которыхъ ты не можешь не «знать; но увѣрь его, что онъ не будетъ «имѣть недостатка ни въ деньгахъ, ни «въ чемъ бы то ни было, когда пріѣдетъ «къ намъ. Мы впрочемъ имѣемъ вѣрныя «извѣстія, что Шведы обмануты Англи«чанами и сами сознаются въ этомъ. Ве«ликобританія хотя и обѣщала оставить «имъ на всю зиму 8 военныхъ кораблей, «однакожь адмиралъ Норрисъ ушелъ со «всѣми своими кораблями, не оставивъ «имъ ни одной барки. Мы поэтому надѣ«емся, съ Божіею помощью, имѣть гос«подство на морѣ будущимъ лѣтомъ. Къ «тому же меня увѣряютъ, что число при«верженцевъ герцога увеличивается въ «Швеціи, такъ что пріѣздъ его весною «будетъ необходимъ, и онъ можетъ мно«го потерять, если не пріѣдетъ.» Вслѣдствіе такого предложенія Ягужинскій не замедлилъ обратиться къ герцогу съ приглашеніемъ поспѣшить отъѣздомъ; но Бассевичъ, который хорошо зналъ царя, и который за годъ передъ тѣмъ готовъ былъ, подъ собственною отвѣтственностью, привезти своего государя въ С.-Петербургъ и тамъ доставить ему возможность восторжествовать надъ своими врагами, теперь смотрѣлъ на это дѣло какъ на сомнительное. Чтобъ не брать въ немъ на себя одного всей отвѣтственности, онъ представилъ императору мемуаръ съ изложеніемъ доводовъ за и противъ, умоляя его величество, по выслушаніи мнѣнія своего просвѣщеннаго министерства, не отказать герцогу въ отеческихъ совѣтахъ относительно того, что ему слѣдуетъ предпринять. Объясненіемъ долго медлили. Наконецъ вицеканцлеръ графъ Цинцендорфъ сообщилъ въ отвѣтъ, что по зрѣломъ обсужденіи всего изложеннаго въ представленномъ мемуарѣ

5*

его императорское величество не находитъ никакихъ причинъ не одобрять желанія его королевскаго высочества ѣхать искать покровительства монарха столь могущественнаго и великодушнаго, какъ его царское величество.

Штамке предписано было представить, что для оправданія въ глазахъ Шведской націи предпріятія, къ которому готовился герцогъ, и для успокоенія его высочества на случай перемѣны обстоятельствъ, необходимо, чтобы его царское величество удостоилъ положительно обезпечить ему нѣкоторыя выгоды и въ особенности упрочить его лестныя надежды на бракъ съ царевною Анною Петровною. Царь продолжалъ оставаться при неопредѣленныхъ увѣреніяхъ, что приметъ къ сердцу интересы герцога какъ свои собственные, и что если его высочество можетъ понравиться царевнѣ, въ чемъ онъ не сомнѣвается, то будетъ очень радъ имѣть его своимъ зятемъ. Старались черезъ Ягужинскаго склонить монарха къ принятію формальнаго обязательства по крайней мѣрѣ относительно возвращенія Шлезвига и относительно наслѣдованія Шведскаго престола. Но не смотря на весь его кредитъ, тщательно употребленный въ дѣло, полученъ былъ только слѣдующій, написанный самимъ царемъ отвѣтъ, который Ягужинскій сообщилъ въ переводѣ: «Съ Швеціею не «будетъ заключено мира безъ признанія «его королевскаго высочества наслѣдни«комъ престола — вотъ что мы можемъ «обѣщать положительно. Мы обѣщали бы «столько же и относительно возвращенія «Шлезвига, еслибъ не надлежало опа«саться, что Даніи это послужитъ пово«домъ къ тѣснѣйшему сближенію съ Ан«гліею, — обстоятельство, которое мог«ло бы сдѣлать намъ большое затрудне«ніе; тѣмъ болѣе, что она ищетъ того «же при всѣхъ дворахъ и будетъ искать «со временемъ. Но я обѣщаю изустно «дать свое слово касательно этаго пред«мета министру герцога, какъ скоро онъ «будетъ здѣсь, а по заключеніи мира обя«жусь и письменно. Между тѣмъ ста«райся всячески при императорскомъ «дворѣ, чтобы возвращеніе это состо«ялось скоро; меня этимъ особенно обя«зали бы, потому что Англичане един«ственно при помощи вопроса о немъ «отторгли Датчанъ отъ нашего союза.»

Чѣмъ больше медлилъ герцогъ, тѣмъ меньше важности получало присутствіе его въ Петербургѣ. Однакожь Штамке продолжалъ увѣрять въ своихъ донесеніяхъ, что если онъ только хочетъ пріѣхать, можно еще будетъ все поправить, а знаменитый маршалъ графъ Шулембургъ (61), изъ великодушнаго участія въ бѣдственномъ положеніи принца столь знатнаго рода, устранилъ и послѣднее препятствіе къ его отъѣзду, предложивъ, по собственному побужденію, ссудить ему сто тысячъ талеровъ (écus) безъ всякихъ отяготительныхъ условій.

Послѣ этаго оставалось только позаботиться о безопасности пути. Множество Шведовъ постоянно окружало герцога, и были причины не довѣрять нѣкоторымъ изъ нихъ какъ извѣстнымъ креатурамъ короля. Сикье, на которомъ, по разсказамъ, лежало ужасное подозрѣніе (62), появился, безъ всякой видимой надобности, на дорогѣ изъ Польши въ Курляндію, и графъ Головкинъ, русскій министръ въ Берлинѣ, отъ имени царя совѣтовалъ Бассевичу озаботиться, чтобъ государь

---

(61) Фельдмаршалъ графъ Матіасъ-Іоганнъ фонъ-деръ-Шуленбургъ (род. 1660, ум. 1747 г.) прославился какъ отличный генералъ, сперва въ Саксонской службѣ въ войну противъ Карла XII (1704), потомъ въ Венеціанской при защитѣ крѣпости Корфу противъ Турокъ (1715).

(62) Подполковникъ Сикье (Siquier) французъ, находившійся въ Шведской службѣ, о которомъ говорили, что онъ убилъ короля Карла XII. См. о немъ подробнѣе въ Дневникѣ Берхгольца въ особенности часть II, стр. 33 и др.

его проѣхалъ черезъ Польшу съ сохраненіемъ всевозможной тайны, такъ какъ дворъ Варшавскій находился въ несогласіи съ Петербургскимъ и благопріятствовалъ Стокгольмскому. Такимъ образомъ Карлъ-Фридрихъ и фаворитъ его Рёндорфъ, переодѣтые русскими офицерами и снабженные паспортомъ отъ Ягужинскаго, въ четыре дня совершили путь до Либавы, между тѣмъ какъ въ Бреславлѣ всѣ считали герцога больнымъ, и Бассевичъ показывалъ видъ, что ѣздитъ совѣщаться у его постели. Какъ скоро узнали, что онъ въ безопасности, отъѣздъ его былъ обнародованъ и затѣмъ предъявленъ дворамъ, съ которыми онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, также и Шведскому Сенату, которому снова предложили готовность его высочества содѣйствовать заключенію мира. — Герцогъ дождался въ Митавѣ своей свиты и съ нею отправился далѣе.

Весною 1721 года въ Ливонію прибыло множество отставныхъ шведскихъ офицеровъ, которые выдавали себя за желающихъ опредѣлиться въ службу царя. Распространился слухъ, что между ними было и нѣсколько шпіоновъ. Трудность различить ихъ вынудила царя издать указъ, которымъ предписывалось всякому Шведу военнаго званія, находившемуся въ этой провинціи подъ предлогомъ исканія службы, выѣхать оттуда въ опредѣленный срокъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала казнь князя Гагарина, намѣстника Сибирскаго (63). Заподозрѣнный и обвиненный въ обогащеніи себя въ ущербъ казнѣ своего государя, онъ уже около двухъ лѣтъ томился въ темницахъ адмиралтейства. Царь уважалъ его за многія прекрасныя качества. Всѣмъ извѣстно было, что онъ великодушно облегчилъ участь плѣнныхъ Шведовъ, сосланныхъ въ его обширную область, употребивъ въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ ихъ плѣна болѣе 15,000 руб. своихъ собственныхъ денегъ на удовлетвореніе ихъ нуждъ. Дочь его была замужемъ за сыномъ великаго канцлера Головкина, а сынъ былъ женатъ на дочери вице-канцлера Шафирова. Не желая подвергать его всей строгости законовъ, царь постоянно отсрочивалъ его казнь и для отмѣны ея не требовалъ отъ него ничего, кромѣ откровеннаго во всемъ сознанія. Подъ этимъ условіемъ, еще наканунѣ его смерти, онъ предлагалъ ему возвращеніе его имущества и должностей. Но несчастный князь, противъ котораго говорили показанія его собственнаго сына и который выдержалъ уже нѣсколько пытокъ кнутомъ, ни въ чемъ не сознавшись, поставилъ себѣ за честь явиться передъ висѣлицею съ гордымъ и нетрепетнымъ челомъ. Царь велѣлъ устроить ее передъ домомъ, въ которомъ собирался Сенатъ, полагая, что преступленія и упорство виновнаго должны подавить всякое къ нему сочувствіе въ душѣ людей ему близкихъ. Поэтому тѣ изъ сенаторовъ, которые были въ родствѣ съ княземъ, не осмѣлились уклониться отъ обязанности присутствовать при его смерти. Они должны были не только скрывать свои чувства при видѣ этого печальнаго зрѣлища, но даже обѣдать съ царемъ и весело пить по обыкновенію. Молодой Гагаринъ, который еще недавно путешествовалъ по Европѣ окруженный блескомъ и свитою, достойными владѣльнаго князя, былъ разжалованъ и опредѣленъ на службу простымъ матросомъ. Отеческая нѣжность побудила Шафирова обмануть довѣріе, которымъ облекъ его царь въ этомъ процессѣ, и утаить изъ конфискованнаго имущества преступника значительную сумму для сохраненія ея своему зятю. Впослѣдствіи это было причиною его несчастія.

На другой день послѣ этого трагиче-

(63) Князя Матвѣя Петровича.

скаго события царь уѣхалъ въ Ригу, гдѣ желалъ встрѣтить герцога Голштинскаго. Его попеченіями городъ этотъ, совершенно раззоренный войною, снова приведенъ былъ въ цвѣтущее состояніе. Таможенный сборъ съ товаровъ, которые онъ получалъ бо́льшею частью изъ Польши и отправлялъ въ разные порты Балтійскаго моря и Океана, простирался ежегодно до 700,000 талеровъ (écus) Царь увидѣлъ тамъ съ удовольствіемъ успѣхи въ разведеніи большаго сада, который онъ приказалъ насадить вдоль рѣки и окончить въ три мѣсяца, и въ которомъ было уже поставлено 15,000 большихъ деревьевъ. Супруга его была съ нимъ, окруженная, согласно волѣ монарха, царскимъ блескомъ, который ему всегда былъ въ тягость и который она умѣла поддерживать съ удивительнымъ величіемъ и непринужденностью. Дворъ ея, который она устроивала совершенно по своему вкусу, былъ многочисленъ, правиленъ, блестящъ, и хотя она не могла вполнѣ отмѣнить при немъ русскихъ обычаевъ, однакожь нѣмецкіе у нея преобладали.

Царь не могъ надивиться ея способности и умѣнію превращаться, какъ онъ выражался, въ императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вмѣстѣ, но всегда въ отдѣльныхъ поѣздахъ, отличавшихся — одинъ величественностью своей простоты, другой своею роскошью. Онъ любилъ видѣть ее всюду. Не было военнаго смотра, спуска корабля, церемоніи или праздника, при которыхъ бы она не являлась. При большихъ торжествахъ за ея столомъ бывали всѣ дамы, а за столомъ царя одни только вельможи. Его забавляло общество женщинъ, оживленныхъ виномъ; поэтому она завела у себя свою перворазрядную любительницу рюмки (une biberonne de premier ordre), завѣдывавшую у нея угощеніемъ напитками и носившую титулъ оберъ-шенкши. Когда послѣдней удавалось привести дамъ въ веселое расположеніе духа, никто изъ мущинъ не смѣлъ входить къ нимъ, за исключеніемъ царя, который только изъ особеннаго благоволенія позволялъ иногда кому нибудь сопровождать себя. Изъ угодливости же, не менѣе для него пріятной, Екатерина, увѣренная въ сердцѣ своего супруга, смѣялась надъ его частыми любовными приключеніями, какъ Ливія надъ интрижками Августа; но за то и онъ, разсказывая ей объ нихъ, всегда оканчивалъ словами: ничто не можетъ сравниться съ тобою.

Какъ ни дружественъ и ни великолѣпенъ былъ пріемъ, сдѣланный герцогу Голштинскому царемъ, но для перваго онъ получилъ еще особенную цѣну по тому расположенію, которое высказала ему царица. Вполнѣ увѣренная въ своемъ величіи, она, не боясь уронить себя, въ присутствіи принцессы царской крови, герцогини курляндской, сказала угнетенному принцу: что одушевленная сознаніемъ долга, внушаемаго ей могуществомъ, она принимаетъ живое участіе въ интересахъ герцога и что для нея, супруги величайшаго изъ смертныхъ, Небо прибавило бы еще славы, даруя ей въ зятья того, котораго она была бы подданною, еслибъ счастіе не измѣнило Швеціи и еслибъ Швеція не нарушила присяги, данной ею дому великаго Густава. Слова эти заставили проливать слезы всѣхъ присутствовавшихъ, — такъ трогательно умѣла говорить эта государыня. Еслибъ дѣло зависѣло отъ нея, ничто не было бы упущено, чтобы безъ промедленія возстановить Карла-Фридриха въ его правахъ. Но хотя вліяніе ея на душу великаго царя могло сдѣлать много, однакожь не все. Она была его второю страстью, государство — первою, и поэтому всегда благоразумно уступала мѣсто тому, что должно было предшествовать ей.

Въ Ригѣ царь сильно заболѣлъ горячкою. Чтобы вылечиться отъ нея, онъ переселился дней на восемь на корабль. По его мнѣнію, морской воздухъ возстановлялъ здоровье, и онъ рѣдкій день пропускалъ, не подышавъ этимъ воздухомъ. Вставая съ разсвѣтомъ и обѣдая въ 11 часовъ утра, онъ послѣ стола имѣлъ привычку соспуть. Для этого стояла постель на фрегатѣ, и онъ отправлялся туда во всякое время года. Даже когда, лѣтомъ, онъ бывалъ въ Петергофѣ, воздухъ обширныхъ садовъ этаго дворца казался ему удушливымъ, и онъ всегда спалъ въ Монплезирѣ, домикѣ, одна сторона котораго омывается волнами моря, а другая примыкаетъ къ большому петергофскому парку. Здѣсь было его любимое убѣжище. Онъ украсилъ его фламандскими картинами, изображавшими сельскія и морскія сцены, большею частію забавныя.

По возвращеніи въ С. Петербургъ онъ отпраздновалъ 25-е іюня (по старому стилю) годовщину своего коронованія, что дѣлалось очень рѣдко съ тѣхъ поръ какъ онъ царствовалъ одинъ. При царскомъ дворѣ насчитывалось, впрочемъ, до тридцати ежегодныхъ празднествъ, изъ которыхъ четыре были въ память военныхъ подвиговъ, а имено взятія Нарвы, побѣдъ при Калишѣ и Лѣсномъ (одержанной надъ Левенгауптомъ) и Полтавскаго сраженія. Въ день празднованія послѣдняго царь надѣвалъ то самое платье, которое было на немъ во время битвы. Но всѣ эти празднества отличались однообразіемъ. Тѣ, которыя приходились лѣтомъ, отправлялись въ садахъ императорскаго дворца и на обширномъ, примыкавшемъ къ нему лугу, гдѣ маневрировали и потомъ также принимали участіе въ пиршествѣ гвардейскіе полки Преображенскій и Семеновскій. Въ рощахъ разставлялись столы для всѣхъ значительныхъ особъ. Однимъ изъ главныхъ былъ столъ для духовныхъ лицъ. Самъ царь иногда садился туда и разсуждалъ съ ними о догматахъ религіи. Если кто нибудь судилъ или дѣлалъ ссылки невѣрно, то долженъ былъ въ наказаніе опоражнивать стаканъ, наполненный простою водкою, и эти господа обыкновенно удалялись съ праздника болѣе другихъ упившимися. Обѣ царицы, царствующая и вдовствующая супруга Ивана, кушали съ принцессами, своими дочерьми и съ дамами въ большой открытой галлереѣ, построенной вдоль рѣки. За обѣдомъ слѣдовалъ балъ, на которомъ царь танцовалъ, какъ и на свадьбахъ знатныхъ лицъ, куда его постоянно приглашали со всею императорскою фамиліею. Въ молодые свои годы онъ любилъ танцы. Русскіе вообще имѣютъ большое расположеніе къ этому упражненію и исполняютъ его съ граціею.

Первое, на что царь заставилъ полюбоваться въ своей столицѣ герцога Голштинскаго, было прекрасное зданіе адмиралтейства съ его магазинами, снабженными множествомъ матеріаловъ и снарядовъ для постройки и оснастки тридцати или болѣе военныхъ кораблей. При этомъ случаѣ осьмнадцатое большое судно, сооруженное на новой верфи, было спущено на воду и названо «Пантелеймономъ», въ честь одного изъ святыхъ греческой церкви. Его строилъ французъ, присланный герцогомъ-регентомъ для починки стараго 70-ти пушечнаго корабля «le Ferme», который царь когда-то получилъ изъ Франціи и котораго его плотники не умѣли вытащить изъ воды и поставить на штапель. Работы эти, столь близкія сердцу царя, производились подъ управленіемъ одного изъ его любимцевъ, Ивана Михайловича Головина, носившаго титулъ главнаго строителя кораблей. Онъ учился кораблестроенію вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи, но безъ большаго успѣха, и однакожь по одному изъ тѣхъ

капризовъ благоволенія, отъ которыхъ не изъяты и благоразумнѣйшіе изъ государей, царь поручилъ ему постъ, котораго всѣ обязанности, къ счастію для морскаго дѣла, исполнялъ самъ (64). Но въ замѣнъ этого Головинъ былъ очень хорошимъ сухопутнымъ генераломъ.

1721. Продолжительный плѣнъ множества шведовъ, взятыхъ при жизни Карла XII и отправленныхъ въ Сибирь, превратилъ ихъ какъ бы въ природныхъ ея жителей. Они въ особенности заставляли цѣнить себя въ этой дикой странѣ своимъ искусствомъ въ горныхъ работахъ, съ которыми русскіе были мало знакомы. Многіе изъ плѣнниковъ, потерявъ надежду на обмѣнъ или выкупъ, желали, посредствомъ браковъ, основаться навсегда въ мѣстахъ своей ссылки. Но они были слишкомъ велики душою, чтобы ради любви отречься отъ вѣры своихъ отцовъ, а русскія женщины, хотя и плѣненныя кротостью нравовъ этихъ иностранцевъ, боялись осквернится бракомъ съ протестантами. Нѣкоторыя изъ нихъ, пренебрегшія подобнымъ предразсудкомъ, были разлучены священниками, господами и безжалостными судьями съ любимыми мужьями-еретиками и выданы за православныхъ, которые имъ не нравились. Извѣщенный объ этомъ, царь нашелъ такіе поступки столько же несправедливыми, сколько и противными его интересамъ; но совсѣмъ тѣмъ не хотѣлъ показать, что дѣйствуетъ по своему произволу въ вопросахъ, касающихся религіи. Дѣло это было отдано на разсмотрѣніе св. Синода, который напечатаннымъ въ С.-Петербургѣ 18 августа 1721 года указомъ, дѣлающимъ по своему благоразумію честь его составителямъ, объявилъ браки между православными и иновѣрцами не только законными и дозволенными, но и похвальными, если они клонятся ко благу государства, и подчинилъ ихъ только одному условію, по которому еретикъ обязывался давать подписку, что не станетъ тревожить совѣсти своей жены, и что дѣти будутъ исповѣдывать господствующую религію страны. Этотъ мудрый указъ пріобрѣлъ Россіи значительное число полезныхъ жителей.

Царь не удовольствовался оказаніемъ герцогу Голштинскому всевозможнаго вниманія и дружбы,—онъ поручилъ еще Шафирову сообщить ему инструкціи, данныя Остерману для переговоровъ съ Швеціею. Тамъ между прочимъ сказано было: что миръ рѣшительно можетъ состояться только подъ условіемъ признанія его королевскаго высочества наслѣдникомъ короля и королевы и обязательства со стороны Швеціи дѣйствовать за одно съ Россіею для возвращенія ему Шлезвига. Кромѣ того, островъ Эзель былъ отданъ герцогу на содержаніе стола и экипажей, съ правомъ поручить кому либо изъ его дворянъ управленіе доходами съ этаго мѣста.

Такіе блистательные знаки расположенія сдѣлались скоро извѣстными и даже были преувеличены молвою, которая въ Швеціи произвела потрясающее дѣйствіе и вполнѣ удовлетворила ожиданіямъ царя. Тайные приверженцы герцога снова начали поднимать голову, и отъ закваски, брошенной въ народъ смѣлостью резидента Гёпкена, казалось, готово было произойти броженіе. Король, съ первой же минуты встревоженный опасностью такого положенія дѣлъ, удвоилъ старанія о заключеніи мира. Но царь проникъ его побужденія. Не стѣсняясь англійскимъ флотомъ, готовившимъ свое обычное по-

(64) Послѣ я узналъ изъ писемъ болѣе отдаленнаго времени, что царь только въ шутку или даже въ насмѣшку поручилъ ему эту должность и кромѣ того установилъ еще для него тостъ за процвѣтаніе кораблей подъ названіемъ «тоста за фамилію Ивана Михайловича».

Примѣч. составителя «Записокъ».

явленіе въ Балтійскомъ морѣ, онъ повелѣлъ произвести новое опустошеніе береговъ Швеціи, дабы усилить надежды доброжелателей герцога и опасенія правительства. Понявъ однакожь намѣренія короля Шведскаго, онъ въ свою очередь былъ проникнутъ послѣднимъ. Король этотъ, не отличавшійся всеобъемлющимъ умомъ, но глубоко проницательный и тонко скрытный, понялъ, что ему для спокойнаго обладанія престоломъ и обезпеченія своей фамиліи пути къ послѣднему, необходимо только согласиться на уступку Россіи тѣхъ самыхъ выгодъ, какія царь надѣялся получить въ правленіе его соперника. Поэтому королевскимъ уполномоченнымъ въ Финляндіи предписано было уступать въ чемъ бы то ни было, но упорно сопротивляться внесенію въ мирный трактатъ хотя бы и малѣйшаго намека въ пользу герцога Карла-Фридриха. Сенатъ, руководимый Арведомъ Горномъ, подтвердилъ имъ тоже самое. Они повиновались съ такою точностью и были такъ усердно поддерживаемы г. Кампредономъ, что Остерманъ написалъ наконецъ царю: что нужно отказаться отъ всякаго требованія на пользу герцога Голштинскаго, или лишить монархію славнаго мира, который былъ бы вѣнцомъ могущества его царскаго величества и доставилъ бы ему возможность окончить его дивную статую. Это былъ намекъ на остроумный девизъ монарха, выставленный впослѣдствіи на одномъ изъ щитовъ въ его погребальной процессіи. Онъ изображалъ ваятеля, высѣкающаго изъ грубаго куска мрамора человѣческую фигуру и почти до половины окончившаго свою работу.

Возвеличеніе имперіи, распространеніе торговли, водвореніе добрыхъ нравовъ среди народа, — вотъ что по истинѣ было единственною или по крайней мѣрѣ главною цѣлію монарха, къ которой все другое присоединялось только случайно. Между тѣмъ ему тяжело было пожертвовать ей принцемъ, который отдалъ свою участь въ его руки, и онъ намѣревался удвоить усилія оружіемъ и переговорами, чтобы какъ-нибудь ввести интересы герцога въ составъ мирнаго трактата. Но несчастное стеченіе обстоятельствъ отклонило его отъ этаго. Изъ Азіи получены были секретныя донесенія, что Турки, желая воспользоваться смутами въ Персіи, готовятся завладѣть частью этаго государства и даже Дербентомъ, пограничнымъ городомъ, который открывалъ имъ входъ въ Россію и давалъ возможность затруднять ея торговлю на Каспійскомъ морѣ. Не желая ни предоставлять имъ выгодъ столь опасныхъ, ни вдаваться ради того въ жестокую войну, царь рѣшился отвести ударъ, не вступая съ ними въ прямое столкновеніе, и самъ завладѣть провинціями, на которыя они расчитывали, прежде чѣмъ войска ихъ выступятъ въ походъ. Но къ экспедиціи этой слѣдовало приступить безотлагательно. Она требовала всѣхъ его силъ, можетъ быть, даже его личнаго участія. Миръ съ Швеціею поэтому дѣлался необходимымъ. Нужно было спѣшить его подписаніемъ, иначе военныя приготовленія могли преждевременно обнаружить новые замыслы, и тогда Шведы, узнавъ объ нихъ, возвысили бы тонъ и заставили бы царя, во избѣжаніе двухъ войнъ на двухъ противоположныхъ концахъ имперіи, страннымъ образомъ измѣнить уже предписанныя условія мира.

И вотъ несчастный герцогъ покинутъ. Для ускоренія мира, объ немъ не только умалчиваютъ, но въ статью 7-ую мирнаго трактата заносятъ даже косвенное отреченіе отъ всякаго предпріятія въ его пользу относительно престола. Такой оскорбительной неудачи онъ никакъ не ожидалъ. Молчаніе царскихъ министровъ объ успѣхахъ переговоровъ заставляло

уже его приближенныхъ подозрѣвать кое-что. Но ихъ и самого герцога забавляли любезностями всякаго рода, избѣгая огорчить его высочество достовѣрностью его несчастія до того самаго дня, когда герольды публично возвѣстили о заключеніи мира. Къ герцогу явился каммергеръ съ простымъ извѣщеніемъ объ этомъ событіи, безъ всякаго сообщенія какихъ либо подробностей.

Человѣку съ благороднымъ характеромъ не слѣдовало переносить такого злополучія съ покорною и холодною умѣренностью; еще менѣе слѣдовало ему являться при торжествующемъ дворѣ въ роли печальной жертвы его веселія. Герцогъ остается безвыходно въ своихъ покояхъ ([65]), а Бассевичъ, принявъ веселый видъ, отправляется, чтобы сказать царю: что онъ приноситъ ему поздравленія его королевскаго высочества и проситъ удовлетворить нетерпѣнію герцога сообщеніемъ условій, выговоренныхъ въ его пользу согласно обѣщанію его царскаго величества. Царь, окруженный вельможами, явившимися съ поздравленіями, милостиво отвѣчалъ: что въ настоящемъ случаѣ Небу не угодно было предоставить ему свободу дѣйствовать такъ, какъ бы онъ хотѣлъ и долженъ былъ дѣйствовать; но что примиренный съ Швеціею, онъ надѣется лучше соблюсти выгоды его королевскаго высочества, чѣмъ прежде, и снова повторяетъ свое обѣщаніе не оставлять его. «Желаю, сказалъ со вздо«хомъ министръ, чтобы это новое обѣща«ніе было прочнѣе всѣхъ прежнихъ, «вслѣдствіе которыхъ государь мой пріѣхалъ наконецъ облобызать могуще«ственную руку, ему поданную; что ка«сается до меня, то я умру съ отчаянія, «что имѣлъ простоту повѣрить существо«ванію такого смертнаго, на слово кото«раго можно бы было положиться, и что «привезъ въ Россію потомка Вазы только «для того, чтобы быть тамъ игрушкою «политики». Меньшиковъ и Шафировъ поблѣднѣли отъ страха и ждали, что друга ихъ тотчасъ арестуютъ. Но нисколько не обнаруживая гнѣва, царь сказалъ, обращаясь къ собранію: «Надобно быть «снисходительну къ заблужденіямъ ис«тиннаго усердія; я желалъ бы, чтобы и «всѣ служащіе мнѣ имѣли его столько «же». Потомъ, приказавъ подать себѣ большой бокалъ, произнесъ: «Вотъ смот«рите, благородный человѣкъ, это пью я «за здоровье вашего государя; я съумѣю, «когда придетъ время, разувѣрить васъ «и заставить не сожалѣть, что вы привезли «его ко мнѣ». Затѣмъ онъ тотчасъ приказалъ Шафирову ѣхать съ Бассевичемъ къ герцогу и сказать тамъ все, что нужно. Шафировъ изложилъ непреоборимыя препятствія, которыя Небо и люди противопоставили добрымъ намѣреніямъ монарха, который, разсудивъ, что онъ можетъ умереть, также какъ и его королевское высочество, и что въ томъ и другомъ случаѣ усилія войны, продолжавшейся 21 годъ, пропали бы даромъ, не могъ по совѣсти не воспользоваться благопріятными обстоятельствами для заключенія мира, столь выгоднаго государству, Богомъ ему ввѣренному, и которымъ онъ обязанъ былъ не пренебрегать изъ опасенія навлечь со временемъ на свою могилу нарѣканія потомства, отъ котораго ждалъ себѣ благословеній. Послѣ того министръ представилъ увѣреніе, что его царское величество, имѣя теперь свободныя руки, вырветъ Шлезвигъ у Даніи, и что назначая герцогу одну изъ принцессъ, своихъ дочерей, сдѣлаетъ для него непремѣнно все, что только не будетъ противно благу государства, о которомъ онъ

([65]) Торжество Ништатскаго мира происходило 22 октября 1721 года. Изъ Берхольца (Русскій переводъ И. Ѳ. Аммона, I, стр. 195) видно однако, что герцогъ голштинскій участвовалъ въ увеселеніяхъ этого дня. *П. Б.*

долженъ пещись больше, чѣмъ о своемъ семействѣ и о самомъ себѣ. Едва Шафировъ окончилъ свою рѣчь, какъ царскіе каммергеры Нарышкинъ и графъ Пушкинъ явились къ герцогу съ приглашеніемъ на празднества по случаю мира. Онъ отвѣчалъ имъ очень любезно, что если не можетъ радоваться успѣхамъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, то порадуется за его царское величество и за окончаніе пролитія крови русской и шведской.

Большія празднества, устроенныя, по повелѣнію царя, въ С. Петербургѣ и продолжавшіяся болѣе двухъ недѣль, показали, до какой степени онъ былъ доволенъ исходомъ Ништатскаго конгресса. Не такъ было въ Швеціи. Народъ роп-талъ за постыдную уступку лучшихъ провинцій королевства. Король и Арведъ Горнъ сваливали всю вину этого дѣла на пребываніе герцога голштинскаго въ Россіи. Нужно было, говорили они, уступить царю болѣе чѣмъ бы слѣдовало, чтобы удержать его отъ покушенія на внутреннее спокойствіе королевства и отъ желанія ниспровергнуть настоящее его счастливое устройство въ пользу принца, который льстилъ самолюбію этого государя, прибѣгнувъ къ его покровительству. Такимъ хитрымъ способомъ они еще болѣе возстановили толпу противъ герцога. Она считала его виновникомъ своихъ потерь, не размышляя, что еслибъ ему оказали справедливость, она отъ большей части ихъ была бы избавлена.

Извѣстно, что по поводу упомянутаго торжества (по случаю заключенія мира) царь принялъ отъ своихъ народовъ титулъ Петра Великаго, Отца Отечества, Императора Всероссійскаго. Подъ предлогомъ празднованія радостнаго событія съ одинаковымъ блескомъ и въ древней столицѣ имперіи, и въ сущности, чтобъ приблизиться къ Персіи, онъ въ концѣ 1721 года переѣхалъ со всѣмъ дворомъ въ Москву.

III.

Никогда Портѣ не представлялось столь благопріятнаго случая распространить свои предѣлы со стороны Персіи, какъ во время возмущенія Миривейса. Приверженецъ секты Омара, онъ увѣрялъ, что вдохновенъ Богомъ и его великимъ пророкомъ Магометомъ къ истребленію Софи и его дома, которые служили опорой сектѣ Али. Муфти и янычары горѣли желаніемъ присоединить силы Султана къ войскамъ князя Кандагарскаго ([66]). Но великій визирь воспротивился этому и съумѣлъ внушить своему государю, что блистательной Портѣ приличнѣе покровительствовать несчастному монарху, чѣмъ возмутителю. Дабы заставить мятежниковъ уважать владѣнія его султанскаго величества, по всей персидской границѣ выставлены густыя колонны войскъ, и рѣшено благосклонно принимать бѣглецовъ изъ этого государства, а самому Софи воздать великія почести, если бы онъ вздумалъ искать убѣжища въ Турціи. Великій визирь былъ убѣжденъ, или по крайней мѣрѣ старался убѣдить своего государя, что персидское государство въ непродолжительномъ времени распадется само собою, и что тогда его величество воленъ будетъ взять все, что найдетъ для себя удобнымъ, а остальное великодушно возвратитъ законному государю. Онъ не воображалъ, что на сѣверѣ Персіи дѣятельный сосѣдъ уже готовился въ тишинѣ къ успѣхамъ, которые вскорѣ сильно встревожили диванъ.

([66]) Т. е. Миривейса. Этотъ знаменитый вождь, уроженецъ Кандагарской области, успѣлъ освободить свою родину изъ подъ власти Персидскаго шаха, нанесъ великія бѣды Персіи и умеръ самостоятельнымъ государемъ въ 1717 г. (См. Zedlers Universallexicon, т. 22. стр. 1743—1744). *Софи* есть названіе Персидскихъ шаховъ вообще. *П. Б.*

Прежде чѣмъ оставить Петербургъ и обезпеченныя Ништадскимъ миромъ завоеванія, чтобъ обратиться къ новымъ въ другой части свѣта, Петръ великій выразилъ радость свою по случаю этого славнаго мира болѣе блестящимъ дѣломъ, чѣмъ всѣ празднества. То была всеобщая амнистія, распространенная даже на злоумышленниковъ противъ его жизни, за исключеніемъ однихъ только убійцъ и объявлявшая сложеніе податныхъ недоимокъ со времени начала войны до 1718 г., составлявшихъ сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей. Въ указѣ, данномъ сенату (67), причина этихъ милостей выражена была въ слѣдующихъ словахъ: „Считая долгомъ воздать славу Всемогущему за благодать, ниспосланную намъ „при заключеніи мира и прежде, мы полагаемъ, что не можемъ показать этого „болѣе достойнымъ образомъ, какъ даруя „прощеніе и изливая благодѣянія на наши „народы“.

18-го декабря 1721 г. царь, во главѣ своихъ гвардейскихъ полковъ, торжественно вступилъ въ Москву, но отсрочилъ на шесть недѣль празднованіе мира, желая прежде всего внимательно обозрѣть приготовленія, предписанныя имъ по поводу предстоявшей войны противъ похитителя персидскаго престола, и приступить къ нѣкоторымъ распоряженіямъ, полезнымъ и необходимымъ для общаго блага. Единственное развлеченіе, которое онъ позволилъ себѣ въ это время труда, было *славленье* (68). Оно продолжается съ Рождества до дня св. Крещенія. Это ничто иное, какъ поѣзды въ саняхъ, предпринимаемые духовенствомъ для пѣнія по домамъ гимновъ въ честь Новаго года. Въ прежнія времена члены царской семьи не участвовали въ нихъ, и патріархъ, или какой нибудь архимандритъ, назначавшійся предводителемъ процессіи, хорошо угощаемый со всей его свитой, собиралъ щедрые дары отъ набожности людей богатыхъ; императоръ, напротивъ, любилъ еще и въ молодости пользоваться этимъ случаемъ, чтобъ удостоивать своего присутствія всѣ знатныя дома, и употреблялъ ихъ приношенія въ пользу госпиталей и другихъ благотворительныхъ заведеній. На сей разъ онъ ничего не собралъ, потому что допустилъ въ процессію князя-папу и его двѣнадцать кардиналовъ-пьяницъ, отъ чего она получила болѣе характеръ шутки, чѣмъ религіознаго обряда. Что касается до празднествъ по случаю мира, то монархъ открылъ ихъ раздачею изъ своихъ рукъ золотыхъ медалей, цѣною отъ 5-ти до 35 червонцевъ, всѣмъ своимъ подданнымъ и служителямъ, сколько нибудь извѣстнымъ, а также лицамъ знатнымъ высшаго духовенства, иностраннымъ министрамъ и министрамъ голштинскаго двора. Надпись на медаляхъ гласила, что онѣ сдѣланы изъ золота, добытаго въ русскихъ рудникахъ.

Послѣ этого, онъ ввелъ въ собраніе дочь свою царевну Елизавету Петровну, которой было двѣнадцать лѣтъ, приказалъ подать себѣ ножницы, обрѣзалъ помочи съ лифа ея робы, отдалъ ихъ ея гувернантѣ и объявилъ принцессу совершен-

---

(67) Полн. Собр. Законовъ, т. VI, № 3842

(68) *Славленье*, отъ *слава*, что значитъ *хвала*. Отсюда старинныя имена знатныхъ людей: Вити*славъ*, Прими*славъ*, Боги*славъ* и другія. Могущественная нація, древній языкъ которой былъ родоначальникомъ столькихъ новѣйшихъ языковъ европейскихъ, называлась *Славянскою*, т. е. достойною хвалы. Впослѣдствіи она была порабощена и разсѣяна; множество взятыхъ у нея плѣнныхъ, употребленныхъ на самыя низкія работы, превратило прежде столь знаменитое имя Славовъ или Эсклавовъ въ имя презрительное.

Примѣч. составителя „Записокъ“.

нолѣтнею; а вслѣдъ за тѣмъ надѣлъ на герцога Голштинскаго цѣпь и ленту ордена св. Андрея. Любовь къ морю нигдѣ не покидала царя. По его приказанію устроены были великолѣпныя маскерадныя катанья на саняхъ. Чтобъ восполнить недостатокъ моря и флота, санямъ придана была форма морскихъ судовъ, и изъ нихъ самыя небольшія могли вмѣстить отъ 10 до 12 человѣкъ, и везлись шестью лошадьми. Между ними наибольшее вниманіе обращали на себя турецкое судно (Saique) князя валашскаго, одѣвавшагося то муфтіемъ, то великимъ визиремъ, окруженнаго прекрасной и многочисленной турецкой свитой, и гондола императрицы, закрытая зеркальными стеклами и снабженная хорошо натопленною печью. Сани императора изображали военный 2 ярусный корабль съ 3 большими мачтами, надлежащимъ экипажемъ и поставленными между множествомъ фальшивыхъ десятью настоящими пушками, изъ которыхъ часто палили. Монархъ приказывалъ дѣлать на улицахъ всѣ морскіе маневры, такъ что даже полагали, что 16 лошадей, которые везли его корабль, только при помощи парусовъ могли сдвигать его съ мѣста.

1722. Возвратимся къ распоряженіямъ, которыя предшествовали этимъ забавамъ и нѣсколько задержали ихъ. Императоръ давно замѣчалъ все неудобство того, что сенаторы были президентами различныхъ судебныхъ мѣстъ: отсюда происходило, что всякій изъ этихъ господъ произвольно могъ располагать правосудіемъ въ своемъ вѣдомствѣ. Сопротивленія подчиненныхъ и жалобы обиженныхъ были безполезны, а аппеляціи въ Сенатѣ оставались безъ дѣйствія, потому что члены его взаимно покрывали другъ друга. Во избѣжаніе всего этого, императоръ 12 янв. 1722 г. повелѣлъ объявить въ Сенатѣ указъ, гласившій: „Что никому изъ наличныхъ сенаторовъ не дол„жно быть поручаемо управленіе отдѣль„нымъ вѣдомствомъ, дабы ничто не от„влекало ихъ отъ заботъ объ общемъ „благѣ имперіи; что президенты имѣютъ „являться въ Сенатъ лишь въ извѣстныхъ, „опредѣленныхъ случаяхъ, что приказы „или канцеляріи будутъ имѣть своихъ „прокуроровъ, а Сенатъ—генералъ-про„курора, къ которому первые обязаны „обращаться съ донесеніями; что Сенату „предоставляется предлагать извѣстное „число достойныхъ кандидатовъ, для заня„тія вакантныхъ мѣстъ въ различныхъ „совѣтахъ по вѣдомствамъ юстиціи, воен„ному, морскому, финансовому, горному, „мануфактурному, коммерческому, ино„странныхъ дѣлъ, и проч.; что изъ этихъ „кандидатовъ его императорское величе„ство будетъ утверждать тѣхъ, кого за„благоразсудитъ, за исключеніемъ только „лицъ, опредѣляемыхъ въ судебныя мѣ„ста; ему угодно, чтобъ въ этомъ случаѣ „избранные кандидаты бросали между со„бой жребій, дабы при раздачѣ мѣстъ, „столь важныхъ для блага гражданъ, не „могло возникнуть и малѣйшаго подозрѣ„нія въ расчетѣ или пристрастіи“. Эти выборы могли легко устроиться при общей ревизіи, назначенной въ Москвѣ для дворянъ и гражданскихъ и военныхъ чиновъ имперіи. Четыре указа или опредѣленія (edits) (отъ 8-го и 30-го августа, 24-го сент. и 24-го октября 1721 г.) послѣдовательно созывали ихъ ко времени пріѣзда императора. Но такъ какъ сборъ все еще не находили достаточно полнымъ, то послѣдовалъ пятый указъ отъ 11-го янв. 1722 г. (69) Онъ назначалъ 1-е марта послѣднимъ срокомъ для тѣхъ, которымъ дѣла или болѣзнь мѣшали до тѣхъ поръ явиться, и объявлялъ, что лица, которыя и затѣмъ не явятся и не представятъ законныхъ оправданій, будутъ соч-

(69) Полн. Собр. Законовъ, т VI, №№ 3816, 3817, 3825, 3836 и 3874.

тены ослушниками высочайшей воли, подвергнутся лишенію имуществъ и шельмованію, и кровь ихъ, если будетъ кѣмъ нибудь пролита, останется безъ отмщенія.

Такое строгое понужденіе заставляетъ наконецъ всякаго спѣшить появленіемъ на призывъ. Въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ оказывается лишь человѣкъ двадцать иностранцевъ. Призвавъ ихъ къ себѣ и выслушавъ списокъ ихъ именъ и должностей, государь обратился къ нимъ только съ слѣдующими немногими словами: „Идите по домамъ съ Богомъ". Природные же Русскіе подвергнуты были допросамъ въ присутствіи особо назначенныхъ по сему случаю комиссаровъ. По прочтеніи имъ увѣщанія говорить истину, которая одна могла уничтожить ихъ проступки, и избѣгать лжи, которая усилила бы заслуженное наказаніе, они между прочимъ должны были отвѣчать на слѣдующіе вопросы: Кѣмъ поручены имъ занимаемые ими должности, или какимъ образомъ они достигли ихъ? Не расхищали ли казны государевой? Не были ли публично наказываемы, и если были, то за какія вины? Страшное множество злоупотребленій открылось по протоколу этой коммиссіи. Царь удовольствовался простымъ дознаніемъ и не приказалъ производить по этому поводу никакого слѣдствія; но въ то же время онъ искусно воспользовался присутствіемъ всѣхъ именитыхъ и властныхъ особъ монархіи, дабы, опираясь на ихъ согласіе и присягу, сообщить силу основнаго закона имперіи своему знаменитому указу отъ 5-го февр. 1722 г. (70), коимъ давалось право русскимъ государямъ назначать себѣ преемниковъ, помимо условій кровнаго родства. Основою этому указу служилъ изданный государемъ въ 1714 г. законъ о цѣлости знатныхъ фамилій, которымъ установлялось: чтобъ недвижимыя имущества переходили, безъ раздѣла, къ одному сыну, но чтобъ отъ воли родителей зависѣло назначать наслѣдника и изъ младшихъ сыновей, если они находили, что старшій склоненъ къ расточительности. Вскорѣ послѣ того во всѣхъ провинціяхъ распространена была одобренная Сенатомъ и Синодомъ книга, подъ заглавіемъ: Священныя права монаршей воли въ избраніи наслѣдника престола (71). Внимательный ко всему, что касалось нравовъ его народа, императоръ повелѣлъ обнародовать 24-го янв. 1722 г. табель о рангахъ, чрезвычайно странную, но вполнѣ сообразную съ духомъ націи. Чины раздѣлялись въ этой росписи на 16 классовъ, начиная съ генералъ-адмирала, фельдмаршала, великаго канцлера, до прапорщика и морскаго и канцелярскаго коммиссара. Дворъ также былъ раздѣленъ по рангамъ. Дѣвицы стояли четырьмя классами ниже ихъ матерей; дочь кавалерійскаго генерала, на примѣръ, слѣдовала за женою бригадира и предшествовала женѣ полковника. Но сыновья вельможъ не пользовались наравнѣ съ дочерьми преимуществами отцовскихъ чиновъ. Положеніе гласило: что его императорскому величеству всегда пріятно будетъ видѣть ихъ при своемъ дворѣ, но внѣ ранга, хотя бы они происходили отъ благороднѣйшей фамиліи въ имперіи, до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтутъ чина собственными заслугами. Въ ассамблеяхъ и въ обществѣ чины не допускались; но еслибы кто нибудь въ торжественныхъ случаяхъ самовольно присвоилъ себѣ чинъ, ему не принадлежавшій, тотъ платилъ большой штрафъ, отъ чего не были изъяты и дамы. Всякій солдатъ дослужившійся до штабъ-офицерскаго чина, дѣлался дворяниномъ,

(70) Всѣ числа показаны здѣсь по старому стилю.

Примѣч. составителя Записокъ.

(71) Извѣстная: *„Правда воли монаршей,"* сочиненіе Ѳеофана Прокоповича.

и ему нельзя было отказать въ патентѣ и гербѣ, и наоборотъ, знатнѣйшій бояринъ, опозоренный наказаніемъ, полученнымъ отъ руки палача, понижался въ простолюдины. Такое повышеніе и пониженіе распространялось, впрочемъ, только на дѣтей, имѣющихъ родиться; рожденныя же прежде оставались въ томъ званіи, въ какомъ родились, если только милость или гнѣвъ царя не рѣшали иначе. Всякій молодой дворянинъ, желавшій вступить въ гражданскую службу, обязанъ былъ, какъ и въ военной службѣ, начинать съ низшихъ должностей. Если онъ гдѣ нибудь учился, то начиналъ съ чина прапорщика и въ одиннадцать лѣтъ безпорочной службы достигалъ чина полковника; если же нигдѣ не учился (и тогда его не смѣли опредѣлять иначе какъ за недостаткомъ человѣка ученаго), то долженъ былъ прослужить четыре года въ Приказѣ безъ чина (72), чтобъ искупить свое невѣжество, а потомъ повышался, какъ и другіе. Учреждена была должность оберъ-герольдмейстера, и тѣ, фамиліи которыхъ не были извѣстны, должны были доказать передъ нимъ права свои на дворянство. Здѣсь далеко не имѣлось въ виду униженіе дворянскаго сословія, напротивъ все клонилось къ тому, чтобъ внушить ему стремленіе отличаться отъ простолюдиновъ какъ заслугами, такъ и рожденіемъ. Расположеніе царя къ старинному дворянству обнаружилось потомъ въ 1723 г. еще тѣмъ, что онъ даровалъ эстляндскому дворянству отсрочку на десять лѣтъ въ платежѣ должныхъ имъ капиталовъ съ уменьшеніемъ притомъ слѣдовавшихъ по этому платежу процентовъ, для того, какъ сказано въ указѣ, чтобъ старинныя эстляндскія помѣстья не сдѣлались добычею городовъ и купцовъ. Москва, хотя и рѣдко удостоивалась присутствія государя, однакожъ тѣмъ не менѣе носила уже отпечатокъ его реформъ. Нравы ея жителей умягчались, ремесла и искусства въ ней совершенствовались. Прекрасная полотняная фабрика, устроенная купцомъ Тамсеномъ, производила уже полотна, которыя могли состязаться съ лучшими голландскими. Пастырскими попеченіями Синода (73), въ которомъ самъ императоръ былъ первымъ президентомъ, народъ начиналъ освобождаться отъ суевѣрій своихъ предковъ, или по крайней мѣрѣ привыкалъ спокойно смотрѣть на ихъ охужденіе. При погребеніи молдавскаго князя Кантакузена не было вовсе видно духовенства съ образами, какъ водилось въ старину, а вскорѣ послѣ того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, былъ обнародованъ указъ — не держать ихъ на улицахъ и въ маленькихъ часовняхъ, стоявшихъ на всѣхъ перекресткахъ, гдѣ они давали грубой черни поводъ къ идолопоклонству. Черезъ два года тоже самое сдѣлано было и въ С.-Петербургѣ (74).

(72) Въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Москвѣ было около тридцати Приказовъ, т. е. коллегій и канцелярій, для управленія дѣлами разныхъ провинцій. Петръ Великій многія изъ нихъ уничтожилъ, а остальныя привелъ въ большій порядокъ. *Примѣч. составителя Записокъ.*

(73) Синодъ тогда состоялъ изъ пятнадцати лицъ, а именно: 2-хъ президентовъ — императора и митрополита Рязанскаго; 2-хъ вице-президентовъ — архіепископовъ Новгородскаго и Псковскаго; 5-ти совѣтниковъ — архіепископа Крутицкаго и 4-хъ архимандритовъ, т. е. главные начальники монастырей въ провинціяхъ; 5-ти ассесоровъ, изъ которыхъ 2 протопопа, т. е. старшихъ священника изъ бѣлаго духовенства, обязанныхъ жениться, но по смерти женъ, не имѣющихъ права на вступленіе во второй бракъ безъ совершеннаго выхода изъ духовнаго званія.

Примѣч. состав. Записокъ.

(74) См. въ Полн. Собр. Зак., т. VI, № 3765, Синодскій указъ отъ 20 марта 1720 года. Онъ касался вовсе не иконъ, а листовъ разныхъ изображеній, служебниковъ и канонoвъ, изданныхъ безъ позволенія Синода.

Но вотъ все готово къ Каспійскому походу. Публикуется манифестъ съ объясненіемъ, что императоръ желаетъ только наказать невѣжественныхъ хановъ, позволившихъ себѣ оскорбить его, и хочетъ привести къ повиновенію непокорныхъ подданныхъ шаха Гуссейна, на защиту котораго считаетъ себя обязаннымъ стать изъ великодушія. Такое же объясненіе отправляютъ и въ Константинополь; но тамъ, не смотря на подозрѣнія, возбужденныя имъ въ диванѣ, мирное расположеніе великаго визиря сдерживаетъ военный пылъ янычаръ. Поэтому царь, не расчитывавшій на такой счастливый оборотъ дѣлъ и ожидавшій, что Порта вмѣшательствомъ своимъ превратитъ войну эту въ крайне ожесточенную, счелъ необходимымъ лично принять начальство надъ своими войсками. Онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія, указывавшія на возможность долгаго его отсутствія и повелѣлъ до своего возвращенія Сенату и другимъ правительственнымъ мѣстамъ пребывать въ Москвѣ.

Такъ какъ въ это время нѣкоторые изъ сенаторовъ, подстрекаемые Кампредономъ, представили ему, что герцогъ Голштинскій, ненавистный для Швеціи и Даніи, можетъ послужить этимъ двумъ державамъ предлогомъ къ нападенію на границы государства, съ такимъ блескомъ оказывающаго ему свое покровительство, то онъ поручилъ внушить этому принцу, что онъ избавилъ бы отъ всякаго безпокойства его императорское величество, если бы удалился въ свои владѣнія и остался тамъ до возвращенія государя изъ Персіи. Оскорбленный такимъ предложеніемъ, герцогъ поручилъ своему министру Бассевичу войдти съ надлежащими представленіями объ отмѣнѣ подобнаго требованія. Министръ обратился къ содѣйствію императрицы, которая неотступными просьбами добилась для герцога позволенія остаться въ Москвѣ, съ достаточнымъ числомъ солдатъ-преображенцевъ, назначенныхъ ему для карауловъ. Кромѣ того, онъ получилъ даже разрѣшеніе посѣщать императорскихъ принцессъ. «Ждите терпѣливо нашего возвращенія», сказала императрица графу Бассевичу: „ничто не измѣнитъ моей материнской нѣжности къ вашему государю и моего желанія видѣть дочь мою на престолѣ государства, подданною котораго я родилась.“ Принцессы однакожъ, вслѣдствіе секретнаго приказанія, даннаго императоромъ Менщикову, черезъ мѣсяцъ уѣхали въ Петербургъ. Екатерина и въ этомъ походѣ раздѣляла опасности и славу своего супруга. По пути онъ обозрѣлъ восточныя области имперіи, до тѣхъ поръ ему незнакомыя. Казань, лѣса которой снабжали его верфи строевымъ лѣсомъ и которая въ продолженіе трехъ вѣковъ не видала царей, Астрахань, которая никогда не была посѣщаема ими, отпраздновали его пріѣздъ большими увеселеніями. Есть достовѣрное описаніе этой Каспійской кампаніи въ мемуарахъ, изданныхъ въ свѣтъ подъ именемъ Нестесураноя (75), и авторъ «Преображенной Россіи» (76) приводитъ объ ней также нѣкоторыя весьма замѣчательныя подробности. Походъ былъ очень труденъ по причинѣ жаровъ, свойственныхъ климату тѣхъ мѣстъ. Болѣе 300 русскихъ солдатъ умерло отъ солнечныхъ ударовъ, такъ что императоръ запретилъ, подъ страхомъ смерти, снимать на открытомъ воздухѣ шляпу для поклоновъ, съ 5 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Послѣ

---

(75) Книга эта вышла въ Гаагѣ въ 1725 году подъ заглавіемъ: *Mémoires du règne de Pierre le Grand, pas le baron Iwan Nestesuranoy* 4 тома in 12°, Авторомъ ея былъ Французъ Руссе (Rousset).

(76) Извѣстное сочиненіе брауншвейгскаго резидента въ Россіи Вебера «Das veränderte Russland etc,» вышедшее въ свѣтъ въ первый разъ въ 1721 году.

многихъ завоеваній, изъ которыхъ всѣхъ значительнѣе былъ Дербентъ, монархъ нашелся вынужденнымъ остановить быстрые успѣхи своего оружія по причинѣ бури, отъ которой при устьѣ Волги и по берегамъ Дагестана погибли почти всѣ суда, нагруженныя припасами и шедшія изъ Астрахани. Онъ предпринялъ тогда обратный путь въ этотъ городъ, куда пріѣхалъ къ концу сентября, поручивъ продолженіе военныхъ дѣйствій своимъ генераламъ. Астрахань, разстояніемъ отъ Москвы около 200 миль ([77]), стоитъ на рѣкѣ Волгѣ, которая въ 12 миляхъ ниже впадаетъ въ Каспійское море. Городъ этотъ ведетъ большую торговлю съ Индійцами, Персіянами, Армянами и Татарами. Тамошняя почва производитъ превосходные плоды, но дурныя вина, потому что содержатъ въ себѣ много соли. На западъ простирается безплодная равнина до самаго Чернаго моря на пространствѣ 80-ти миль. Она перерѣзана болотистыми мѣстами и покрыта слоемъ чистой, прозрачной соли, толщиною въ палецъ. Чѣмъ больше ее снимаютъ, тѣмъ больше она выдается изъ земли, а жгучіе солнечные лучи высушиваютъ ее и очищаютъ. Императоръ пробылъ въ Астрахани болѣе двухъ мѣсяцевъ для разныхъ распоряженій и для принятія многихъ депутацій отъ Татаръ. Донесеніями изъ Москвы его увѣдомили, что открытіе сейма въ Швеціи назначено на 23-е января слѣдующаго года; поэтому онъ посовѣтовалъ герцогу Голштинскому послать туда графа Бассевича хлопотать о признаніи за первымъ титула королевскаго высочества и права престолонаслѣдія, обѣщая съ своей стороны всѣми силами поддержать эту негоціацію чрезъ посланника своего въ Стокгольмѣ, графа Бестужева ([78]), и принять на себя всѣ по ней расходы. Герцогъ повиновался; Сенатъ выплатилъ графу Бассевичу 10,000 руб. на путевыя издержки, и данныя ему инструкціи были составлены по плану монарха, который тутъ и себя не забылъ, потому что двумя первыми пунктами предписывалось стараться о признаніи за нимъ императорскаго титула и о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза между Россіею и Швеціею. Изъ Астрахани герой прибылъ въ Царицынъ, гдѣ съ грустью увидѣлъ брошенныя работы, долженствовавшія соединить Волгу съ Дономъ или Танаисомъ и исполнявшіяся послѣдовательно полковникомъ Брекелемъ, инженеромъ Перри и княземъ Матвѣемъ Петровичемъ Гагаринымъ, который довелъ уже ихъ до того, что въ 1707 г. сотни купеческихъ судовъ свободно могли ходить по каналамъ, соединявшимъ нѣсколько промежуточныхъ рѣкъ, которыя снабжали ихъ водою. Работы эти оставались безъ поддержки по небрежности или недобросовѣстности губернаторовъ областей, столь удаленныхъ отъ надзора государя. Петръ Великій имѣлъ въ виду возстановить ихъ и устроить соединеніе четырехъ морей, прилегающихъ къ границамъ его владѣній, а именно: Чернаго, Каспійскаго, Бѣлаго и Балтійскаго. И вотъ какимъ образомъ: Донъ впадаетъ въ Сивашъ ([79]), соединяющійся проливомъ съ Чернымъ моремъ. Этой рѣкою нужно идти вверхъ

([77]) Здѣсь разумѣются большія нѣмецкія мили, изъ которыхъ каждая равняется 7-ми русскимъ верстамъ. *Примѣч. составителя „Записокъ“.*

([78]) Графа Михаила Петровича (1688—1760), который былъ старшимъ братомъ гр. Алексѣя Петровича, впослѣдствіи славнаго канцлера. Это былъ первый по заключеніи мира нашъ посланникъ въ Швеціи; онъ получалъ жалованья 3300 рублей. П. Б.

([79]) Или такъ называемое *Гнилое море*, большое озеро длиною 140, шириною 14 верстъ, находящееся на восточной оконечности Азовскаго моря, которое Керченскимъ проливомъ соединяется съ Чернымъ моремъ.

до Ивановскаго озера (Ivanozés), гдѣ она беретъ начало; оттуда начинается дорога, проложенная до Волги, а Волгою суда могутъ или спуститься къ Каспійскому морю, или подняться къ Ладожскому каналу и продолжать путь по быстрому теченію Невы въ Балтійское море; наконецъ Двина, соединенная этимъ каналомъ посредствомъ другаго побочнаго канала, открываетъ путь къ Бѣлому морю, въ которое она впадаетъ. Ни одинъ изъ этихъ каналовъ не былъ совершенно доведенъ до окончанія, исключая канала, обезсмертившаго имя графа Миниха, которому императоръ, обманутый прежними строителями, поручилъ его устройство и которымъ онъ былъ оконченъ въ царствованіе Петра II. Еслибъ можно было воспользоваться Ладожскимъ озеромъ, которое этотъ каналъ окаймляетъ не въ дальнемъ растояніи, то это значительно сократило бы работы; но коварное озеро поглощаетъ слишкомъ много судовъ. Искусство и опытность мореходовъ здѣсь совершенно безполезны. Кромѣ почти постоянно бушующихъ волнъ, трудно измѣрить его глубину, которая въ одномъ и томъ же мѣстѣ показываетъ одинъ день нѣсколько брассовъ ([80]), а черезъ нѣсколько дней ни одного. Великій царь приписывалъ это необыкновенное явленіе пловучимъ песчанымъ мелямъ, отделяющимся со дна или отъ сильнаго напора волнъ, или отъ изверженія какого нибудь маленькаго подземнаго волкана.

Герой нашъ въѣхалъ въ Москву съ торжествомъ побѣдителя, предшествуемый своими трофеями, въ тотъ же день (18-го декабря) какъ и за годъ передъ тѣмъ, когда онъ вступилъ въ эту столицу, осѣненный славою заключеннаго мира съ Швеціею. Въ Сенатѣ царствовалъ раздоръ. Два съ небольшимъ мѣсяца до того ([81]) Меншиковъ и Шафировъ въ этомъ высокомъ собраніи наговорили другъ другу такихъ вещей, которыя не прощаются. Жалобы Шафирова были посланы къ монарху въ Царицынъ; Меншиковъ съ своими явился по пріѣздѣ государя. У обоихъ были сильные враги. Давно уже великій канцлеръ графъ Головкинъ питалъ непріязнь къ Шафирову, любившему роскошь и хорошій столъ и осмѣивавшему безъ милосердія его скупость, иногда постыдную, но бывшую, единственнымъ недостаткомъ человѣка очень честнаго и способнаго. Исходъ дѣла былъ несчастливъ для Шафирова. Его лишили всѣхъ должностей и знаковъ отличія, всего имущества, а самъ онъ былъ приговоренъ къ отсѣченію головы. Все, что могли сдѣлать въ его пользу неотступныя просьбы императрицы, противопоставлявшей чернымъ обвиненіямъ, взводимымъ на него, счастливо веденные имъ переговоры при Прутѣ, было дарованіе ему жизни; но онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ вынести весь позоръ эшафота, и помилованіе возвѣстили лишь тогда, когда палачь поднялъ уже топоръ. По приказанію императрицы хирургъ ([82]) немедленно пустилъ ему кровь, въ которой не нашелъ ни малѣйшаго слѣда волненія. Шафировъ сказалъ ему: «Лучше было бы, еслибъ вмѣсто васъ палачь пустилъ мнѣ кровь изъ большой артеріи; жизнь моя истекла бы вмѣстѣ съ нею!» Онъ не предвидѣлъ, что черезъ немного лѣтъ Екатерина, сдѣлавшись императрицею, возвратитъ его изъ ссылки, и что другъ, тогда отсутствовавшій (графъ Бассевичъ) смягчитъ ненависть Меншикова до степени совершеннаго примиренія, которое воз-

([80]) Мѣра, равняющаяся 5—6 футамъ, или 2 франц. метрамъ (около $2^1/_2$ аршинъ).

([81]) Ссора Меньшикова съ Шафировымъ въ Сенатѣ произошла 31 октября 1722 г; слѣд. къ 18 декабря не прошло съ того времени и двухъ мѣсяцевъ.

([82]) Хирургъ этотъ былъ извѣстный при Петрѣ великомъ Жанъ Хови.

становитъ его, Шафирова, въ прежнихъ почестяхъ. Не смотря на видимый перевѣсъ Меншикова, дѣло это навлекло ему много непріятностей. Толки, возбужденные имъ, убѣдили императора, что князь при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ, былъ неисправимъ въ скупости и происходящей отъ нея алчности. Монархъ слишкомъ любилъ его, чтобъ рѣшиться подвергнуть его публичному наказанію, но въ тоже время счелъ долгомъ правосудія наказать его келейно, и для этого онъ употребилъ свою собственную руку. Прекрасныя украинскія помѣстья, принадлежавшія Меншикову, были у него отобраны, и онъ, кромѣ того, заплатилъ 200,000 руб. штрафа. Когда императоръ пріѣхалъ къ нему въ первый разъ послѣ этой немилости, онъ увидѣлъ, что стѣны его дворца оклеены грубыми обоями, которыя употребляются въ Москвѣ людьми низкаго званія. Монархъ выразилъ свое удивленіе. «Увы!» сказалъ князь,» я долженъ былъ продать свои бо«гатые обои, чтобъ расплатиться съ каз«ною.»—«Мнѣ здѣсь не нравится, отвѣ«чалъ императоръ строго, «и я уѣзжаю; «но я пріѣду на первую ассамблею, ко«торая должна быть у тебя, и если тогда «я не найду твой домъ убраннымъ такъ «какъ прилично твоему сану, ты запла«тишь другой штрафъ, равный первому.» Онъ пріѣхалъ, нашелъ убранство, достойное герцога Ингрійскаго, похвалилъ все, не упомянувъ ничего о прошломъ, и былъ очень веселъ.

1723. Сенаторъ князь Голицынъ ([83]), замѣшанный въ дѣлѣ несчастнаго Шафирова, былъ присужденъ, какъ и многіе другіе, къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Но по прошествіи четырехъ дней наступила годовщина бракосочетанія императрицы, и такъ какъ она удостоила просить за него, то императоръ возвратилъ ему свободу и чинъ, пославъ его выразить свою благодарность у ногъ Екатерины, когда она вышла въ залу собранія для принятія привѣтствій и поздравленій. Вечеромъ передъ ея окнами сожженъ былъ фейрверкъ, изобрѣтенный ея супругомъ. Онъ изображалъ соединенный именной шифръ ихъ въ сердцѣ, украшенномъ короною и окруженномъ эмблемами нѣжности. Фигура, изображавшая Купидона со всѣми его аттрибутами, кромѣ повязки, пущенная рукою самого государя, казалось, летѣла на крыльяхъ и зажгла все своимъ факеломъ. Нѣсколько дней спустя, наканунѣ отъѣзда двора въ Петербургъ ([84]) (25 февраля) императоръ устроилъ другаго рода огненную потѣху, менѣе любезную, но весьма странную. Онъ собственноручно зажегъ свой старый деревянный дворецъ въ Преображенскомъ, построенный въ 1690 г. Такъ какъ его обложили фейерверочными матеріалами, то зданіе это долго горѣло разноцвѣтными огнями, которые обнаруживали его архитектуру и дѣлали прекраснѣйшій эффектъ; но когда матеріалы сгорѣли, глазамъ представилося одно безобразное пожарище, и монархъ сказалъ герцогу Голштинскому: „Вотъ образъ войны: блестя„щіе подвиги, за которыми слѣдуетъ раз„рушеніе. Да исчезнетъ вмѣстѣ съ этимъ „домомъ, въ которомъ выработались мои „первые замыслы противъ Швеціи, вся„кая мысль, могущая когда нибудь снова „вооружить моею руку противъ этого „государства, и да будетъ оно наивѣр„нѣйшимъ союзникомъ моей имперіи!»

По возвращеніи въ С. Петербургъ, императоръ нашелъ сестру свою царевну

([83]) Князь Дмитрій Михайловичъ, который въ это время былъ президентомъ камеръ-коллегіи, и впослѣдствіи, при Екатеринѣ I и Петрѣ II, находился въ числѣ членовъ верховнаго тайнаго совѣта.

([84]) Въ подлинникѣ *Petershoff*; но это явная опечатка.

Марію Алексѣевну въ предсмертной агоніи. Замѣшанная въ суздальскомъ дѣлѣ, она нѣсколько лѣтъ содержалась въ Шлюссельбургѣ, а потомъ въ одномъ изъ дворцовъ столицы, гдѣ, кромѣ запрещенія выѣзжать со двора, она ни въ чемъ не терпѣла недостатка и могла жить, какъ ей угодно. Постель ея была окружена попами, которые, слѣдуя старинному способу успокоенія душъ умирающихъ, приносили ей питье и пищу, спрашивая жалобнымъ голосомъ, имѣетъ ли она въ изобиліи на этомъ свѣтѣ все, что нужно для поддержанія жизни? Разгнѣванный тѣмъ, что осмѣлились исполнять въ его собственномъ семействѣ нелѣпый обычай, оставленный уже и чернью, монархъ съ позоромъ прогналъ этихъ невѣжественныхъ поповъ отъ умирающей царевны. Ее похоронили съ такими почестями, какъ будто она никогда не была въ немилости.

Петръ Великій любилъ великолѣпіе въ празднествахъ; но частная его жизнь отличалась необыкновенною простотой: вилка и ножъ съ деревянными черенками, халатъ и ночной колпакъ изъ посредственнаго полотна, одежда, пригодная для занятій плотничною и другими работами, въ которыхъ онъ часто упражнялся. Когда не было санняго пути, онъ ѣздилъ по городу въ одноколкѣ, имѣя одного деньщика рядомъ съ собою, другаго слѣдовавшаго позади верхомъ. Поэтому Петербургъ однажды былъ удивленъ, увидѣвъ его выѣзжающимъ изъ своихъ воротъ въ богатомъ костюмѣ, въ прекрасномъ фаэтонѣ, запряженномъ шестью лошадьми, и съ отрядомъ гвардіи. Онъ отправлялся на встрѣчу князю Долгорукову и графу Головкину, старшему сыну великаго канцлера ([85]), отозваннымъ отъ ихъ посольствъ для поступленія въ Сенатъ. Долгорукій, украшенный орденомъ Слона, провелъ пятнадцать лѣтъ въ Копенгагенѣ и Парижѣ; Головкинъ, имѣвшій Чернаго Орла, — въ Берлинѣ. Оба были съ отличными способностями и превосходно образованы. Императоръ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу за нѣсколько верстъ (которыхъ 7 составляютъ одну большую нѣмецкую милю) отъ города, посадилъ ихъ къ себѣ въ фаэтонъ, возвратился въ свою резиденцію и провезъ ихъ по всѣмъ главнымъ улицамъ до своего дворца, гдѣ назначилъ большое собраніе. „Не справедливо ли было съ моей стороны, сказалъ онъ, входя туда съ „съ ними, поѣхать и привезти къ себѣ „съ почетомъ сокровища знаній и добрыхъ нравовъ, для пріобрѣтенія которыхъ эти благородные Русскіе отправились къ другимъ народамъ, и которыя „нынѣ они приносятъ къ намъ?“

Съ марта мѣсяца адмиралтейству отданъ былъ приказъ государя снарядить въ Кронслотѣ 100 галеръ, 28 военныхъ кораблей и 14 фрегатовъ, снабдивъ ихъ припасами на шесть мѣсяцевъ. Онъ объявилъ, что самъ приметъ начальство надъ этимъ флотомъ; но не возьметъ себѣ того корабля, на которомъ до сихъ поръ плавалъ, и который желаетъ не подвергать болѣе случайностямъ битвъ и волнъ, а сохранить, потому что былъ на немъ въ 1716 г., когда командовалъ четырьмя флотами разныхъ націй ([86]). Онъ выбралъ себѣ другой корабль съ именемъ, означавшимъ счастливое для него предзнаменованіе, а именно корабль „Екатерину“ названный имъ такъ за превосходство его постройки и за изящество украшеній, съ которыми ничто не могло сравниться, хотя все было сдѣлано въ С. Петербургѣ.

Всѣ эти приготовленія имѣли цѣлью на-

([85]) Князю Василію Лукичу Долгорукову и графу Александру Гавриловичу Головкину, который былъ не старшимъ, а вторымъ сыномъ великаго канцлера: старшаго его сына звали Иваномъ.

([86]) Это было, какъ уже упомянуто выше, въ Копенгагенѣ 16 августа 1716 года.

вести ужасъ на враговъ герцога Голштинскаго въ Стокгольмѣ, гдѣ дебютъ графа Бассевича былъ очень не удаченъ. Ему дали знать стороною, что королева никогда не захочетъ дать аудіенціи эмиссару герцога Карла Фридриха, что король въ угоду ей также не согласится на это. Оба въ то же время объявили, что имъ будетъ непріятно, если его станутъ посѣщать. Онъ вооружился терпѣніемъ, чтобъ не испортить совершенно дѣла и, умалчивая пока о главномъ предметѣ своего посольства, просилъ дать ему возможность выразить предъ лицемъ престола: „что герцогъ признаётъ права того, кто возведенъ на тронъ милостію королевы, его тетки, и что подчиняется постановленіямъ отечества, которое слишкомъ дорого его сердцу, чтобъ онъ могъ рѣшиться внести въ него раздоръ.“ Многіе Шведы, тронутые такими словами, нашли жестокимъ поведеніе Сената и двора въ отношеніи августѣйшаго потомка древнихъ королей; а многочисленные офицеры, возвратившіеся изъ русскаго плѣна, и при проходѣ черезъ Москву, осыпанные щедротами Карла Фридриха (которыя шли чрезъ руки графа Бассевича), считали за низость, если, въ угоду неумолимой королевѣ, не окажутъ ему должнаго почтенія. Скоро при помощи обѣдовъ, на которыхъ царствовали изобиліе и веселіе, и на которые принимались всѣ съ распростертыми объятіями, Бассевичъ увидѣлъ свой домъ постоянно наполненнымъ гостями. Увѣрившись въ значительномъ числѣ приверженцевъ, могущихъ противодѣйствовать сторонникамъ двора, онъ нашелъ, что ему остается только запугать послѣднихъ, и это удалось ему при содѣйствіи кронслотскаго вооруженія. Шведскій сеймъ настоятельно потребовалъ отъ короля: не упорствовать въ отказѣ, за который будетъ порицать его вся Европа и который могъ поставить королевство въ непріятное положеніе. Тогда аудіенція наконецъ состоялась 8-го апрѣля, съ большою торжественностью и пышностью. Графъ Бассевичъ поздравилъ короля съ восшествіемъ на престолъ, увѣряя, что герцогъ одобряетъ сдѣланное націею въ пользу его величества и проситъ его только помнить, что, нося корону Вазъ, онъ долженъ замѣнить отца ихъ единственному потомку, питающему къ нему совершеннѣйшую сыновнюю привязанность. Король отвѣчалъ благосклонно, увѣряя герцога въ своей любви и въ чувствахъ уваженія къ нему народа, который никогда не перестанетъ заботиться объ его счастіи. Когда примиреніе такимъ образомъ, повидимому, совершилось, министръ рѣшился приступить къ открытымъ переговорамъ. Вскорѣ онъ заявилъ сословіямъ требованіе о признаніи за герцогомъ титула королевскаго высочества, объ обезпеченіи права его на наслѣдованіе престола и объ обѣщаніи ему содѣйствія для возвращенія герцогства Шлезвигскаго. Немного спустя, Бестужевъ предложилъ имъ наступательный и оборонительной союзъ своего государя и просилъ о признаніи за нимъ императорскаго титула.

Между тѣмъ какъ пренія и интриги волновали Стокгольмъ, успѣхи русскихъ генераловъ въ Персіи возбудили тревогу въ диванѣ. Тамъ сильно занялись вопросомъ: можетъ ли быть долѣе терпима опасная помощь, оказываемая Софи царемъ? Какъ ни отличался миролюбіемъ великій визирь, но невыгоды, которыя Порта могла понести отъ того, были такъ ясны, что онъ уже не дерзалъ противорѣчить тѣмъ, которые стояли за войну. Капиджи-паша, уполномоченный выразить неудовольствія его султанскаго величества, послѣдовалъ за Петромъ великимъ изъ Астрахани въ Москву. Его приняли привѣтливо, но забавляли извиненіями въ родѣ того, что никакъ не думали, что Порта интересует-

ся Миривейсомъ или ханомъ Дагестанскимъ, что честь не позволяетъ отказаться отъ сдѣланныхъ уже завоеваній, и что этими завоеваніями и ограничатся. Видя наконецъ въ самомъ дѣлѣ, что императоръ 25 февраля оставилъ Москву и возвратился въ Петербургъ, Турокъ былъ нѣкоторое время въ полномъ убѣжденіи, что Русскіе не думаютъ болѣе о новыхъ завоеваніяхъ въ Азіи; но такъ какъ ему пришлось остаться въ Москвѣ до апрѣля въ ожиданіи возвращенія курьера, отправленнаго Кампредономъ къ де Бонаку, французскому посланнику въ Константинополѣ, то отъ него не легко было скрыть приготовленій къ такой же компаніи, какъ и предшествовавшая. Донесенія его объ нихъ сильно встревожили султана. Области, какъ покоренныя русскимъ императоромъ, такъ и тѣ, на которыя онъ, по общественному мнѣнію, простиралъ еще свои виды, составляли нѣкогда владѣнія, отторгнутыя отъ турецкой имперіи. Миривейсъ, какъ правовѣрный, обязывался возвратить ихъ Портѣ, если она не откажетъ ему въ своей дружбѣ; и она готова уже была заключить съ нимъ союзъ и поднять знамя войны противъ Россіи; но предложеніе Петра великаго войти въ соглашеніе съ нею при посредничествѣ французскаго посланника, успокоило ее. Франціи хотѣлось предупредить разрывъ между Россіею и Портою, потому что въ Вѣнѣ поговаривали о соединеніи съ петербургскимъ дворомъ противъ общаго врага христіанства, и по слабости турецкаго правительства, могли быть сдѣланы пріобрѣтенія отъ Турціи, которыя въ дѣлахъ Европы, дали бы перевѣсъ Австрійскому дому. Г. де Бонакъ приступилъ къ переговорамъ. Онъ объявляетъ извѣстія о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Россіи ложными слухами, потомъ удивляется, когда онѣ оказываются вѣрными, посылаетъ по этому случаю жалобы въ Петербургъ и ждетъ на нихъ отвѣта, а между тѣмъ войска завоевателя выигрываютъ время и подвигаются впередъ, покоряютъ Гилянъ, а наконецъ 28-го іюля берутъ Баку, городъ въ высшей степени важный по своему порту на Каспійскомъ морѣ и по нахожденію въ его окрестностяхъ петролея ([87]), много лучшаго въ сравненіи съ тѣмъ, который добывается въ Италіи. Это драгоцѣнное масло вытекаетъ тамъ изъ скалъ съ шумомъ, подобнымъ тому, какой бываетъ отъ кипящей воды, и сбытъ его производится на значительныя суммы. Взятіе этого города было конечною цѣлію Петра великаго. Онъ приказалъ продолжать военныя дѣйствія только для того, чтобъ не подать повода думать, будто онъ покидаетъ Софи, стѣсненное положеніе котораго было выставлено имъ, какъ поводъ къ войнѣ.

Бестужеву и Бассевичу было гораздо труднѣе справляться съ шведскимъ сеймомъ, чѣмъ маркизу де Бонаку забавлять диванъ. Согласіе на признаніе за герцогомъ Голштинскимъ титула королевскаго высочества послѣдовало черезъ шесть недѣль послѣ аудіенціи его посланника у короля, и лишь тогда шведскій посланникъ въ Петербургѣ сдѣлалъ свой первый, очень почтительный визитъ герцогу, котораго до того времени не рѣшался посѣщать. Чтобъ еще болѣе придать вѣса помощи Россіи, оказываемой этому принцу въ его притязаніяхъ на наслѣдованіе престола, графъ Бассевичъ настаивалъ, чтобъ императоръ обручилъ съ нимъ царевну Анну Петровну. Монархъ отвѣчалъ: что по законамъ шведскимъ предполагаемый наслѣдникъ престола не можетъ вступить въ бракъ иначе, какъ съ согласія сословій, что слѣдовательно нужно получить его, и что если царевна не покажетъ расположенія къ герцогу, то онъ, какъ нѣжный отецъ, никогда не

([87]) Нефти.

потребуетъ отъ нея повиновенія, не будучи напередъ увѣреннымъ, что она захочетъ удовлетвориться славою, въ ущербъ сердечной склонности.

Такія слова, казалось, предавали судьбу Карла Фридриха на произволъ его враговъ. Министръ опасался, что императоръ, подъ нерасположеніемъ дочери, скрывалъ свое собственное. Ему хотя и нравился живой и образованный умъ герцога, но тѣмъ не менѣе онъ порицалъ въ немъ недостатокъ дѣятельности, проистекавшій отъ деликатности его организма, слишкомъ изнѣженнаго въ дѣтствѣ попеченіями королевы, его бабки, и природную наклонность къ покою и забавамъ. Впрочемъ не за этимъ останавливалось дѣло, а скорѣе за тѣмъ, что тутъ вмѣшались происки Кампредона, который сильно противодѣйствовалъ ему, какъ изъ боязни французскаго двора увидѣть соединеніе коронъ шведской и русской въ лицѣ одного государя, такъ и изъ особенной преданности, которую онъ, Кампредонъ, питалъ къ особѣ короля Фридриха I ([88]). Императоръ считалъ Кампредона нужнымъ человѣкомъ, чтобъ еще болѣе привлечь на свою сторону Бонака, а Бонакъ ему нуженъ былъ, чтобъ избавиться отъ Турокъ. Герцогу поэтому приходилось ждать. Отъ него и отъ его министра, разумѣется, тщательно все это скрывали. Кампредонъ былъ очень проницателенъ: ихъ спокойствіе возбудило бы въ немъ подозрѣнія, и на оборотъ ихъ безпокойство и волненіе успокоивали его. Графъ Бассевичъ, твердый въ преслѣдованіи своей цѣли, рѣшается дѣйствовать не прямо: онъ повѣряетъ за тайну людямъ наиболѣе способнымъ разгласить ее, что бракъ его государя, давно уже рѣшенный, замедляется только потому, что онъ не хочетъ во время такого кризиса, какъ сеймъ, трогать предубѣжденія націи противъ принцессы, воспитанной въ деспотической средѣ; но что дѣло приближается къ концу и повлечетъ за собою непріятныя для Шведовъ послѣдствія, если только они не изъявятъ согласія на этотъ бракъ и тѣмъ не польстятъ императору, который, принявъ это за знакъ уваженія къ своему дому и расположенія къ своему нареченному затю, повѣритъ ихъ чувствамъ и перемѣнитъ намѣреніе, для выполненія котораго вооружилъ свой флотъ. Извѣстіе это шло отъ человѣка, который, хотя и пламенно желалъ короны для своего государя, но въ то же время какъ бы ужасался деспотизма, противнаго правамъ и привиллегіямъ шведской націи. Въ это самое время русскій флотъ, состоявшій изъ 24 военныхъ кораблей и 5 фрегатовъ, появился въ 12 миляхъ отъ Стокгольма. Петръ великій самъ находился на немъ, сопровождаемый герцогомъ Голштинскимъ, который настоятельно наказывалъ своему министру не щадить ни трудовъ, ни денегъ для обезпеченія ему неопровержимаго права на наслѣдованіе престола. Скоро онъ получилъ отъ него извѣстіе, что партія его королевскаго высочества пріобрѣла такую силу, что еслибъ онъ былъ въ Швеціи, то она теперь же была бы въ состояніи вручить ему скипетръ его предковъ. Но увлекаемый великодушіемъ, которому исторія представляетъ мало примѣровъ, герцогъ, не сказавъ ничего императору, отвѣчалъ въ ту же минуту: „что подобная революція довершила бы разореніе его отечества, безъ того уже опустошеннаго столькими войнами; что лучше онъ согласится никогда не царствовать, чѣмъ такою цѣною купить корону; что онъ довольствуется правомъ на наслѣдство и запрещаетъ превышать данныя отъ него инструкціи.“ Онъ прибавилъ приказаніе сжечь это письмо, не показывая его никому, потому что неблагодар-

---

([88]) Короля шведскаго, бывшаго принца Гессенъ-Кассельскаго, супруга Ульрики Элеоноры.

ные Шведы, узнавши слабость къ нимъ герцога, пожалуй употребили бы ее во зло.

Не смотря на такое запрещеніе, графъ Бассевичъ отправился съ этимъ письмомъ къ гордому Арведу Горну. „Узнайте, графъ," сказалъ онъ ему, „принца, котораго вы безславите и преслѣдуете. Осмѣлитесь ли вы доводить его до крайности?" Онъ далъ ему прочитать письмо, потомъ поднесъ его къ зажженной свѣчѣ и сжегъ. Тронутый Арведъ Горнъ обѣщалъ все и многое исполнилъ. Но прежде посмотримъ, что дѣлалъ императоръ на своемъ флотѣ, который не много спустя возвратился въ С. Петербургъ, гдѣ ожидали посланника отъ Софи.

Флотъ этотъ сдерживалъ какъ Данію, такъ и Швецію. Копенгагенскій дворъ ожидалъ высадки для завоеванія Шлезвига. Но осторожный императоръ былъ далекъ отъ этого. Онъ прежде всего хотѣлъ обезпечить право на шведскій престолъ за своимъ будущимъ зятемъ, а Шлезвигъ оставлялъ какъ легкое пріобрѣтеніе, когда онъ утвердится на престолѣ, и какъ орудіе для понужденія Даніи содѣйствовать герцогу къ вступленію на престолъ за уступку ей наслѣдственныхъ его земель.

За нѣсколько дней до выхода въ море, государь послалъ генерала Бона къ герцогу Мекленбургскому съ приглашеніемъ пріѣхать къ его двору для свиданія съ герцогиней, его супругой, находившейся тамъ уже около года. Принцъ этотъ, лишенный права управлять своими владѣніями, велъ уединенную жизнь въ Данцигѣ, отыскивая философскій камень. Охранители Нижне-Саксонскаго округа управляли его провинціями и содержали тамъ войска, нанятыя на его счетъ, между тѣмъ какъ его собственныя, которыхъ онъ не хотѣлъ распустить, жили трудами рукъ своихъ въ Украйнѣ, гдѣ русское правительство дало имъ убѣжище, подъ громкимъ именемъ квартиръ. Населяющихъ эту страну казаковъ никакъ не могли подчинить игу налоговъ: они обязаны были только выступать въ походъ, когда была война. Чтобъ извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу въ мирное время, императоръ размѣстилъ у нихъ свою кавалерію, которая ремонтировалась тамъ на ихъ счетъ; но они вовсе не считали себя обязанными распространять этой льготы на иностранцевъ. Петръ Великій готовилъ Карлу Леопольду (89) кромѣ примиренія съ его владѣніями и римскимъ императоромъ, вознагражденіе изъ владѣній курфирста Ганноверскаго, которое было бы никакъ не менѣе княжества Лауенбургскаго, на которое Мекленбургскій домъ предъявлялъ свои права. Но надменный герцогъ, нарушившій привиллегіи своихъ вассаловъ и дѣйствовавшій наперекоръ Карлу VI (императору), не захотѣлъ ничѣмъ быть обязаннымъ Петру великому. Онъ не удостоилъ даже показать чѣмъ-нибудь признательность за приличное содержаніе, которымъ пользовались его супруга и дочь при дворѣ монарха. Это, впрочемъ, былъ послѣдній шагъ, сдѣланный государемъ къ сближенію съ Карломъ Леопольдомъ.

Такъ какъ давно замѣчали, что значительная примѣсь прѣсной воды въ Кронслотскомъ и Ревельскомъ портахъ способствуетъ порчѣ судовъ, то императоръ возъимѣлъ намѣреніе соорудить новый портъ въ Рогервикѣ, въ 7-ми миляхъ ниже Ревеля. Море образуетъ въ этомъ мѣстѣ большой бассейнъ овальной формы, окруженный отвѣсными скалами, гдѣ можетъ помѣщаться до тысячи большихъ кораблей и болѣе, не принимавшій въ себя никакихъ другихъ водъ кромѣ своихъ, которыми онъ наполняется черезъ широкое устье, глубиною въ 18 перщей (90). Такъ какъ въ этотъ бассейнъ

(89) Т. е. герцогу Мекленбургскому.

(90) Perche—мѣра, равняющаяся 18—22 футовъ.

не проходилъ ледъ ни изъ какой рѣки, то корабли могли выходить гораздо раньше и возвращаться позднѣе, чѣмъ въ другой какой нибудь портъ на этомъ берегу. Входъ въ него долженъ былъ заграждаться длиннымъ моломъ съ закрытою дорогою на верху и многими батареями, уставленными пушками большаго калибра; въ срединѣ выдавался большой бастіонъ, и недалеко отъ него по лѣвую сторону находилось отверстіе между двумя крѣпостцами для прохода одного только корабля, что обезпечивало портъ отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Сосѣднія скалы облегчали устройство мола, хотя оно было очень трудно по причинѣ значительной глубины въ этомъ мѣстѣ. Уже 130 тысячъ туазовъ плитъ, наломанныхъ изъ этихъ скалъ, окружали берегъ, когда императоръ приказалъ своему флоту бросить здѣсь якорь. Онъ вышелъ на берегъ съ герцогомъ Голштинскимъ, со свитами своей и герцогской и съ флотскими офицерами, велѣлъ самому старому священнику совершить молебствіе и, сопровождаемый всѣми, при громѣ артиллеріи, положилъ первое основаніе мола. Надзоръ за работами порученъ былъ полковнику Любрасу. Въ послѣдующія царствованія работы эти то отлагались, то опять возобновлялись, такъ что не окончены и до сихъ поръ (91).

По отплытіи изъ Рогервика монархъ употребилъ остальное время на маневры своихъ кораблей. Онъ самъ командовалъ авангардомъ, адмиралъ Гордонъ—арріергардомъ, а великій адмиралъ Апраксинъ—центромъ. Постоянно заботясь о томъ, чтобъ подать своимъ подданнымъ примѣръ полезной субординаціи по службѣ, онъ безпрестанно обращался за приказаніями къ великому адмиралу и безъ его позволенія не оставлялъ своего корабля. По возвращеніи флота въ Кронслотъ, совершено было 12-го августа торжественное освященіе паруснаго ботика, нѣкогда прибывшаго изъ Англіи и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ перевезеннаго изъ Архангельска въ Москву. На немъ государь впервыя началъ учиться мореплаванію. Ботикъ снаружи обили мѣдью для предохраненія дерева его отъ гніенія, а маленькую мачту его украсили большимъ императорскимъ флагомъ. Великій адмиралъ стоялъ у руля, адмиралы, вице и контръ-адмиралы были гребцами. Такимъ образомъ маленькое судно обошло вокругъ флота, для того, какъ говорилъ императоръ, чтобъ добрый дѣдушка могъ принять изъявленіе почтенія отъ всѣхъ прекрасныхъ внуковъ, обязанныхъ ему своимъ существованіемъ; и когда въ этомъ обходѣ оно подымалось вверхъ по рѣкѣ, монархъ гребъ самъ съ помощью одного лишь князя Меншикова. Во многихъ запискахъ того времени есть описаніе этого великолѣпнаго морскаго праздника, на которомъ одного пороха вышло слишкомъ на 12,000 руб. Празднество окончилось помѣщеніемъ ботика въ гавани, въ углу почетнаго мѣста, назначеннаго для линейныхъ кораблей; а шесть недѣль спустя, его вытащили на сушу и торжественно перенесли въ крѣпость, гдѣ поставили на храненіе, какъ государственную святыню.

Приверженцы короля въ Стокгольмѣ, избавившись отъ царскаго флота, ободрились и снова наполнили Сенатъ криками противъ акта о престолонаслѣдованіи, котораго требовалъ племянникъ Карла XII. Мало по малу они привлекли на свою сторону даже самыхъ жаркихъ сторонниковъ этого принца, которые при всей готовности возвести его на тронъ, съ котораго милости прежде всего посыпались бы на нихъ, колебались однако безъ пользы навлекать на себя ненависть короля, способнаго, судя по его здоровому

(91) Т. е. въ 1761 г.

Примѣч. составителя Записокъ.

сложенію, пережить назначаемаго наслѣдника, человѣка слабаго здоровьемъ. Не смотря однакожь на всѣ эти затрудненія, Бассевичъ, втайнѣ поддерживаемый Арведомъ Горномъ, выхлопоталъ для своего государя пансіонъ въ 25,000 нѣмецкихъ талеровъ и пергаментный актъ, подписанный королемъ и сословіями королевства, который гласилъ: что нація обязана самою почтительною преданностью потомку Густава и не имѣетъ никакой причины въ случаѣ смерти короля обойти особу его королевскаго высочества, развѣ только онъ предприметъ что нибудь противъ короля, королевы или государства, чего никакъ ожидать не льзя. Но это еще не все. Множество писемъ отъ знатныхъ Шведовъ прислано было къ императору съ увѣреніями, что для націи было бы очень лестно видѣть возлюбленнаго принца, потомка ея королей, въ родственномъ союзѣ съ царскимъ домомъ; а Бестужевъ такъ часто слышалъ отъ людей сильныхъ, что этотъ союзъ больше всего облегчилъ бы заключеніе трактата между двумя коронами, что не могъ не донести объ этомъ государю. Такимъ образомъ его величеству не оставалось уже никакого повода къ отговоркамъ, и онъ предписалъ Бестужеву увѣрить, что одна изъ царевенъ назначена Карлу Фридриху, но что нѣкоторыя причины не позволяютъ еще сказать, которая именно. Онъ приказалъ также написать графу Бассевичу: что строитель зданія долженъ присутствовать на празднествѣ его освященія, и что обрученіе будетъ совершено только по возвращеніи его и при немъ, а между тѣмъ самъ отдалялъ это возвращеніе, прося, чтобъ графъ Бассевичъ своимъ искусствомъ и кредитомъ поддержалъ негоціацію Бестужева. Герцогъ не осмѣлился отказать въ этомъ желаніи монарху, его единственной опорѣ, да и кромѣ того его собственные интересы требовали, чтобъ дѣло его было въ рукахъ человѣка ему преданнаго. — Давно ожидаемый посланникъ Софи пріѣхалъ наконецъ въ Петербургъ 22-го августа, а 25-го принятъ былъ тамъ на торжественной аудіенціи. Это былъ Измаилъ-Бекъ. Говорили, что онъ происходилъ отъ царской крови и что въ четвертый разъ уже находился въ посланникахъ, бывши до этого посыланъ въ Константинополь, Дели и Пекинъ. Императору и всему его двору онъ очень понравился. Шахъ Гуссейнъ, отъ котораго дано ему было полномочіе, умеръ во время его переѣзда изъ Тавриза въ Петербургъ; шахъ Тамасъ, одинъ изъ сыновей этого несчастнаго монарха, ускользнувшій отъ жестокости Миривейса, нуждался въ быстрой помощи. Измаилъ-Бекъ, чтобъ ускорить ее, тотчасъ же предложилъ все, на что инструкціи позволяли ему согласиться, и союзный трактатъ былъ подписанъ 12-го сентября. Онъ уѣхалъ лишь черезъ мѣсяцъ, не потому чтобы ждалъ ратификаціи отъ своего молодаго государя-изгнанника, — она не могла прійдти такъ скоро, — а для того, чтобъ сдѣлать удовольствіе императору, который любилъ съ нимъ разговаривать и заставлялъ его любоваться своимъ флотомъ и удивляться всѣмъ успѣхамъ своего царствованія. Онъ часто видѣлъ императрицу, но тѣмъ не менѣе показалъ на столько знанія свѣта, что просилъ, чтобъ она удостоила его публичной аудіенціи прежде его отъѣзда. За исключеніемъ лишь того, что аудіенція эта была дана не въ залѣ Сената, въ ней соблюденъ былъ тотъ же этикетъ, какъ и у императора. Безъ ловкости, съ какою Измаилъ-Бекъ пріобрѣлъ довѣріе Петра великаго и возбудилъ участіе къ шаху Тамасу, случай, что у него были вѣрительныя письма отъ государя умершаго, и извѣстіе, полученное вскорѣ послѣ его пріѣзда, что выгоды, которыя составляли цѣль этой войны, получены со взятіемъ Баку, — прервали бы перегово-

ры о трактатѣ, которые и безъ того не замедлили возбудить подозрительность Порты. Но Персіянинъ умѣлъ преодолѣть эти препятствія и оказалъ бы значительную услугу Софи, еслибъ только неосторожная молодость послѣдняго съумѣла ею воспользоваться. Князь Мышецкій былъ назначенъ посланникомъ ко двору хана Тамаса и отправился съ посломъ Измаилъ-Бекомъ въ Тавризъ (Испагань была въ рукахъ мятежниковъ.)

Получивъ извѣстіе, что Турки собираютъ въ окрестностяхъ Азова 60 тысячную армію, императоръ принялъ всѣ мѣры на случай упорной войны съ ними. Болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ было отряжено для исправленія флота въ Воронежѣ ([92]) на Танаисѣ; 80 тысячъ Русскихъ ждали на Украйнѣ приказанія двинуться къ Черному морю для покоренія вновь Азова, и наконецъ назначены были пункты соединенія полкамъ, стоявшимъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, чтобъ въ случаѣ нужды формировать изъ нихъ корпуса. Переговоры о дружелюбномъ соглашеніи тѣмъ не менѣе продолжались, и г. де-Бонакъ безъ устали трудился надъ ними.

Казаки сочли этотъ моментъ удобнымъ для ходатайства о возстановленіи старинныхъ ихъ привиллегій, въ особенности права свободнаго избранія себѣ гетмана. Депутаты ихъ, увѣренные, что обстоятельства заставятъ согласиться на это ходатайство, предъявили его съ надменностью. Петръ Великій отвѣчалъ имъ: «Неудачно вы выбрали время для испрашиванія милостей, когда я въ дурномъ „расположеніи духа. Я буду по прежнему „назначать вамъ гетмановъ, но нахожу „справедливымъ избирать ихъ только изъ „вашей среды; а чтобъ проучить дерзкихъ, „осмѣлившихся усугублять затрудненія „своего государя, объявляю вамъ тюрьму, гдѣ вы будете содержаться до заключенія мира съ Турками, послѣ котораго будутъ разсмотрены ваши поступки." По выходѣ съ аудіенціи, они дѣйствительно были отведены въ крѣпость, въ которой оставались до назначеннаго срока. Послѣ того они сосланы были на галеры, потому что соотечественники ихъ отказались отъ соучастія съ ними, видя, что все покорялось императору, и страшась его гнѣва ([93]).

Царица Прасковія Ѳеодоровна Салтыкова, вдова Іоанна, скончалась 13-го октября этого года. Чувствуя приближеніе смерти, она велѣла просить къ себѣ императрицу, которую умоляла быть ея дочерямъ вмѣсто матери. Это была единственная особа, которой императоръ, чрезвычайно уважавшій ее, дозволилъ сохранить старинное русское одѣяніе. Она всегда слѣдовала за дворомъ и являлась на всѣхъ праздникахъ. Не смотря на слабоуміе своего супруга, она питала къ его памяти постоянную нѣжность и просила покрыть себѣ лице его портретомъ, когда будетъ въ гробу, что и было исполнено. Императоръ на цѣлые шесть часовъ заперся съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, чтобы составить церемоніалъ для ея погребенія. Погребальная процессія была очень великолѣпна, но при томъ не было ни одного пушечнаго выстрѣла, ни русскаго флага и никакого другаго знака ея сана, кромѣ старинной царской короны. Это сдѣлано было для того, какъ полагали, чтобъ показать, насколько некоронованная царица была ниже той, которая готовилась къ помазанію,

---

([92]) Веронисъ или Вероницъ (Воронежъ) былъ первою верфью, гдѣ Русскіе увидѣли строеніе кораблей, подъ управленіемъ славнаго Лефорта. *Прим. сост. Зап.*

([93]) Здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстномъ дѣлѣ полковника Полуботка съ товарищами. Самъ Полуботокъ умеръ въ Петропавловской крѣпости.

и на сколько родъ Іоанна былъ отдаленъ отъ престола (94).

Бракъ генералъ-прокурора Ягужинскаго съ дочерью великаго канцлера графа Головкина, совершенный нѣсколько дней послѣ этой печальной церемоніи, былъ замѣчателенъ тѣмъ участіемъ, которое принималъ въ немъ императоръ. Первая супруга Ягужинскаго, страдавшая ипохондріей и имѣвшая странный характеръ, ежечасно истощала его терпѣніе; не смотря на это, онъ находилъ, что совѣсть не позволяетъ ему развестись съ нею. Императоръ, до котораго дошли о томъ слухи, взялъ на себя трудъ объяснить ему, что Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ здѣшней жизни; что никакой союзъ въ свѣтѣ такъ не святъ, какъ доброе супружество; что же касается до дурнаго, то оно прямо противно волѣ Божіей, а потому столькоже справедливо, сколько и полезно расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасенія души. Пораженный силою этихъ доводовъ, Ягужинскій согласился получить разрѣшеніе отъ своего государя на разводъ. Онъ на столько же былъ доволенъ своей второй супругой, на сколько императоръ своей, которой коронація, давно уже рѣшенная, была обнародована по всей имперіи указомъ отъ 15-го ноября, исчислявшимъ всѣ высокія заслуги императрицы, которыя побудили ея супруга оказать ей почесть, до тѣхъ поръ въ Россіи невиданную.

Какъ ни велики были успѣхи, сдѣланные Россіею на пути просвѣщенія и нравственнаго развитія въ царствованіе Петра Великаго, но они не коснулись еще преобразованія театра. Въ то время въ Москвѣ былъ театръ, но варварскій, какой только можно себѣ вообразить, и посѣщаемый поэтому только простымъ народомъ и вообще людьми низкаго званія. Драму обыкновенно раздѣляли на вѣнадцать дѣйствій, которыя еще подраздѣлялись на столько же *явленій* (такъ на русскомъ языкѣ называются сцены), а въ антрактахъ представляли шутовскія интермедіи, въ которыхъ не скупились на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться въ продолженіе цѣлой недѣли, такъ какъ въ день разъигрывали не болѣе третьей или четвертой ея части. Принцесса Наталія, меньшая сестра императора, очень имъ любимая, сочинила, говорятъ, при концѣ своей жизни, двѣ-три пьесы довольно хорошо обдуманныя и не лишенныя нѣкоторыхъ красотъ въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ онѣ не были поставлены на сцену. Царь находилъ, что въ большомъ городѣ зрѣлища полезны, и потому старался пріохотить къ нимъ свой дворъ. Когда пріѣхала труппа нѣмецкихъ комедіантовъ, онъ велѣлъ выстроить для нея прекрасный и просторный театръ со всѣми удобствами для зрителей. Но она не стоила этихъ хлопотъ. Не смотря на пренебреженіе, оказываемое теперь великосвѣтскими людьми въ Германіи къ своему языку, языку очень богатому и звучному, по крайней мѣрѣ въ такой же мѣрѣ какъ и англійскій, театръ въ этой странѣ въ послѣдніе года идетъ быстрыми шагами къ совершенству; но въ то время онъ былъ не болѣе какъ сборъ плоскихъ фарсовъ, такъ что кое-какія наивныя черты и острые сатирическіе намеки совершенно исчезали въ безднѣ грубыхъ выходокъ, чудовищныхъ трагедій, нелѣпаго смѣшенія романическихъ и изъисканныхъ чувствъ, высказываемыхъ королями или рыцарями, и шутовскихъ продѣлокъ какого-нибудь

(94) Принцессы этого дома, а также Марія Алексѣевна, ихъ тетка, сохраняли старинный титулъ *царевенъ*, т. е. дочерей царя; но когда Петръ Великій принялъ титулъ императора, его принцессы стали называться *цесаревнами*, т. е. дочерьми императора. *Примѣч. состав. Зап.*

Jean-Potage, ихъ наперстника. Императоръ, вкусъ котораго во всѣхъ искусствахъ, даже въ тѣхъ, къ которымъ у него вовсе не было расположенія, отличался вѣрностью и точностью, пообѣщалъ однажды награду комедіантамъ, если они сочинятъ піесу, трогательную, безъ этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоѣла, и веселый фарсъ безъ шутовства. Разумѣется, они плохо выполнили эту задачу, но чтобъ ихъ поощрить, государь велѣлъ выдать имъ обѣщанную сумму.

Русскій флотъ, по списку, представленному государю адмиралтейсъ-совѣтомъ, въ портахъ Балтійскаго моря, къ концу 1723 г. состоялъ изъ сорока слишкомъ военныхъ кораблей (изъ нихъ три четверти было построено въ Петербургѣ), изъ 20 фрегатовъ и 150 галеръ, 18,000 матросовъ и 2,200 пушекъ. Большое количество судовъ всякаго рода, также хорошо снаряженныхъ, находилось въ Воронежѣ. Регулярнаго войска насчитывали до 120 тысячъ человѣкъ; но кавалерія не имѣла хорошихъ лошадей и потому уступала пѣхотѣ. Этотъ недостатокъ вознаграждался множествомъ иррегулярныхъ войскъ, состоявшихъ изъ козаковъ, калмыковъ, татаръ, которые, большей частію, служили на конѣ. Арсеналы были снабжены огромнымъ количествомъ запасовъ. Во время Сѣверной войны тысячи большихъ безполезныхъ колоколовъ были перелиты въ пушки. Рудники, незадолго до того открытые въ Сибири, доставляли въ изобиліи превосходный металлъ для орудій. Олонецъ, построенный между двумя озерами — Ладожскимъ и Онежскимъ, извѣстный своими минеральными водами, прославленными самимъ императоромъ, который ежегодно пользовался ими, Олонецъ, говорю я, имѣлъ богатый чугунный родникъ и отличный оружейный заводъ; наконецъ воспользовались мѣрою, къ которой прибѣгъ Шведскій Сенатъ въ минуту крайней нужды въ деньгахъ, а именно продажею на вѣсъ множества признанныхъ излишними пушекъ большаго калибра. Императоръ скупилъ ихъ подъ рукой черезъ коммиссіонеровъ, и хотя всѣ большія пушки были испорчены, а самыя лучшія даже распилены пополамъ, однакожъ мастера его литейныхъ заводовъ съумѣли такъ искусно ихъ спаять и залить дыры и трещины, что изъ нихъ можно было палить съ успѣхомъ, и что даже наружная ихъ красота была сохранена.

Между множествомъ предпріятій, совершавшихся последовательно по волѣ русскаго героя, одно изъ самыхъ близкихъ его сердцу и самыхъ необходимыхъ для пользы его народовъ, повидимому, не удавалось ему—именно введеніе основаннаго на непоколебимой честности управленія юстиціею и финансами. Напрасно онъ издавалъ указъ за указомъ, чтобъ поставить преграды обману, — обманъ не переставалъ гнѣздиться по прежнему. Необходимость пресѣчь это зло, заставила государя ознаменовать первый мѣсяцъ 1724 года однимъ изъ тѣхъ кровавыхъ примѣровъ строгости, отъ которыхъ онъ воздерживался въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ надеждѣ, что сѣмена чести, которыя онъ старался посѣять во всѣхъ сословіяхъ, принесутъ наконецъ счастливые плоды. Осьмнадцать преступниковъ, почти всѣ люди чиновные, немолодые и занимавшіе значительныя должности совѣтниковъ въ разныхъ приказахъ, были возведены на эшафотъ. Девять изъ нихъ получили по 50 ударовъ кнутомъ, послѣ чего имъ вырвали ноздри и объявили ссылку на галеры. Тромъ отрубили голову, одного колесовали. Этотъ послѣдній былъ оберъ-фискалъ Несторовъ, нѣкогда столь уважаемый императоромъ, который часто отзывался объ немъ, какъ о самомъ умномъ и краснорѣчивомъ изъ его старыхъ московскихъ

служакъ, и при опредѣленіи его въ должность оберъ-фискала пожаловалъ ему нѣсколько прекрасныхъ помѣстій, дабы при богатствѣ онъ не имѣлъ повода и поползновенія къ воровству. Не смотря на то оказалось, что имъ похищено было до 300,000 рублей. Остальные пять виновныхъ, которые по небреженію подписывали не читая ложныя опредѣленія, наказаны были батогами и отправлены на галеры на шесть мѣсяцевъ. Замѣчательно, что когда палачи раздѣли всѣхъ этихъ преступниковъ, не нашлось ни одного изъ нихъ, который не носилъ бы уже на своей спинѣ знаковъ какого либо наказанія ([95]). Члены всѣхъ приказовъ, отъ президентовъ до писцовъ, обязаны были присутствовать при казни, чтобъ научиться трепетать при одной мысли объ обманѣ государя или о притѣсненіи его невинныхъ подданныхъ, и новыми указами обновлено было впечатлѣніе прежнихъ, относившихся до честности, требуемой отъ служащихъ государству.

Положеніе дѣлъ на востокѣ все еще было двусмысленно. Султану и его дивану весьма нравилось мнѣніе великаго визиря, утверждавшаго, что приверженецъ секты Али на персидскомъ престолѣ гораздо менѣе опасенъ для высокой Порты, чѣмъ такой правовѣрный, какъ Миривейсъ, и что какъ землѣ нужно одно только солнце, такъ и правовѣрнымъ мусульманамъ нуженъ одинъ покровитель, къ которому обращались бы всѣ ихъ помыслы нераздѣльно. Но ни солдатство, ни народъ ни знали такой политики; ихъ даже не осмѣливались и знакомить съ нею. Возбужденные и противъ царя и противъ Софи еще болѣе съ тѣхъ поръ какъ сталъ извѣстенъ ихъ союзъ, они только и думали о борьбѣ съ христіанами и о помощи единовѣрцу. Не разъ великій визирь готовъ былъ уступить этому воинственному пылу, и маркизу де Бонаку ([96]) стоило неимовѣрнаго труда уговорить его быть твердымъ. Наконецъ имъ удалось склонить на свою сторону муфтія, который поспѣшилъ объявить, что алкоранъ запрещаетъ нападать на тѣхъ, кто насъ не обижаетъ, и что ни царь, ни Софи и не думали оскорблять блистательной Порты. Тогда ропотъ тотчасъ прекратился. Чтобъ занять войско, его послали въ Персію для завоеваній, на которыя сочинили себѣ право, и для усмиренія самозванца, котораго счастіе сдѣлало надменнымъ и жестокимъ. Онъ хотѣлъ вступить въ переговоры съ начальникомъ турецкой арміи, но такъ какъ думалъ говорить при томъ тономъ независимаго властителя, то ему отвѣчали изъ Константинополя: что если онъ ратуетъ только ради своего собственнаго возвеличенія, то онъ проклятый мятежникъ; если же сражается за вѣру, то долженъ покориться монарху Оттомановъ, возсѣдающему на престолѣ великаго пророка и законному главѣ всѣхъ правовѣрныхъ. Такой отвѣтъ не понравился Миривейсу, а потому онъ уклонился отъ объясненій и продолжалъ утверждать свое владычество. Маркизъ де Бонакъ отправилъ своего племянника д'Алліона для увѣдомленія Петра великаго о благопріятномъ оборотѣ, который принимали дѣла. Д'Алліонъ засталъ его развлекающимся отъ заботъ, причиненныхъ ему враждою янычаръ и продажностью русскихъ судей,— забавною процессіею карликовъ, устроенною по случаю похоронъ того изъ нихъ, на свадьбу котораго онъ велѣлъ собрать въ провинціяхъ въ 1710 г. со-

---

([95]) Это очень понятно, если взять въ расчетъ, что всѣ они предварительно были пытаны.

([96]) Этотъ французскій въ Константинополѣ посланникъ (Jean Louis d'Husson, marquis de Bonac) за оказанныя имъ важныя услуги Россіи, пожалованъ былъ кавалеромъ орденомъ св. Андрея.

рокъ карликовъ и только же карлицъ, въ качествѣ приглашенныхъ на празднество. Въ этотъ разъ ихъ было не меньше, и для комической противоположности человѣкъ двадцать солдатъ-преображенцевъ самаго высокаго роста, со свѣчами въ рукахъ, шли одинъ за другимъ по сторонамъ процессіи, а четыре гайдука-гиганта были ассистентами двухъ маленькихъ плакальщицъ, слѣдовавшихъ за погребальной колесницей, которую везли восемь крошечныхъ лошадокъ. Д'Алліону былъ сдѣланъ самый почетный пріемъ. Все готовилось уже 18-го февраля къ отъѣзду въ Москву и къ торжественному коронованію Екатерины. Онъ также отправился въ Москву, но церемоніи не видалъ, потому что принужденъ былъ 8-го апрѣля возвратиться въ Константинополь. Впрочемъ ему показали императорскую корону, только что оконченное произведеніе русскаго ювелира; но онъ тѣмъ не менѣе дивился какъ красотѣ работы, такъ и богатству камней, изъ коихъ нѣкоторые выше всякой цѣны.

1724. Если д'Алліонъ утѣшилъ императора надеждой на выгодный миръ съ Турками, для заключенія котораго онъ снабженъ былъ отъ его величества инструкціями, то гг. Бестужевъ и Бассевичъ обрадовали его не менѣе заключеніемъ трактата о союзѣ съ Швеціей, подписаннаго министрами этой державы и русскими 22-го февраля. Въ него включили слѣдующую секретную статью о герцогѣ Голштинскомъ: «Его королевское высочество, владѣтельный герцогъ „Голштинскій, видя себя уже столько „лѣтъ лишеннымъ своего герцогства „Шлезвигскаго, съ присоединенными къ „нему землями (cum annexis), и ихъ величества императоръ Россійскій, и король Шведскій, почитая для себя очень „важнымъ, чтобъ принцу, столь близкому „имъ обоимъ, было возвращено ему принадлежащее и тѣмъ самымъ возстановлено внутреннее спокойствіе Сѣвера, „обязуются всѣми мѣрами предстательствовать по этому дѣлу при дворѣ датскомъ и другихъ; въ случаѣ же, если „ихъ старанія и представленія не будутъ „имѣть желаемаго успѣха, то они рѣшатъ между собою и съ заинтересованными державами, въ особенности съ его „величествомъ императоромъ Римскимъ, „какимъ образомъ дѣло это можетъ быть „приведено къ окончанію согласно съ обстоятельствами".

Король Шведскій, умѣвшій сообразоваться съ требованіями минуты, простеръ свое притворство до того, что послалъ собственноручное поздравленіе герцогу съ титуломъ, пенсіономъ и другими выгодами, дарованными ему сеймомъ королевства незадолго до его распущенія. Присутствіе графа Бассевича тяготило его. Чтобъ отнять у него всякій поводъ къ новымъ ходатайствамъ, которыя могли бы еще задержать его въ Швеціи, онъ приказалъ учредить требуемую коммиссію для разсмотрѣнія дѣла объ имѣніяхъ покойной королевы и о долѣ ихъ, слѣдовавшей герцогу, какъ ея наслѣднику. Такимъ образомъ министръ уѣхалъ, и даже съ поспѣшностью, потому что герцогъ хотѣлъ имѣть его при себѣ, чтобъ успѣшнѣе добиться наконецъ давно желаемой руки царевны. „Вы рождены, писалъ онъ ему, подъ вліяніемъ звѣзды „болѣе счастливой, чѣмъ моя, и меня бѣситъ то, что я не могу имѣть славы пропѣть „совершилось" (consummatum est) „безъ вашей помощи". Впрочемъ Бассевичъ, по причинѣ льдовъ, не могъ пріѣхать во время, чтобъ присутствовать при коронованіи и былъ вынужденъ ожидать въ Петербургѣ возвращенія двора и сопровождавшаго его герцога.

Кромѣ дѣтей покойнаго царевича Алексѣя, все семейство и всѣ родственники Петра великаго послѣдовали за нимъ въ Москву, даже герцогиня Курляндская,

нарочно вызванная изъ Митавы. Императоръ имѣлъ обыкновеніе посѣщать значительныхъ негоціантовъ и извѣстныхъ артистовъ и часто проводить съ ними часа по два; такъ и наканунѣ коронаціи онъ зашелъ съ нѣсколькими сопровождавшими его сенаторами къ одному англійскому купцу, гдѣ нашелъ многихъ знатныхъ духовныхъ особъ, между прочимъ духовника своего, архіепископа Новгородскаго ([97]) и ученаго и краснорѣчиваго архіепископа Ѳеофана Псковскаго. Великій канцлеръ также пришелъ туда. Среди угощеній хозяина разговоръ оживился, и императоръ сказалъ обществу: что назначенная на слѣдующій день церемонія гораздо важнѣе, нежели думаютъ; что онъ коронуетъ Екатерину для того, чтобъ дать ей право на управленіе государствомъ; что спасши имперію, едва не сдѣлавшуюся добычею Турокъ на берегахъ Прута, она достойна царствовать въ ней послѣ его кончины; что она поддержитъ его учрежденія и сдѣлаетъ монархію счастливою. Ясно было, что онъ говорилъ все это для того, чтобъ видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ его слова. Но всѣ присутствовавшіе такъ держали себя, что онъ остался въ убѣжденіи, что никто не порицаетъ его намѣренія. Онъ назвалъ себя капитаномъ новой роты кавалергардовъ императрицы Екатерины, состоявшей изъ 60-ти человѣкъ, которые всѣ были армейскими капитанами или поручиками, а генералъ-лейтенанту и генералъ-прокурору Ягужинскому (пожаловавъ ему передъ тѣмъ орденъ св. Андрея) поручилъ командованіе этой ротой въ качествѣ ея капитанъ-лейтенанта. Кавалергарды эти открывали и заключали шествіе, когда Екатерина, ведомая герцогомъ Голштинскимъ и предшествуемая своимъ супругомъ, по сторонамъ котораго находились фельдмаршалы князья Меншиковъ и Репнинъ, явилась съ своею великолѣпною свитою въ церкви, гдѣ назначено было ея коронованіе. Слезы потекли у нея изъ глазъ, когда Петръ великій возложилъ на нее корону; принимая правою рукою державу, она лѣвой сдѣлала движеніе, чтобъ обнять и поцѣловать его колѣна. Впродолженіе всей церемоніи онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, но такъ какъ потомъ онъ не слѣдовалъ за нею въ обѣ церкви ([98]), гдѣ она должна была, облеченная въ императорскую порфиру, прикладываться къ иконамъ, то велѣлъ скипетръ и державу нести передъ нею. Этикетъ этого дня обязывалъ ихъ сидѣть за торжественнымъ обѣдомъ однихъ, даже безъ своего семейства. Императоръ, сказавъ, что хочетъ взглянуть на толкотню наро-

---

([97]) Этотъ духовный сановникъ (Ѳеодосій Яновскій) первый въ Россіи послѣ стараго митрополита рязанскаго (Стефана Яворскаго) много содѣйствовалъ къ отклоненію народа отъ суевѣрнаго поклоненія образамъ и святымъ. Но онъ въ то же время имѣлъ смѣлость прямо сказать императору, что не одобряетъ отобранія имѣній и доходовъ духовенства, а также установленнаго вслѣдствіе того точнаго распредѣленія ихъ для приличнаго содержанія духовенства и назначенія излишковъ на учрежденіе школъ и больницъ, въ которыхъ былъ повсемѣстный недостатокъ. По его мнѣнію, государство отъ себя обязано было назначить имъ содержаніе, потому что принадлежащее служителямъ церкви не подлежитъ гражданскому управленію. Императоръ, раздраженный этою дерзостью, обнаружилъ такой гнѣвъ, что заставилъ трепетать говорившаго. Послѣ однакожъ онъ уступилъ и сознался, что былъ неправъ, и такъ какъ вообще прощалъ проступки людей способныхъ или полезныхъ для его реформъ (чему доказательствомъ служитъ князь Меншиковъ), а архіепископъ просилъ помилованія ради будущей коронаціи императрицы, то онъ даровалъ ему полное прощеніе и сохранилъ къ нему, по крайней мѣрѣ по наружности, уваженіе до самой своей смерти.
Примѣч. сост. Зап.

([98]) Соборы Благовѣщенскій и Архангельскій.

да, для котораго выставлены были вино и жаренные быки, начиненные разной птицей, подошелъ къ окну. Приближенные его, сидѣвшіе за другими столами, разставленными въ залѣ, спѣшили присоединиться къ нему, и онъ разговаривалъ съ ними впродолженіе получаса; когда же ему доложили, что подана новая перемѣна, онъ сказалъ имъ: „ступайте, садитесь и смѣйтесь надъ вашими государями. Только коварствомъ придворныхъ могло быть внушено государямъ суетнымъ и неразумнымъ, что величіе состоитъ въ лишеніи себя удовольствія общества и въ выставкѣ своихъ особъ, какъ маріопетокъ, на потѣху другимъ“.

На другой день Екатерина на тронѣ принимала поздравленія. Императоръ также поздравилъ ее вмѣстѣ съ другими, какъ адмиралъ и генералъ, и по его желанію она пожаловала графское достоинство тайному совѣтнику Толстому ([99]). Множествомъ значительныхъ повышеній ознаменовалось это высокое торжество, которое заключилось прекраснѣйшимъ фейерверкомъ, какого еще не видали въ Москвѣ, хотя при всякомъ празднествѣ императоръ устроивалъ великолѣпныя огненныя потѣхи и употреблялъ на это огромныя суммы. Изображеніе ленты и девиза ордена св. Екатерины составляло одну изъ главныхъ частей въ этомъ фейерверкѣ. Авторы „Исторіи Петра Великаго“, „Преображенной Россіи“ и баронъ Нестесураной утверждаютъ, что лента этого ордена бѣлая и что онъ жалуется придворнымъ дамамъ, тогда какъ она пунцовая съ серебреными каймами, и за исключеніемъ княгини Сапѣги, племянницы императрицы, ни на кого не возлагалась кромѣ супругъ царствующихъ особъ; что же касается до царскихъ принцессъ, то имъ орденъ этотъ принадлежитъ по праву рожденія. Объ этой ошибкѣ не стоило бы распространяться, еслибъ она не служила доказательствомъ того, что названные авторы не всегда говорятъ какъ очевидцы или ссылаются на показанія людей, посѣщавшихъ дворъ.

Князь Репнинъ назначенъ былъ вмѣсто князя Меншикова председателемъ военнаго совѣта (conseil de guerre) ([100]), потому что императоръ заставилъ послѣдняго отказаться отъ этой должности, чтобъ пресѣчь ему путь къ взяточничеству. Порученное ему послѣ того управленіе крѣпостными работами въ Кронштадтѣ не представляло подобнаго искушенія, и дѣйствія его были болѣе на глазахъ государя. Впрочемъ все это сдѣлано было съ сохраненіемъ уваженія къ его личнымъ заслугамъ. Военная коллегія, въ полномъ своемъ составѣ, явилась благодарить князя за милости, которыми пользовалась въ его управленіе. Черезъ годъ эта же самая коллегія осмѣлилась назначить Ингерманландскому полку другаго шефа; но императоръ утвердилъ князя, прирожденнаго полковника этого полка по титулу герцога Ингрійскаго, и даже далъ ему право производить въ немъ въ офицеры и дѣлать повышенія въ чинахъ по своему усмотрѣнію. Да и управленіе работами въ Кронштатѣ было не маловажною должностію: Петръ великій предполагалъ произвести этими работами нѣчто необычайное.

Городъ этотъ, прежде называвшійся Котлиномъ, какъ и самый островъ, на которомъ онъ стоитъ, уже шесть мѣсяцевъ носилъ свое новое имя ([101]), которое было ему дано, когда въ немъ возвели длинный рядъ бастіоновъ ([102]), долженъ

([99]) Петру Андреевичу.

([100]) Такъ названа здѣсь военная коллегія

([101]) Кронштадта.

([102]) Петръ в. назвалъ четвертый изъ этихъ бастіоновъ *„Лефортомъ“*, въ память великаго адмирала этого имени, который пользовался отъ него такою нѣжною и заслуженною любовью.

Примѣч. сост. Зап.

ствовавшій идти по всему берегу острова, прикрывать городъ и портъ со стороны Кареліи и окружать новый каналъ, прорытый отъ этого порта до Невы, для прямаго сообщенія Кронштадта съ Петербургомъ. Съ одной стороны этого канала нѣсколько небольшихъ верфей для починки судовъ было оставлено въ прежнемъ видѣ. Корабли могли въ нихъ плавать свободно и при помощи шлюзовъ скоро оставались на сушѣ, а потомъ, по окончаніи починокъ, снова такимъ же способомъ спускались на воду. Тамъ, гдѣ каналъ этотъ входитъ въ гавань, предполагалось устройство съ одного берега на другой такой арки, чрезъ которую могъ бы проходить самый большой военный корабль, идущій на всѣхъ парусахъ, и которая поддерживала бы маякъ, на столько высокій, чтобъ огни его видны были на другомъ берегу Финскаго залива, и съ пирамидальною вершиною, украшенною императорской короной, какъ указаніемъ на названіе города. За исключеніемъ матеріала, который долженъ былъ состоять изъ тесанаго камня, Кронштадтъ соединялъ бы въ себѣ все, чему дивились въ древности на Родосѣ и Фаросѣ. Но Петръ великій не дожилъ до перехода этой мысли изъ области предположеній въ область дѣйствительности.

Императоръ отмѣнилъ постановленіе, много лѣтъ остававшееся въ силѣ, которымъ запрещалось вельможамъ строить въ Москвѣ новые дворцы ([103]). Несмотря на то онъ, казалось, выѣхалъ изъ этой столицы съ намѣреніемъ долго туда не возвращаться, потому что приказалъ всѣмъ знатнымъ лицамъ, не состоявшимъ въ Москвѣ на службѣ, даже дамамъ и дѣвицамъ, которыя тамъ поселились, слѣдовать за дворомъ въ С.-Петербургъ. Московскому коменданту предписано было принуждать ихъ къ выѣзду изъ этого города, что онъ и исполнялъ во всей точности.—Г. де Бисси, секретарь посольства при маркизѣ де Бонакѣ, привезъ изъ Константинополя въ Петербургъ мирный договоръ между Россіею и Портою, заключенный стараніями этого министра. Обѣ державы обезпечивали себѣ взаимныя выгоды въ ущербъ Персіи, и кромѣ того постановляли особою секретною статьею лишить Софи короны, если онъ вздумаетъ противиться ихъ мѣрамъ, и возложить ее на главу болѣе покорную. Послѣднее соглашеніе, столь противное договору, заключенному съ Измаилъ-Бекомъ, императоръ рѣшился принять вслѣдствіе донесенія князя Мышецкаго, посланника его въ Тавризѣ. Онъ извѣщалъ, что шахъ Тамасъ отказался отъ ратификаціи союзнаго трактата и объявилъ, что скорѣе предоставитъ участь свою Провидѣнію и храбрости своей арміи, чѣмъ согласится на принятіе помощи царя, столь дорого имъ продаваемой. Генералъ Румянцевъ ([104]) былъ назначенъ Россійскимъ посломъ при султанѣ. Онъ привезъ орденъ св. Андрея и великолѣпные подарки маркизу де-Бонаку, который усердно и съ успѣхомъ продолжалъ стараться объ устраненіи несогласій, возникшихъ впослѣдствіи между обоими дворами, по поводу разграниченія завоеваній въ Персіи.

Въ началѣ 1722 г. императоръ поручилъ одному искусному московскому золотыхъ дѣлъ мастеру изготовить 40 орденскихъ крестовъ. Онъ имѣлъ въ виду учредить орденъ въ честь св. Александра, который за славную побѣду, одержанную на берегахъ Невы надъ татара-

---

([103]) За то указомъ въ январѣ 1724 г. все русское дворянство обязывалось, смотря по количеству своихъ крестьянъ, строить красивые дома на одномъ изъ петербургскихъ острововъ, называемомъ Васильевскимъ, который составляетъ значительную часть города.

Примѣч. сост. Зап.

([104]) Александръ Ивановичъ.

ми ([105]) былъ нѣкогда наименованъ *Невскимъ*. Этой побѣдой онъ освободилъ Московское государство отъ постыдной дани, которую оно платило этимъ варварамъ и утвердилъ тамъ христіанскую религію. Впродолженіи шести вѣковъ тѣло его покоилось во Владимірѣ, главномъ городѣ провинціи того же имени, который принадлежалъ къ числу древнихъ городовъ, носившихъ названіе царскихъ резиденцій ([106]). Послѣ воинственной и славной жизни, онъ окончилъ дни свои въ одномъ изъ монастырей. Императоръ основалъ монастырь на самомъ мѣстѣ славнаго сраженія, и такъ какъ онъ былъ уже почти оконченъ, то приказалъ перенести туда мощи святаго. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ провозили въ сопровожденіи тысячъ поповъ, монаховъ и богомольцевъ, имъ отдавались великія почести. Изъ Петербурга до новаго монастыря (который находится отъ него въ одной милѣ) останки святаго плыли по той самой рѣкѣ, надъ которой когда-то развѣвалось знамя, водруженное на его предводительской ладьѣ. Гробъ его, серебряный, вызолоченный, поставленный на высокой эстрадѣ и подъ богатымъ балдахиномъ, удовлетворялъ взорамъ народа, толпившагося по берегамъ рѣки. Императорская фамилія и всѣ знатныя особы, находившіяся въ Петербургѣ, слѣдовали позади на флотиліи богато украшенныхъ барокъ и шлюпокъ. Духовенство, въ великолѣпныхъ облаченіяхъ, встрѣтило святаго на берегу, и такъ какъ церковь не была еще совершенно отстроена, то офицеры, которые несли гробъ, поставили его въ часовнѣ. Этою почестью, оказанною памяти святаго, служившаго такъ достойно Богу и отечеству, императоръ очистилъ себя отъ подозрѣнія въ намѣреніи уничтожить совершенно поклоненіе, воздаваемое греческою церковью своимъ патронамъ на небѣ, и Невскій монастырь сдѣлался удобнымъ мѣстомъ богомолья для императорской фамиліи. Учрежденіе ордена св. Александра однакожъ покамѣстъ не было приведено въ исполненіе и состоялось только въ царствованіе Екатерины, при бракосочетаніи принцессы Анны. Она пожаловала его тогда всѣмъ наличнымъ андреевскимъ кавалерамъ, даже герцогу Голштинскому, желая показать, что этотъ новый орденъ будетъ служить ступенью для достиженія другаго (т. е. андреевскаго.) И до сихъ поръ имъ жалуютъ только генералъ-лейтенантовъ или имѣющихъ соотвѣтствующій имъ чинъ.

Причины, заставлявшія ласкать Кампредона, утратили свое значеніе, когда заключенъ былъ миръ и установились непосредственныя сношенія С. Петербургскаго двора съ маркизомъ де Бонакомъ. Герцогъ поэтому былъ близокъ къ чести—называться зятемъ Петра великаго. Но Кампредонъ не истощилъ еще всѣхъ стараній, направленныхъ противъ этого брака, ненавистнаго для короля Шведскаго и непріятнаго для Франціи. Онъ успѣлъ возбудить въ императорѣ надежду сочетать одну изъ его дочерей славнымъ бракомъ, который Небо назначало въ удѣлъ принцессѣ Лещинской ([107]), и потому съ умысломъ говорилъ то объ Аннѣ, то объ Елизаветѣ, чтобъ ни та, ни другая не досталась Карлу Фридриху, который въ свою очередь не спѣшилъ бракомъ, въ надеждѣ, что императоръ, по пристрастію своему къ принцессѣ Ан-

([105]) Не надъ Татарами, а надъ Шведами. Мѣсто это показываетъ, что и Бассевичъ знакомъ былъ съ Русской исторіею не болѣе другихъ иностранцевъ.

([106]) Такихъ городовъ было четыре, а именно Москва, Кіевъ, Владиміръ и Новгородъ. *Примѣч. сост. Зап.*

([107]) Марія Лещинская, дочь короля Станислава, сочеталась бракомъ съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV.

нѣ предоставитъ ей столь выгодный союзъ, и что въ такомъ случаѣ, ему, герцогу, останется Елизавета, къ которой онъ чувствовалъ болѣе расположенія. Высокія качества этой принцессы и ея героическая неустрашимость, возведшая ее на престолъ, на которомъ она сіяетъ, достаточно извѣстны, а потому да будетъ мнѣ позволено изобразить здѣсь сестру ея, слишкомъ рано похищенную смертью.

Анна Петровна походила лицомъ и характеромъ на своего августѣйшаго родителя, но природа и воспитаніе все смягчили въ ней. Ростъ ея, болѣе пяти футовъ, не казался слишкомъ высокимъ при необыкновенно развитыхъ формахъ и при пропорціональности во всѣхъ частяхъ тѣла, доходившей до совершенства. Ничто не могло быть величественнѣе ея осанки и физіономіи; ничто правильнѣе очертаній ея лица, и при этомъ взглядъ и улыбка ея были граціозны и нѣжны. Она имѣла черные волосы и брови, цвѣтъ лица ослѣпительной бѣлизны и румянецъ свѣжій и нѣжный, какого никогда не можетъ достигнуть никакая искусственность; глаза ея были неопредѣленнаго цвѣта и отличались необыкновеннымъ блескомъ. Однимъ словомъ, самая строгая взыскательность ни въ чемъ не могла бы открыть въ ней какого либо недостатка. Ко всему этому присоединялись проницательный умъ, неподдѣльная простота и добродушіе; щедрость, снисходительность, отличное образованіе и превосходное знаніе языковъ отечественнаго, французскаго, нѣмецкаго, италіанскаго и шведскаго. Съ дѣтства отличалась она неустрашимостью, предвѣщавшею въ ней героиню; а что касается до ея находчивости, то вотъ тому примѣръ.

Одинъ молодой графъ Апраксинъ осмѣлился открыться ей въ любви, на которую она отвѣчала презрѣніемъ. Въ отчаяніи, онъ выждалъ минуту, когда ему удалось увидѣть ее одну, и бросился къ ея ногамъ, подавая ей свою шпагу и умоляя ее прекратить его страданія вмѣстѣ съ жизнью. „Давайте“, сказала она съ гордымъ и холоднымъ видомъ, „я вамъ покажу, что дочь вашего государя не имѣетъ недостатка ни въ силѣ, ни въ мужествѣ, чтобъ заколоть дерзкаго, который ее оскорбляетъ“. Молодой человѣкъ, боясь, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ не оправдала своихъ словъ, не отдалъ шпаги и сталъ умолять ее простить ему безуміе, до котораго онъ былъ доведенъ ея красотою. Она отплатила ему только тѣмъ, что выставляла его въ смѣшномъ видѣ, разсказывая объ этомъ происшествіи.

Въ руки этой-то принцессы желалъ Петръ великій передать скипетръ послѣ себя и супруги своей. Въ такихъ видахъ самымъ удобнымъ для нея бракомъ казался ему бракъ съ Карломъ Фридрихомъ, и такъ какъ Кампредонъ дѣлалъ только неопредѣленныя предложенія, которымъ нельзя было долѣе жертвовать поддержкою, необходимою для приверженцевъ герцога въ Швеціи, то обрученіе совершилось наконецъ 24-го ноября 1724 въ день тезоименитства императрицы. Графу Бассевичу, назначенному первымъ министромъ своего государя, торжественно обѣщано было, что въ имѣющій скоро наступить день высокаго бракосочетанія, онъ будетъ пожалованъ орденомъ св. Андрея изъ рукъ самого монарха. Французскому же министру передали, что если король, его государь, имѣетъ намѣреніе вступить въ родственный союзъ съ Россійскимъ императорскимъ домомъ, то бракъ съ Елизаветою, которая моложе и живѣе своей сестры, можетъ быть для него болѣе желательнымъ. Возможность возведенія на французскій престолъ принцессы Елизаветы не прекращалась и по кончинѣ императора, до того самаго времени, когда король Станиславъ объявилъ объ предложеніи, сдѣланномъ принцессѣ, его дочери.

За двѣ недѣли до того дня, когда рѣшилась наконецъ участь герцога, ему пришлось испытать чувствительный ударъ. Онъ тѣсно сблизился съ первымъ камергеромъ императрицы, Монсомъ, братомъ г-жи Балкъ, вдовы генерала, любимицы Екатерины и ея первой статсъ-дамы. Эти два лица были вѣрными посредниками въ сношеніяхъ между государынею и ея будущимъ зятемъ, который всегда прибѣгалъ къ ней, когда нуждался въ поддержаніи своихъ видовъ, или въ полученіи чего нибудь нужнаго въ его положеніи. Завистники очернили въ глазахъ императора эти отношенія къ императрицѣ г-жи Балкъ и ея брата. Однажды вечеромъ, совершенно для нихъ неожиданно, они были арестованы и, по опечатаніи ихъ бумагъ, преданы уголовному суду, какъ виновные въ обогащеніи себя чрезъ злоупотребленіе довѣріемъ императрицы, доходами которой они управляли. Слѣдствіе и судъ продолжались только восемь дней. Нѣкоторые изъ служителей императрицы были замѣшаны въ дѣло, и Монсу наконецъ отрубили голову. Сестра его, приговоренная къ 11-ти ударамъ кнутомъ, получила пять (остальные были даны на воздухъ) и потомъ сослана въ Сибирь. Два сына этой дамы, одинъ камергеръ, другой пажъ, были разжалованы и отосланы въ армію, находившуюся въ Персіи; одинъ секретарь и нѣсколько лакеевъ отправлены на галеры въ Рогервикъ. Екатерина всячески старалась смягчить гнѣвъ своего супруга, но напрасно. Расказываютъ, что неотступныя ея просьбы о пощадѣ по крайней мѣрѣ ея любимицы вывели изъ терпѣнія императора, который, находясь въ это время съ нею у окна изъ венеціанскихъ стеколъ, сказалъ ей: «Видишь ли ты это стекло, которое прежде было ничтожнымъ матеріаломъ, а теперь, облагороженное огнемъ, стало украшеніемъ дворца? Достаточно однаго удара моей руки, чтобъ обратить его въ прежнее ничтожество.» И съ этими словами онъ разбилъ его. „Но неужели разрушеніе это, сказала она ему со вздохомъ, есть подвигъ, достойный васъ, и сталъ ли отъ этаго дворецъ вашъ красивѣе?“ Императоръ обнялъ ее и удалился. Вечеромъ онъ прислалъ ей протоколъ о допросѣ преступниковъ, а на другой день, катаясь съ нею въ фаэтонѣ, проѣхалъ очень близко отъ столба, къ которому пригвождена была голова Монса. Она обратила на него свой взоръ безъ смущенія и сказала: „Какъ грустно, что у придворныхъ можетъ быть столько испорченности.“ Впрочемъ она вѣроятно не совсѣмъ убѣдилась въ виновности по крайней мѣрѣ г-жи Балкъ, потому что, послѣ смерти императора, возвратила ее изъ ссылки и возстановила во всѣхъ прежнихъ должностяхъ. Приговоръ, осудившій эту фаворитку и ея брата, исчислялъ малѣйшіе подарки, полученные ими отъ лицъ, обращавшихся къ ихъ содѣйствію и помощи ([108]), умолчавъ только о герцогѣ Голштинскомъ, чтобъ не увеличивать еще болѣе его горести.—Здоровье Петра великаго, давно шаткое, окончательно разстроилось со времени возвращенія его изъ Москвы; но онъ нисколько не хотѣлъ беречь себя. Дѣятельность его не знала покоя и презирала всевозможныя непогоды, а жертвы Венерѣ и Вакху истощали его силы и развивали въ немъ каменную болѣзнь. Чувствуя упадокъ силъ и не вполнѣ увѣренный, что послѣ его смерти воля его и коронованіе Екатерины бу-

([108]) Уже 24-го декабря 1714 г. царь повелѣлъ обнародовать указъ, чтобъ отнюдь никто изъ состоящихъ въ какой бы то они ни было службѣ или должности не принималъ подарковъ или посуловъ, подъ опасеніемъ лишенія чести и жизни. Всякій обязанъ былъ доносить на тѣхъ, о которыхъ узнаетъ, что они приняли взятку, и даже крѣпостные люди въ этомъ случаѣ могли быть доносчиками на своихъ господъ. Послѣдующіе указы часто подтверждали тоже самое.

Примѣч. состав. Записокъ.

дутъ на столько уважены, что скипетръ перейдетъ въ руки иностранки, стоящей посреди столькихъ особъ царской крови, онъ началъ посвящать принцессу Анну и герцога, тотчасъ послѣ ихъ обрученія, во всѣ подробности управленія государствомъ и системы, которой держался во все свое царствованіе. Но не довольствуясь приготовленіемъ любимой дочери къ мудрому управленію государствомъ послѣ смерти матери, монархъ, одушевленный заботами объ общественномъ благѣ и о прочности своей реформы, не оставлялъ безъ вниманія и случайностей, для него ненавистныхъ. Дѣлая все для удаленія отъ престола сына непокорнаго и несчастнаго Алексѣя, онъ въ то же время воспитывалъ его такъ, чтобъ тотъ могъ быть достойнымъ короны, еслибъ по какому либо случаю она досталась ему въ удѣлъ. Уже болѣе двухъ лѣтъ для развитія въ немъ вкуса къ военному дѣлу, рота изъ 40 гренадеръ, отроковъ изъ дворянскихъ фамилій, занимала караулы въ его покояхъ и вмѣстѣ съ нимъ упражнялась въ военныхъ экзерциціяхъ. Екатерина, всегда понимавшая высокія цѣли своего супруга и даже умѣвшая превзойти его въ великодушіи, оказывала молодому принцу, мать котораго когда-то нѣжно любила, самое тщательное вниманіе. День его рожденія приходился какъ разъ въ то время, когда императоръ праздновалъ взятіе Шлюссельбурга, и всегда въ самыхъ стѣнахъ этой важной крѣпости. Монархъ имѣлъ обыкновеніе проводить тамъ нѣсколько дней, а императрица, которая никогда не участвовала въ этой поѣздкѣ, праздновала между тѣмъ съ пышностью день, когда родился соперникъ ея дочерямъ въ наслѣдованіи престола. Въ свое царствованіе она удвоила попеченія о воспитаніи царевича и сестры его, царевны Наталіи Алексѣевны (109).

1725. Очень скоро послѣ праздника св. Крещенія 1725 г., императоръ почувствовалъ припадки болѣзни, окончившейся его смертью. Всѣ были очень далеки отъ мысли считать ее смертельною, но заблужденіе это не продолжалось и восьми дней. Тогда онъ пріобщился св. Таинъ по обряду, предписываемому для больныхъ греческою церковью. Вскорѣ, отъ жгучей боли, крики и стоны его раздались по всему дворцу, и онъ не былъ уже въ состояніи думать съ полнымъ сознаніемъ о распоряженіяхъ, которыхъ требовала его близкая кончина. Страшный жаръ держалъ его почти въ постоянномъ бреду. Наконецъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда смерть, передъ окончательнымъ ударомъ, даетъ обыкновенно вздохнуть нѣсколько своей жертвѣ, императоръ пришелъ въ себя и выразилъ желаніе писать; но его отяжелѣвшая рука чертила буквы, которыхъ невозможно было разобрать, и послѣ его смерти изъ написаннаго имъ удалось прочесть только первыя слова: «Отдайте все....» (rendez tout à....). Онъ самъ замѣтилъ, что пишетъ неясно, и потому закричалъ, чтобъ позвали къ нему принцессу Анну, которой хотѣлъ диктовать. За ней бѣгутъ; она спѣшитъ идти, но когда является къ его постели, онъ лишился уже языка и сознанія, которые болѣе къ нему не возвращались. Въ этомъ состояніи онъ прожилъ однакожъ еще 36 часовъ.

Удрученная горестію и забывая все на свѣтѣ, императрица не оставляла его изголовья три ночи сряду. Между тѣмъ, пока она утопала тамъ въ слезахъ, въ тайнѣ составлялся заговоръ, имѣвшій цѣлію заключеніе ея вмѣстѣ съ дочерьми

(109) Въ третьей части «Преображенной Россіи» находится планъ преподаванія богословія великому князю, составленный архіепископомъ Ѳеофаномъ, по повелѣнію императрицы, планъ, который заслуживаетъ удивленія и можетъ быть образцомъ во всякой религіи.

Прим. сост. Зап.

въ монастырь, возведеніе на престолъ великаго князя Петра Алексѣевича и возстановленіе старыхъ порядковъ, отмѣненныхъ императоромъ, и все еще дорогихъ не только простому народу, но и большей части вельможъ.

Ждали только минуты, когда монархъ испуститъ духъ, чтобъ приступить къ дѣлу. До тѣхъ же поръ, пока оставался въ немъ еще признакъ жизни, никто не осмѣливался начать что либо. Такъ сильны были уваженіе и страхъ, внушенные героемъ. Въ этотъ промежутокъ времени, Ягужинскій, извѣщенный о заговорѣ и движимый, съ одной стороны искреннею преданностью Екатеринѣ (преданностью, которой тогдашнія обстоятельства покамѣстъ не позволяли ему показать открыто), а съ другой дружбою къ графу Бассевичу, явился къ послѣднему переодѣтый и сказалъ ему: «Спѣшите позаботиться „о своей безопасности, если не хотите „имѣть чести завтра же красоваться на „висѣлицѣ рядомъ съ его свѣтлостью „княземъ Меншиковымъ. Гибель императрицы и ея семейства неизбѣжна, если „въ эту же ночь ударъ не будетъ отстраненъ". Не вдаваясь въ дальнѣйшія объясненія, онъ поспѣшно удалился. Графъ Бассевичъ немедленно побѣжалъ передать это предостереженіе убитой горестію императрицѣ. Наступила уже ночь. Государыня приказала ему посовѣтоваться съ Меншиковымъ и обѣщала согласиться на все, что̀ они сочтутъ нужнымъ сдѣлать, присовокупивъ, что увѣрена въ ихъ благоразуміи и преданности и что сама, убитая горемъ, ничего предпринять не въ состояніи. Меншиковъ всю предшествовавшую ночь провелъ подлѣ императора и потому спалъ глубокимъ сномъ, ничего не подозрѣвая о готовившейся катастрофѣ. Бассевичъ разбудилъ его и сообщилъ ему объ опасности, грозившей имъ и ихъ покровительницѣ.

Два геніальные мужа, одушевленные сознаніемъ всей важности обстоятельствъ, не замедлили порѣшить, что слѣдовало сдѣлать. Меншиковъ былъ шефомъ перваго гвардейскаго полка, генералъ Бутурлинъ ([110]) втораго. Онъ (Меншиковъ) послалъ къ старшимъ офицерамъ обоихъ полковъ и ко многимъ другимъ лицамъ, содѣйствіе которыхъ было необходимо, приказаніе явиться безъ шума къ ея императорскому величеству и въ тоже время распорядился, чтобъ казна была отправлена въ крѣпость, коммендантъ которой былъ его креатурой. Между тѣмъ Бассевичъ отправился съ донесеніемъ обо всемъ къ императрицѣ и постарался привлечь на ея сторону Бутурлина, который по личной непріязни былъ противъ предводителей партіи великаго князя. Всѣ приглашенные въ точности исполнили полученное ими предписаніе. Извѣщенная объ ихъ прибытіи, Екатерина, вмѣсто того, чтобъ спѣшить на встрѣчу имъ и скипетру, продолжала безъ пользы обнимать своего умирающаго супруга, который ея уже не узнавалъ, и не могла отъ него оторваться. Графъ Бассевичъ осмѣлился схватить ее за руку, чтобъ ввести въ кабинетъ, гдѣ Бутурлинъ и другіе ждали ея появленія. „Присутствіе „ваше безполезно здѣсь, государыня, сказалъ онъ ей, а тамъ ничего не можетъ „быть сдѣлано безъ васъ. Герой короновалъ васъ для того, чтобъ вы могли царствовать, а не плакать, и если душа его „еще остается въ этомъ тѣлѣ, которое „ему уже не служитъ, то только для того, „чтобъ отойдти съ увѣренностью, что вы „умѣете быть достойной своего супруга „и безъ его поддержки.»—«Я покажу, что умѣю: и ему, и вамъ, и всему міру", сказала она, быстро дѣлая надъ собой усиліе и стараясь овладѣть своими чувствами, на что̀ способны только люди съ сильнымъ характеромъ. Она величественно вошла

([110]) Иванъ Ивановичъ.

въ кабинетъ и отерла слезы, которыя еще болѣе трогали сердца всѣхъ, а за тѣмъ обратилась къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, гдѣ упомянула о правахъ, данныхъ ей коронованіемъ, о несчастіяхъ, могущихъ обрушиться на монархію подъ управленіемъ ребенка, и обѣщала, что не только не подумаетъ лишить великаго князя короны, но сохранитъ ее для него, какъ священный залогъ, который и возвратитъ ему, когда небу угодно будетъ соединить ее, государыню, съ обожаемымъ супругомъ, нынѣ отходящимъ въ вѣчность.

Обѣщанія повышеній и наградъ не были забыты, а для желавшихъ воспользоваться ими тотчасъ же были приготовлены векселя, драгоцѣнныя вещи и деньги. Многіе отказались, чтобъ не сочли ихъ усердіе продажнымъ; но архіепископъ Новгородскій не былъ въ числѣ такихъ, и за то первый подалъ примѣръ клятвеннаго обѣщанія, которому всѣ тутъ же послѣдовали, — поддерживать права на престолъ коронованной супруги Петра Великаго ([111]). Архіепископа Псковскаго не было при этомъ. Его, какъ ревностнаго приверженца государыни, не было надобности подкупать, и она не хотѣла, чтобъ онъ оставлялъ императора, котораго напутствовалъ своими молитвами. Собраніе разошлось, оставивъ другихъ вельможъ спокойно наслаждаться сномъ. Меншиковъ, Бассевичъ и кабинетъ-секретарь Макаровъ въ присутствіи императрицы послѣ того съ часъ совѣщались о томъ, что оставалось еще сдѣлать, чтобъ уничтожить всѣ замыслы противъ ея величества.

Князь полагалъ, что необходимо безотлагательно арестовать всѣхъ главныхъ злоумышленниковъ. Но Бассевичъ представлялъ, что такая мѣра можетъ произвести смятеніе и что если противной партіи удастся восторжествовать, то участь императрицы и ея приверженцевъ будетъ тѣмъ плачевнѣе. По его мнѣнію, слѣдовало прибѣгнуть къ хитрости и уклоняться отъ всякаго предпріятія, которое могло бы обнаружить все дѣло передъ глазами черни. Макаровъ былъ того же мнѣнія, а императрица никогда не любила крутыхъ мѣръ; поэтому немедленно общими силами составленъ былъ планъ для дѣйствія въ рѣшительную минуту, которая послѣдуетъ за смертью императора, и такъ какъ тутъ необходимо было содѣйствіе многихъ лицъ, то каждый обязался дать надлежащее наставленіе тѣмъ, которые были ему наиболѣе преданы, или находились въ его зависимости. Такъ прошло остальное время ночи.

Императоръ скончался на рукахъ своей супруги утромъ на другой день, 25-го января ([112]) Сенаторы, генералы и бояре

([111]) Когда воцарилась Екатерина, архіепископъ Новгородскій, видя, что она нисколько не ослабляетъ узды, наложенной ея супругомъ на власть духовенства, началъ дѣйствовать противъ нея и даже осмѣлился оказывать ей неуваженіе и говорить: что Богъ сократилъ дни Петра великаго въ наказаніе за его вины противъ духовенства. Въ маѣ 1725 г., по ея приказанію, онъ былъ сосланъ и заключенъ въ Корельскій монастырь, на берегахъ Двины, а Ѳеофанъ назначенъ вмѣсто него архимандритомъ Невскаго монастыря и архіепископомъ Новгородскимъ, главою первой эпархіи въ имперіи.

Примѣч. состав. Записокъ.

Показаніе Бассевича не противорѣчитъ подлинному дѣлу архіеп. Ѳеодосія, напечатанному въ Русск. Архивѣ 1864 г., вып. 2-й. и поясняетъ оное относительно разговора въ селѣ Покровскомъ, см. выше, стр. 159.

([112]) Онъ умеръ на 53 году своей жизни, родившись 30-го мая 1672 г. Императрица, по словамъ ея, родилась 5-го апрѣля 1689 г.; принцесса Анна—27 января 1707 г.; принцесса Елисавета — 18-го декабря 1709.; императоръ сочетался бракомъ съ императрицею, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, 19-го февраля 1706 г.; но титулъ царицы и величества

тотчасъ же собрались во дворецъ. Каждый изъ нихъ, чтобъ быть во-время обо всемъ увѣдомленнымъ, велѣлъ находиться въ большой залѣ своему старшему адъютанту или чиновнику. Въ передней они увидѣли графа Бассевича. Большая часть изъ нихъ смотрѣла на него, какъ на опальнаго, и даже другъ его Ягужинскій не рѣшался подойти къ нему. Но онъ самъ протѣснился впередъ, чтобъ приблизиться къ нему и сказалъ вполголоса: „Примите награду за предостереженіе, сдѣланное вами вчера вечеромъ. Увѣдомляю васъ, что казна, крѣпость, гвардія, синодъ и множество бояръ находятся въ распоряженіи императрицы, и что даже здѣсь друзей ея болѣе, чѣмъ вы думаете; передайте это тѣмъ, въ комъ вы принимаете участіе, и посовѣтуйте имъ сообразоваться съ обстоятельствами, если они дорожатъ своими головами".

Ягужинскій на замедлилъ сообщить о томъ своему тестю, великому канцлеру графу Головкину. Вѣсть эта быстро распространилась между присутствовавшими. Когда Бассевичь увидѣлъ, что она обѣжала почти все собраніе, онъ подошелъ и приложилъ голову къ окну, что было условленнымъ знакомъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздался бой барабановъ обоихъ гвардейскихъ полковъ, окружавшихъ дворецъ. „Что это значитъ? вскричалъ князь Репнинъ (113); кто осмѣлился давать подобныя приказанія помимо меня? Развѣ я болѣе не главный начальникъ полковъ?"—„Это приказано мною, безъ всякаго, впрочемъ, притязанія на ваши права", гордо отвѣчалъ генералъ Бутурлинъ, „я имѣлъ на то повелѣніе императрицы, моей всемилостивѣйшей государыни, которой всякій вѣрноподданный обязанъ повиноваться, и будетъ повиноваться, не исключая и васъ".

Всеобщее молчаніе послѣдовало за этою рѣчью; всѣ смотрѣли другъ на друга въ смущеніи и съ недовѣріемъ. Во время этой нѣмой сцены вошелъ Меншиковъ и вмѣшался въ толпу, а немного спустя явилась императрица, поддерживаемая герцогомъ Голштинскимъ, который провелъ ночь въ комнатѣ великаго князя. Послѣ нѣсколькихъ усилій заглушить рыданія, она обратилась къ собранію съ слѣдующими словами: „Несмотря на удручающую меня глубокую горесть, я пришла сюда, мои любезновѣрные (mes chers fils), съ тѣмъ, чтобы разсѣять справедливыя опасенія, которыя предполагаю съ вашей стороны, и объявить вамъ, что, исполняя намѣренія вѣчно дорогаго моему сердцу супруга, который раздѣлилъ со мною тронъ, буду посвящать дни мои труднымъ заботамъ о благѣ монархіи, до того самаго времени, когда Богу угодно будетъ отозвать меня отъ земной жизни. Если великій князь захочетъ воспользоваться моими наставленіями, то я, можетъ быть, буду имѣть утѣшеніе въ моемъ печальномъ вдовствѣ, что приготовила вамъ императора, достойнаго крови и имени того, кого только что вы лишились".

Меншиковъ, какъ первый изъ сенаторовъ и князей русскихъ, отвѣчалъ отъ имени всѣхъ: что дѣло, столь важное для спокойствія и блага имперіи, требуетъ зрѣлаго размышленія, и что поэтому да соблаговолитъ ея императорское величество дозволить имъ свободно и вѣрноподданнически обсудить его, дабы все, что будетъ сдѣлано, осталось безукоризненнымъ въ глазахъ націи и потомства. —Императрица отвѣчала: что дѣйствуя въ этомъ случаѣ болѣе для общаго блага, чѣмъ въ своемъ собственномъ интересѣ, она не боится все до нея касающееся отдать на ихъ просвѣщенный судъ; и что не только позволяетъ имъ совѣщаться, но даже приказываетъ тщательно обдумать все, обѣщая съ своей стороны

далъ ей только тогда, когда у нея обнаружились признаки беременности. *Примѣч. сост. Зап.*

(113) Князь Аникита Ивановичъ.

принять ихъ рѣшеніе, каково бы оно ни было.

Собраніе удалилось въ другую залу, двери которой заперли. Князь Меншиковъ открылъ совѣщаніе, обратившись съ вопросомъ къ кабинетъ-секретарю Макарову, не сдѣлалъ ли покойный императоръ какого-нибудь письменнаго распоряженія и не приказывалъ ли обнародовать его? Макаровъ отвѣчалъ, что незадолго до послѣдняго своего путешествія въ Москву государь уничтожилъ завѣщаніе, сдѣланное имъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и что послѣ того нѣсколько разъ говорилъ о намѣреніи своемъ составить другое, но не приводилъ этого въ исполненіе, удерживаемый размышленіемъ, которое часто высказывалъ: что если народъ, выведенный имъ изъ невѣжественнаго состоянія и поставленный на степень могущества и славы, окажется неблагодарнымъ, то ему не хотѣлось бы подвергнуть своей послѣдней воли возможности оскорбленія; но что, если этотъ народъ чувствуетъ, чѣмъ обязанъ ему за его труды, то будетъ сообразоваться съ его намѣреніями, выраженными съ такою торжественностью, какой нельзя было бы придать письменному акту. Когда Макаровъ умолкъ, архіепископъ Ѳеофанъ, видя, что вельможи несогласны въ мнѣніяхъ, обратился къ собранію съ просьбою позволить и ему сказать свое слово. Съ трогательнымъ краснорѣчіемъ указалъ онъ присутствовавшимъ на правоту и святость данной ими въ 1722 году присяги, которою они обязались признавать наслѣдника, назначеннаго государемъ. Нѣкоторые возразили ему, что здѣсь не видно такого яснаго назначенія, какъ старается представить Макаровъ; что недостатокъ этотъ можно принять за признакъ нерѣшительности, въ которой скончался монархъ, и что поэтому, вмѣсто него, вопросъ должно рѣшить государство. На такое возраженіе Ѳеофанъ отвѣчалъ точною передачею словъ императора, сказанныхъ у англійскаго купца наканунѣ коронованія императрицы, которыми его величество, открывая свое сердце передъ своими друзьями и вѣрными слугами, подтвердилъ, что возвелъ на престолъ достойную свою супругу только для того, чтобъ послѣ его смерти она могла стать во главѣ государства. За тѣмъ онъ обратился съ вопросомъ къ великому канцлеру и ко многимъ другимъ, при которыхъ сказаны были эти слова, помнятъ ли они ихъ? — Отдавая долгъ истинѣ, тѣ подтвердили все приведенное архіепископомъ. Тогда князь Меншиковъ воскликнулъ съ жаромъ: „Въ такомъ случаѣ, господа, я не спрашиваю никакого завѣщанія. Ваше свидѣтельство стоитъ какого бы то ни было завѣщанія. Если нашъ великій императоръ поручилъ свою волю правдивости знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ, то не сообразоваться съ этимъ было бы преступленіемъ и противъ вашей чести, и противъ самодержавной власти государя. Я вѣрю вамъ, отцы мои и братья, и да здравствуетъ наша августѣйшая государыня, императрица Екатерина!“ Эти послѣднія слова въ ту же минуту были повторены всѣмъ собраніемъ, и никто не хотѣлъ показать виду, что произноситъ ихъ противъ воли и лишь по примѣру другихъ. После того князь Меншиковъ, въ сопровожденіи всѣхъ прочихъ, возвратился къ императрицѣ и сказалъ ей: „Мы признаемъ тебя нашей всемилостивѣйшей императрицей и государыней и посвящаемъ тебѣ наши имущества и нашу жизнь“. Она отвѣчала въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, что хочетъ быть только матерью отечества. Всѣ цѣловали ей руку, и за тѣмъ открыты были окна. Она показалась въ нихъ народу, окруженная вельможами, которые восклицали: „Да здравствуетъ императрица Екатерина“! Офицеры гвардіи заставляли повторять эти

возгласы солдатъ, которымъ князь Меншиковъ началъ бросать деньги пригоршнями.

Такимъ образомъ Екатерина овладѣла скипетромъ, котораго она была такъ достойна. Сенаторы, генералы и знатнѣйшія духовныя лица въ тотъ же часъ составили и подписали манифестъ о провозглашеніи ея императрицею. Документъ этотъ заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь, потому что опровергаетъ разсказы нѣкоторыхъ писателей объ устномъ завѣщаніи Петра великаго, будто бы объявленномъ имъ передъ государственными сановниками, собравшимися вокругъ его постели. Вотъ онъ: (114)

„Вѣдомо да будетъ всѣмъ, что по волѣ всемогущаго Господа Бога, всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій Петръ великій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій, чрезъ двѣнадцати-дневную жестокую болѣзнь отъ сего временнаго житія въ вѣчное блаженство отъиде; а о наслѣдствіи престола Россійскаго не токмо единымъ его императорскаго величества, блаженной и вѣчно достойной памяти, манифестомъ февраля 5-го дня прошлаго 1722 года въ народъ объявлено, но и присягою подтвердили всѣ чины государства Россійскаго, дабы быть наслѣдникомъ тому, кто по волѣ императора будетъ избранъ. А понеже въ 1724 году удостоилъ короною и помазаніемъ любезнѣйшую свою супругу, великую государыню нашу, императрицу Екатерину Алексѣевну, за ея къ Россійскому государству мужественные труды, какъ о томъ довольно объявлено въ народѣ печатнымъ указомъ прошлаго 1723 года нобря 15-го числа: того для святѣйшій синодъ и высокоправительствующій сенатъ и генералитетъ согласно приказали во всенародное извѣстіе объявить печатными листами, дабы всѣ какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго чина и достоинства люди о томъ вѣдали и ей всемилостивѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ Всероссійской вѣрно служили".

Краснорѣчивый архіепископъ Өеофанъ, напечатавъ свою надгробную рѣчь съ похвальнымъ словомъ Петру великому, присоединилъ туда и описаніе его кончины (115). Онъ говоритъ, что во время болѣзни монархъ показалъ горячую привязанность къ своей религіи, и что послѣ общей консультаціи всѣхъ петербургскихъ медиковъ, увѣрившись въ опасности своего положенія, которое хорошо понималъ, зная устройство человѣческаго тѣла и характеръ своей болѣзни, онъ повелѣлъ повсемѣстно освободить и избавить отъ всякаго взысканія и наказанія лицъ, содержавшихся по обвиненіямъ въ оскорбленіи величества и въ воровствѣ, дабы они молились за упокой его души. Вотъ какъ разсказываетъ архіепископъ о восшествіи императрицы на престолъ:

„Мы считаемъ своею обязанностью „разсказать, въ какомъ положеніи находились между тѣмъ дѣла общественныя. „Вечеромъ, передъ кончиной императора, сенаторы и члены синода положили „между собою, что если по волѣ божіей „они лишатся своего отца, то безотлагательно соберутся, чтобы прежде чѣмъ „народъ узнаетъ о смерти монарха, принять необходимыя мѣры для сохраненія „общественнаго спокойствія. Все это и „было исполнено. Лишь только распро-

---

(114) Мы приводимъ подлинный текстъ этого манифеста, напечатаннаго въ Пол. Соб. Зак., Т. VII, № 4643, отъ 28 января 1725.—По французски у Бассевича онъ переданъ вѣрно.

(115) То и другое, въ нѣмецкомъ переводѣ издано брошюрою in 4о въ Гамбургѣ въ 1725 году. *Прим. сост. Зап.*

„странилась печальная вѣсть, всѣ сенаторы, главные генералы и нѣкоторые изъ „бояръ собрались во дворцѣ вмѣстѣ съ „четырьмя членами синода, которые провели тамъ ночь, и приступили къ совѣщаніямъ о наслѣдованіи престола. По „мнѣнію большей части изъ нихъ оно „принадлежало царственной вдовѣ, которая, въ силу своего коронованія, имѣла „даже неоспоримое право на управленіе „государствомъ безъ всякаго избранія. „Другіе полагали, что коронованіе не можетъ давать столь обширныхъ правъ, „потому что у бо́льшей части другихъ „народовъ супруги государей коронуются, не получая правъ на наслѣдованіе „престола. Но нѣкоторые указали на „цѣль, съ которою императоръ короновалъ свою супругу, и объявили, что до „похода въ Персію, онъ объяснялъ свои „виды четыремъ сенаторамъ и двумъ членамъ синода, находившимся теперь въ „числѣ присутствовавшихъ на совѣщаніи, сказавъ: что хотя въ Россіи и нѣтъ „такого обычая, но что необходимость „требуетъ этого, дабы послѣ его смерти „престолъ не оставался празднымъ, и „присутствіе наслѣдника не подавало никакого повода къ смятенію и недоразумѣніямъ. Когда слышавшіе слова эти „изъ устъ самаго императора засвидѣтельствовали ихъ достовѣрность, всѣ „согласились, что царствовать должна августѣйшая Екатерина. Послѣ того возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли обратиться „къ мнѣнію народа и войска, или по крайней мѣрѣ, офицеровъ; но многіе, и въ „особенности генералитетъ, воспротивились тому, утверждая, что всякое промедленіе будетъ опасно, и что дѣло „идетъ вовсе не объ избраніи, такъ какъ „рѣшено уже, кому принадлежитъ право „наслѣдованія. Тогда единодушно постановлено было считать настоящую конференцію собравшеюся не для избранія, „а лишь для торжественной декларации. „Немедленно составленъ былъ манифестъ, который подписали всѣ присутствовавшіе въ собраніи, и который потомъ разосланъ былъ во всѣ провинціи „имперіи. Сенатъ, синодъ и генералитетъ „возвѣщали имъ о кончинѣ императора, „о восшествіи на престолъ августѣйшей „Екатерины и приглашали всѣхъ подданныхъ государства къ присягѣ и повиновенію ея величеству. Послѣ того собраніе испросило себѣ аудіенцію у императрицы, и когда государыня вышла „изъ компаты покойнаго императора, оно „стало умолять ее не отказываться отъ „принятія на себя бремени правленія, „порученнаго ей Богомъ и вѣчно достойныя памяти супругомъ ея. Слезы и горесть не давали ей много говорить, но „въ знакъ своего согласія она протянула „правую руку для цѣлованія. Такъ по „милости божіей, менѣе чѣмъ въ часъ „времени, окончилось это великое дѣло.“ Таковъ разсказъ Ѳеофана. Къ словамъ его слѣдовало бы присовокупить, что Екатерина, подобно Траяну, не хотѣла ничего знать о заговорѣ, замышлявшемся противъ нея.

Тѣло великаго императора было съ пышною церемоніею предано землѣ въ церкви Петропавловской крѣпости, и вмѣстѣ съ нимъ погребена младшая шестилѣтняя дочь покойнаго Наталія Петровна, развитая не по лѣтамъ и умершая съ горя, причиненнаго ей кончиною родителя.

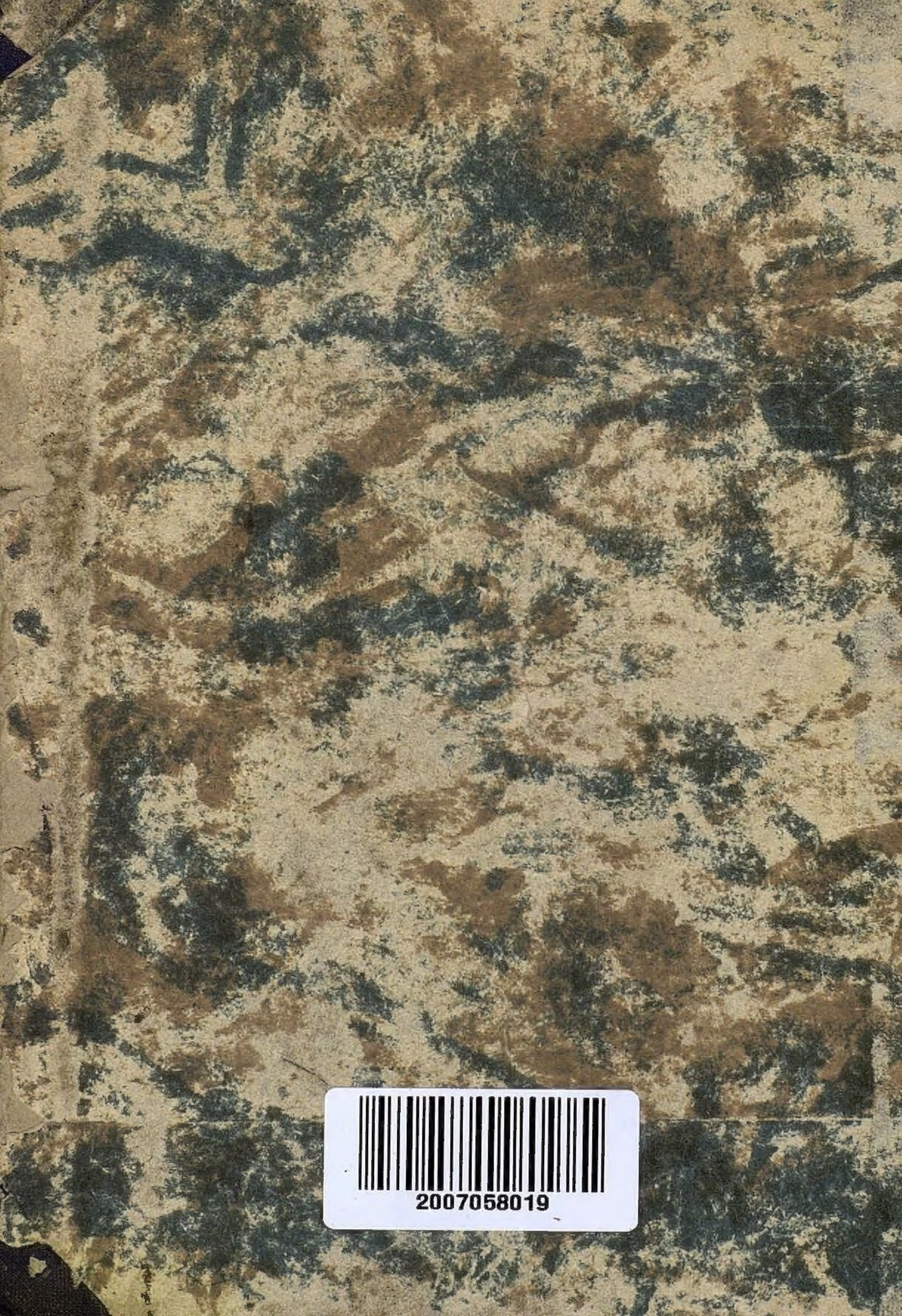
*

Послѣсловіе составителя Записокъ.

Можно безъ преувеличенія сказать, что герой этотъ совершилъ чудеса. Онъ преобразовалъ совершенно нравы Россіи, и несмотря на громадныя траты по поводу столькихъ войнъ и сооруженій, не смотря на множество погибшихъ при томъ людей, расчитано, что онъ сошелъ съ престола втрое богаче и могущественнѣе, чѣмъ былъ при восшествіи на него. Все вели-

кое, сдѣланное въ послѣдующія царствованія, было имъ начато или задумано. Никогда человѣкъ не совмѣщалъ въ себѣ столькихъ должностей и не несъ столько трудовъ. Онъ былъ законодателемъ государства и церкви, воиномъ на морѣ и на сушѣ, математикомъ, лоцманомъ, архитекторомъ, строителемъ кораблей, хирургомъ, плотникомъ,—и все это съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла; имѣлъ прекрасныя свѣдѣнія во многихъ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, наконецъ сверхъ всего обладалъ великимъ даромъ управленія государствомъ. Правда, открытіе С.Петербургской Академіи наукъ совершилось слишкомъ черезъ годъ послѣ его смерти, но основателемъ ея былъ онъ, и находящіяся въ ея кабинетахъ сокровища любопытныхъ предметовъ по естественной исторіи, въ особенности по части анатоміи, были собраны имъ. Онъ отдавалъ строгія приказанія присылать со всѣхъ концовъ своей обширной имперіи рѣдкія и чудовищныя произведенія природы. Щедрость его не имѣла предѣловъ, когда дѣло шло о поощреніи полезныхъ талантовъ, а полезнымъ онъ называлъ не только то, что̀ служило къ увеличенію могущества государства, но и то, что̀ способствовало счастію и просвѣщенію отдѣльныхъ лицъ. Никогда не замѣчали, чтобъ онъ страшился опасности, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ онъ вѣрилъ въ предопредѣленіе, потому что никогда также и не подвергалъ себя опасности безразсудно, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ увѣренность въ своемъ искусствѣ и въ знаніи морскаго дѣла придавали ему смѣлости. Внѣшняго лоска ему не удалось пріобрѣсти; но имѣлъ ли онъ на то время, онъ, который занятъ былъ преобразованіемъ государства? При многихъ добродѣтеляхъ, онъ имѣлъ и два преобладающихъ порока—вспыльчивость и любовь къ горячимъ напиткамъ. Воспитаніе могло бы искоренить ихъ; но его воспитаніе было дурно и только способствовало развитію ихъ. Впрочемъ вспыльчивость была у него слѣдствіемъ его пламеннаго темперамента, и ему-то онъ обязанъ былъ тою дѣятельностью и тою настойчивостью, которыхъ требовала его реформа. Былъ ли онъ жестокъ? Это вопросъ нерѣшенный. Онъ сочувствовалъ малѣйшимъ горестямъ людей честныхъ, перевязывалъ раненныхъ, лечилъ больныхъ. Кровавая строгость допускалась имъ лишь тогда, когда того требовали правосудіе и благо государства. Они часто предписывали ее, и иногда въ ужасныхъ размѣрахъ, но таково было положеніе дѣлъ. Поэтому онъ стоически могъ смотрѣть на казни; разсказываютъ даже, что онъ до своихъ путешествій самъ собственноручно казнилъ. Но остережемся дѣлать отсюда заключенія о его жестокости. Если мы назовемъ этимъ именемъ дѣйствія, очищающія землю отъ преступниковъ, то можемъ увлечься до хулы полу-боговъ, которые въ дни битвъ проливаютъ и заставляютъ проливать столько благородной крови. Несомнѣнно впрочемъ то, что Петръ великій былъ однимъ изъ тѣхъ смертныхъ, которымъ справедливо удивляются, — смертныхъ, рожденныхъ для прославленія своего вѣка въ лѣтописяхъ міра, и Небо, увѣнчавшее жизнь его столькими славными успѣхами, щедро воздало должное памяти его, открывъ путь къ наслѣдованію Россійскаго престола Екатеринѣ II-й.

Изъ Русскаго Архива 1865 г.
Дозволено цензурой. Москва 17 марта 1865 года.
Въ типографіи Грачева и комп.


2007058019